БЕЗКОНЕЧНОЕ АНАКСИМАНДРА.

М. И. Каринскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, 80.
1890.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, іюнь 1890 г.

Не смотря на особое вниманіе, которое въ историко-философской литературѣ новаго времени обращено было на разъясненіе философскаго міровоззрѣнія Анаксимандра, самое важнѣйшее ученіе этого выдающагося мыслителя древности, ученіе о безконечномъ и доселѣ представляетъ много спорнаго. Можно считать, правда, почти общепризнаннымъ и достаточно твердо обоснованнымъ мнѣніе, что безконечное Анаксимандра не было чисто абстрактною безконечностью, какъ у Платона и пиѳагорейцевъ, что оно было реально существующимъ предметомъ тѣлесной природы (σῶμα), безконечность же имѣла значеніе свойства, характеристическаго аттрибута этого предмета, какъ это было и у слѣдующихъ за Анаксимандромъ физиковъ [1]). Но этимъ и ограничивается все, что можно утверждать о началѣ (ἀρχή) Анаксимандра, не рискуя встрѣтить очень серьезныхъ возраженій. Ближайшее опредѣленіе этого σῶμα съ его ка-

---

[1]) Обстоятельное доказательство этого мнѣнія см. *Zeller*, Phil. d. Griech. 4 Aufl., I, 184 — 188. Къ свидѣтельствамъ, которыя приведены здѣсь въ подтвержденіе этого мнѣнія (важнѣйшія изъ нихъ приводились уже Шлейермахеромъ въ его сочиненіи объ Анаксимандрѣ Werke z. Phil. II, 176 — 177), можно прибавить слова Ѳеофраста у Симплиція (Simpl. in Arist. Phys. ed. *Diels.* 1882, 27, 22 — 23), которыми Ѳеофрастъ заканчиваетъ свое сравненіе Анаксагоровыхъ гомойомерій съ безконечнымъ Анаксимандра: ὥστε φαίνεται (Ἀναξαγόρας) τὰ σωματικὰ στοιχεῖα παραπλησίως ποιῶν Ἀναξιμάνδρῳ. Здѣсь терминъ σωματικὰ στοιχεῖα, очевидно, служитъ общимъ названіемъ какъ для гомойомерій Анаксагора, такъ и для безконечнаго Анаксимандра. Могутъ имѣть свое значеніе и приводимыя *Neuhaus.* Anaxim. Milesius. 1883 г. 42, № 4, свидѣтельства въ пользу той же мысли; но другія мѣста Аристотеля, на которыя онъ ссылается на той же страницѣ, предполагаютъ уже одинъ изъ спорныхъ взглядовъ на безконечное Анаксимандра, а слѣдовательно, безъ всякой нужды ставятъ мысль, которая можетъ быть основана на твердыхъ данныхъ, въ зависимость отъ мнѣнія, раздѣляемаго далеко не всѣми.

чественной стороны вызываетъ большое разногласіе. По мнѣнію однихъ, Анаксимандръ безконечнымъ называлъ смѣшеніе разнородныхъ составныхъ частей; по другимъ—оно было чуждо всякой качественной опредѣленности, третьи считаютъ его за τὸ μεταξὺ стихій, то-есть, за то среднее, промежуточное между стихіями бытіе, о которомъ Аристотель не разъ упоминаетъ, когда перечисляетъ начала древнихъ физиковъ. Не одинаково смотрятъ историки и на то вѣчное движеніе, которое, по извѣстіямъ, Анаксимандръ приписывалъ своему безконечному: по мнѣнію однихъ, подъ вѣчнымъ движеніемъ разумѣется самый процессъ рожденія и уничтоженія конечнаго, возникновенія его изъ нѣдръ безконечнаго и возвращенія въ эти нѣдра; для другихъ вѣчное движеніе есть вѣчное круговращеніе неба, служащее причиной рожденія и гибели всего возникающаго. Самая безконечность толкуется не одинаково. Одни понимаютъ этотъ терминъ какъ обозначеніе неопредѣленности содержанія; что же касается безграничной пространственной протяженности, которую онъ обыкновенно означалъ въ философской литературѣ грековъ, то одни думаютъ, что самая идея о безпредѣльномъ протяженіи развилась въ философской мысли лишь позднѣе эпохи Анаксимандра. Другіе съ безконечностью Анаксимандрова начала, на оборотъ, соединяютъ представленіе именно о безпредѣльномъ пространственномъ протяженіи. Это разнорѣчіе компетентныхъ ученыхъ достаточно свидѣтельствуетъ о темнотѣ и запутанности вопроса; но оно же естественно вызываетъ и на новую попытку пересмотрѣть не одинаково толкуемыя и, по видимому, стоящія въ противорѣчіи одно съ другимъ извѣстія древности о философскихъ взглядахъ Анаксимандра. Опытъ такого пересмотра и излагается на дальнѣйшихъ страницахъ. Порядокъ изложенія, при запутанности вопроса, естественно долженъ былъ въ извѣстной степени опредѣляться методическими удобствами.

Способъ происхожденія всего изъ безконечнаго.

Есть сторона въ ученіи Анаксимандра о безконечномъ, разъясненіе которой, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, не нуждается въ ссылкахъ на другіе его взгляды. Раздѣляя физиковъ на двѣ группы, Аристотель очень опредѣленно различаетъ взгляды ихъ на происхожденіе всего остальнаго бытія изъ начала: по одному изъ этихъ

взглядовъ, все возникаетъ чрезъ разрѣженіе и уплотненіе начала, по другому—путемъ выдѣленія изъ него, и этотъ послѣдній взглядъ не менѣе опредѣленно онъ приписываетъ Анаксимандру [1]). Кромѣ этого свидѣтельства, на которое обыкновенно ссылаются при разъясненіи взгляда Анаксимандра на способъ возникновенія остальнаго бытія изъ безконечнаго, для той же цѣли можно воспользоваться и другимъ мѣстомъ изъ того же Аристотеля. Извѣстно, что одно изъ приводимыхъ имъ основаній, на которыя ссылались физики, доказывая безконечность начала, доксографы относятъ къ Анаксимандру. Смыслъ этого основанія состоитъ въ томъ, что только безконечность того, откуда, какъ выражается Аристотель, „извлекается“ рождаемое, можетъ обезпечить неоскудѣваемость процесса рожденія и разрушенія [2]). То, что въ первомъ свидѣтельствѣ названо выдѣленіемъ, здѣсь характеризуется какъ извлеченіе изъ начала; процессъ, который въ первомъ свидѣтельствѣ лишь отличался опредѣленно отъ процессовъ разрѣженія и уплотненія, здѣсь нагляднѣе характеризуется какъ такой процессъ, который, будучи постояннымъ извлеченіемъ изъ начала все новыхъ и новыхъ пороженій, грозитъ сполна исчерпать начало, если оно не безконечно. Въ виду разнообразія толкованій термина выдѣленія, это введеніе самимъ Аристотелемъ новаго термина и именно въ связи съ ученіемъ о безконечности начала имѣетъ свое значеніе, оно рельефнѣе показываетъ намъ, что Аристотель понимаетъ выдѣленіе у Анаксимандра какъ процессъ, предполагающій въ безконечномъ содержаніе, которое расходуется или тратится на міровую жизнь.

Сравнимъ ученіе Анаксимандра о происхожденіи важнѣйшихъ предметовъ, входящихъ въ составъ міра, какъ рисуется оно намъ въ скудныхъ, дошедшихъ до насъ, извѣстіяхъ древности, съ подобнымъ же ученіемъ его непосредственнаго преемника въ іонійской школѣ Анаксимена, который, по видимому, первый пользовался теоріей разрѣженія и уплотненія для объясненія происхожденія ко-

---

[1]) Phys. I, 4, нач.: Ὡς δ' οἱ φυσικοὶ λέγουσι, δύο τρόποι εἰσίν· οἱ μὲν ... τἄλλα γεννῶσι πυκνότητι καὶ μανότητι πολλὰ ποιοῦντες... οἱ δ' ἐκ τοῦ ἑνὸς ἐνούσας τὰς ἐναντιότητας ἐκκρίνεσθαι ὥσπερ Ἀναξίμανδρός φησι.

[2]) Phys. III, 4, 203, b. 18—20: ἔτι τῷ οὕτως ἂν μόνως μὴ ὑπολείπειν γένεσιν καὶ φθοράν, εἰ ἄπειρον εἴη ὅθεν ἀφαιρεῖται τὸ γιγνόμενον. Doxogr. ed. *Diels*, 277. 8—9. Plut. Plac. l. 3. Stob. 1, 10: λέγει γ'οὖν (Ἀναξίμανδρος), διότι ἀπέραντόν ἐστιν, ἵνα μηδὲν ἐλλείπῃ ἡ γένεσις ἡ ὑφισταμένη. То же Evs. Praep. Ev. XIV, 14, 2.

печнаго изъ безконечнаго [1]), и мы увидимъ, какъ послѣдовательно Анаксимандромъ проводился его общій взглядъ на отношеніе начала къ частнымъ предметамъ, и какъ опредѣленно отличаются вслѣдствіе того его мнѣнія о космогоническихъ процессахъ отъ мнѣній слѣдующаго за нимъ представителя другой общей теоріи рожденія. Оба эти философа придавали особое значеніе теплу и холоду въ міровыхъ процессахъ, но тогда какъ Анаксименъ считалъ ихъ простыми смѣнными состояніями первичнаго вещества, происходящими отъ его разрѣженія и уплотненія, Анаксимандръ говорилъ на оборотъ объ ихъ выдѣленіи изъ него [2]). По ученію обоихъ, свѣтила небесныя происходятъ изъ огня, но, по теоріи Анаксимена, возникновеніе этого огня предполагаетъ даже двукратное примѣненіе его основнаго принципа рожденія, качественно видоизмѣняющаго стихію: прежде должно было совершиться уплотненіе воздуха въ землю и затѣмъ уже должно было произойдти разрѣженіе земныхъ испареній, чтобы они могли перейдти въ огонь: у Анаксимандра пламя непосредственно выдѣляется изъ формирующагося цѣлаго, обвивая его какъ кора дерево [3]). И тогда какъ у Анаксимена самое образованіе свѣтилъ небесныхъ изъ огня предполагаетъ опять какой-то недостаточно ясный процессъ сплотненія, который по крайней мѣрѣ самое ядро неподвижныхъ звѣздъ долженъ сдѣлать болѣе или менѣе плотнымъ, для Анаксимандра небесныя свѣтила суть простой результатъ разрыва образовавшейся

---

[1]) Simpl. in Arist. phys. ed. *Diels.* 149, 32—150. 1: ἐπὶ γὰρ τούτου μόνου (Ἀναξιμένους) Θεόφραστος ἐν τῇ ἱστορίᾳ τὴν μάνωσιν εἴρηκε καὶ πύκνωσιν. Вѣроятно, справедлива догадка Целлера, Phil. d. Griech., 223, № 3, что, по Θеофрасту, *только изъ древнѣйшихъ* іонійцевъ Анаксименъ былъ единственнымъ, пользовавшимся этою теоріей.

[2]) Doxogr. *Diels.* 561, 1, Hippol. (по ученію Анаксимена) τὰ κυριώτατα τῆς γενέσεως ἐναντία εἶναι θερμόν τε καὶ ψυχρόν. Plut. Moral. ed. *Didot* 1867—1877, Vol. 2. De pr: frig. 1160. 12 — 18: ἢ, καθάπερ Ἀναξιμένης ὁ παλαιὸς ᾤετο, μήτε τὸ ψυχρὸν ἐν οὐσίᾳ, μήτε τὸ θερμὸν ἀπολείπωμεν, ἀλλὰ πάθη κοινὰ τῆς ὕλης ἐπιγινόμενα ταῖς μεταβολαῖς· τὸ γὰρ συστελλόμενον αὐτῆς καὶ πυκνούμενον, ψυχρὸν εἶναι φησί. τὸ δὲ ἀραιὸν καὶ τὸ χαλαρὸν, οὕτω πως ὀνομάσας καὶ τῷ ῥήματι, θερμόν. Doxogr. *Diels.* 579. 13—14. Plut. Strom.: φησὶ δὲ (Ἀναξίμανδρος) τὸ ἐκ τοῦ αἰδίου γόνιμον θερμοῦ τε καὶ ψυχροῦ κατὰ τὴν γένεσιν τοῦδε τοῦ κόσμου ἀποκριθῆναι.

[3]) Ibid. 580. 1—2: πιλουμένου δὲ τοῦ ἀέρος πρώτην γεγενῆσθαι λέγει (Ἀναξιμένης) τὴν γῆν.... τὸν ἥλιον καὶ τὴν σελήνην καὶ τὰ λοιπὰ ἄστρα τὴν ἀρχὴν τῆς γενέσεως ἐκ γῆς ἔχειν. Ibid. 561. 5—7. Hippol.: γεγονέναι δὲ τὰ ἄστρα (по Анаксимену) ἐκ γῆς διὰ τὸ τὴν ἰκμάδα ἐκ ταύτης ἀνίστασθαι, ἧς ἀραιουμένης τὸ πῦρ γίνεσθαι, ἐκ δὲ τοῦ πυρὸς μετεωριζομένου τοὺς ἀστέρας συνίστασθαι. Объ Анаксимандрѣ см. цитату слѣдующую.

вышеуказаннымъ путемъ огненной сферы и заключенія разорванныхъ массъ огня въ огромныя массы воздуха [1]). По Анаксимену, вѣтры рождаются, когда сплотненный воздухъ вновь разрѣжается; для Анаксимандра вѣтеръ есть движеніе тончайшихъ паровъ, выдѣляемыхъ изъ воздуха [2]). Дальнѣйшее и дальнѣйшее сплотненіе воздуха представляютъ, по мнѣнію Анаксимена, облако, дождь и вода; система Анаксимандра, на оборотъ, знаетъ жидкое, которое имѣетъ самостоятельное происхожденіе, или какую-то первичную жидкость; часть этой жидкости испаряется, то-есть, опять-таки выдѣляется через испаренія, откуда, вѣроятно, и нужно объяснять существованіе паровъ въ воздухѣ, которыми объясняется дождь, тогда какъ другая часть, остатокъ отъ предшествовавшаго выдѣленія, есть море [3]).

На этомъ сопоставленіи взглядовъ Анаксимандра съ взглядами Анаксимена довольно ясно выступаетъ, какъ послѣдовательно про-

---

[1]) См. предш. цит. объ Анаксименѣ. Болѣе плотную природу неподвижныхъ звѣздъ у Анаксимена, по видимому, нужно предполагать для объясненія прикрѣпленности ихъ къ небесному своду. Ibid. 344. 4—6. Plut. Plac. 11, 14. Stob. Ecl. 1, 24: Ἀναξιμένης ἥλων δίκην καταπεπηγέναι (τὰ ἄστρα) τῷ κρυσταλλοειδεῖ. Сл. *Teichm* Stud. z. Gesch. d. Begr. 85—91. Dox. *Diels.* 579. 14—17. Plut. Strom.: καί τινα ἐκ τούτου (то-есть, τοῦ γονίμου, о которомъ упомянуто выше) φλογὸς σφαῖραν περιφυῆναι, (по ученію Анаксимандра) τῷ περὶ τὴν γῆν ἀέρι ὡς τῷ δένδρῳ φλοιόν. ἧστινος ἀπορραγείσης καὶ εἴς τινας ἀποκλεισθείσης κύκλους ὑποστῆναι τὸν ἥλιον καὶ τὴν σελήνην καὶ τοὺς ἀστέρας. Ibid. 559, 25—560, 1, Hipp.: τὰ δὲ ἄστρα γίνεσθαι κύκλοὺ πυρός, ἀποκριθέντα τοῦ κατὰ τὸν κόσμον πυρός, περιληφθέντα δ' ὑπὸ ἀέρος.

[2]) Ibid. 561, 12—15. Hippol.: (по Анаксимену) ἀνέμους δὲ γεννᾶσθαι, ὅταν ἐκπεπυκνωμένος ὁ ἀὴρ ἀραιωθεὶς φέρηται. Въ толкованіи этого извѣстія мы слѣдуемъ *Zell.* 1. 225. № 1, и Дильсъ замѣчаетъ ἐκπεπυκνωμένος vix explices densitate privatus ...nec simul ἀραιωθεὶς ferri potest. Dox. *Diels* 560, 8—9 Hippol.: ἀνέμους δὲ γίνεσθαι-σпо Анаксимандру) τῶν λεπτοτάτων ἀτμῶν τοῦ ἀέρος ἀποκρινομένων καὶ ὅταν ἀθροιλθῶσι κινουμένων. Подобно Plut. Plac. 111, 7, ibid. 374, 19—22.

[3]) Ibid. 561, 13—15 Hippol.; (по Анаксимену) συνελθόντος δὲ (ἀέρος) καὶ ἐπ-πλεῖον παχυθέντος νέφη γεννᾶσθαι καὶ οὕτως εἰς ὕδωρ μεταβάλλειν. Подобное же о дождѣ Plut. Plac. 111, 4, Stob. Ecl. 1, 31. Ibid. 370, 26—29. Arist. Meteor. II 1, 353, b. 5—11.—Οἱ δὲ σοφώτεροι τὴν ἀνθρωπίνην σοφίαν ποιοῦσιν αὐτῆς (τῆς θα-(άττης) γένεσιν· εἶναι γὰρ τὸ πρῶτον ὑγρὸν ἅπαντα τὸν περὶ τὴν γῆν τόπον, ὑπὸ δὲ τοῦ ἡλίου ξηραινόμενον τὸ μὲν διατμίσαν πνεύματα καὶ τροπὰς ἡλίου καὶ σελήνης φᾶσι ποιεῖν, τὸ δὲ λειφθὲν θάλατταν εἶναι· διὸ καὶ ἐλάττω γίνεσθαι ξηραινομένην οἴονται, κα τέλος ἔσεσθαί ποτε πᾶσαν ξηράν. Александръ изъ Афродизіады въ толкованіи на это мѣсто говоритъ (см. Doxogr. *Diels.* 494, 11—495, 1): ταύτης τῆς δόξης ἐγένοντο, ὡς ἱστορεῖ ὁ Θεόφραστος, Ἀναξίμανδρός τε καὶ Διογένης. И Plut. Plac. 111, 16. Dox. *Diels.* 381, 15—18, говорится: Ἀναξίμανδρος τὴν θάλαττάν φησιν εἶναι τῆς πρώτης ὑγρασίας λείψανον, ἧς τὸ μὲν πλεῖον μέρος ἀνεξήρανε τὸ πῦρ.

водилъ первый отличавшую его отъ другихъ древнѣйшихъ физиковъ теорію выдѣленія. Тѣмъ удивительнѣе кажется, когда ему приписывается такое ученіе о происхожденіи вышеупомянутой первичной жидкости и о значеніи ея въ мірообразовательномъ процессѣ, которое скорѣе отвѣчало бы теоріи разрѣженія и уплотненія, чѣмъ теоріи выдѣленія. Уже Брандисъ говорилъ, что, по мнѣнію Анаксимандра, эта жидкость была субстратомъ биванія [1]). Целлеръ [2]) называетъ ее основнымъ элементомъ и, производя ее, подобно Брандису, изъ смѣшенія тепла и холода, заставляетъ уже изъ нея выдѣляться и землю, и воздухъ, и пламя, образующее звѣзды. Такое начало космогоніи въ системѣ Анаксимандра представляло бы нѣчто достойное изумленія. Первый шагъ космогоническаго процесса, переходъ холоднаго и теплаго въ жидкое, явно былъ бы чистымъ качественнымъ превращеніемъ вещества. Еслибы въ глазахъ самого Анаксимандра онъ не былъ чистымъ качественнымъ превращеніемъ, то чѣмъ его первожидкое, единственный основный элементъ, изъ котораго на дѣлѣ выдѣлялось бы тогда сполна все, что относится къ составу міра въ его собственныхъ глазахъ могло бы различаться по своему содержанію отъ того безконечнаго начала, изъ котораго выдѣлились теплое и холодное, вновь слившіяся въ единство этого первожидкаго? Но ученіе о качественномъ превращеніи вещества и именно такомъ превращеніи, которое не предполагаетъ и не можетъ предполагать соединеннаго съ нимъ и совершающагося чрезъ его посредство выдѣленія, вполнѣ противорѣчило бы духу Анаксимандровой системы. Поэтому, если Целлеръ самое понятіе выдѣленія у Анаксимандра и понимаетъ такъ, что оно оказывается тѣсно связаннымъ съ понятіемъ качественнаго превращенія, все же этотъ переходъ уже выдѣлившихся, уже обособившихся другъ отъ друга теплаго и холоднаго въ единство первичной жидкости, переходъ противоположностей сполна во всемъ ихъ объемѣ въ иное и единое бытіе, ни въ какомъ смыслѣ не можетъ быть названъ выдѣленіемъ, и Целлеръ самъ долженъ былъ употребить здѣсь иной терминъ „смѣшеніе тепла и холода", о которомъ не знаетъ ни одинъ изъ нашихъ источниковъ, какъ ни одинъ изъ нихъ не знаетъ ничего также и вообще о превращеніи первичной противоположности теплаго и холоднаго въ единство жидкаго. И во всякомъ случаѣ представляется страннымъ,

[1]) Handb. d. Gr. röm. Phil. I, 134.

[2]) Phil. d. Gr. I, 205—206.

что философъ, назвавшій выдѣленіемъ способъ порожденія разнообразнаго бытія изъ нѣдръ безконечнаго и довольно послѣдовательно, какъ мы видѣли, проводившій эту мысль въ пунктахъ менѣе значительныхъ, вводитъ иное объясненіе въ одномъ изъ первыхъ и важнѣйшихъ моментовъ космогоническаго процесса. Целлерово представленіе дѣла не даетъ никакого отвѣта и на тотъ естественный вопросъ: какой смыслъ имѣло бы само первичное выдѣленіе теплаго и холоднаго, если это обособленіе качественностей тотчасъ же должно исчезнуть въ однообразіи жидкаго? Не представляется ли эта первичная жидкость въ такомъ случаѣ чѣмъ-то въ родѣ миѳологическаго бога (миѳъ о Зевсѣ и Фанесѣ), поглощающаго все, первоначально возникшее, для того, чтобы выпустить изъ себя новый міръ, съ тѣмъ однако существеннымъ различіемъ отъ него, что ученіе о превращеніи возникшаго разнообразія во всеединство жидкаго не имѣетъ того смысла, который былъ заключенъ въ этой космогонической баснѣ?

Есть, правда, одно свидѣтельство, которое даетъ чрезвычайное значеніе водѣ въ системѣ Анаксимандра. Въ находящейся въ сборникѣ Аристотелевыхъ сочиненій книжкѣ de Mel. Xen. et Gorg. [1]) (которую впрочемъ въ новое время большинство ученыхъ считаетъ за подложное, хотя и древнее сочиненіе) Анаксимандру приписывается мнѣніе, что все есть вода. Но Целлеръ самъ совершенно справедливо не даетъ вѣры этому свидѣтельству на томъ основаніи, что оно „обозначаетъ воду не только какъ то, изъ чего міръ произошелъ, но какъ то, изъ чего онъ постоянно состоитъ", а этому противорѣчатъ всѣ другія и очень вѣскія историческія свидѣтельства [2]). Да и тому, кто захотѣлъ бы опираться на это свидѣтельство, говорить о происхожденіи самого жидкаго изъ теплаго и холоднаго было бы уже нельзя [3]). Что же касается всѣхъ другихъ свѣдѣній, которыя мы имѣемъ о жидкомъ у Анаксимандра и на которыя ссылается Целлеръ, то ни одно изъ нихъ не даетъ основаній заключать, чтобы все остальное бытіе выдѣлялось у Анаксимандра изъ воды. Гермій

[1]) 975. b: 22—23.

[2]) *Zeller*. Phil. d. Griech. I. 205.

[3]) Нейгэузеръ, Anax. M. 254, не сомнѣвается однако опираться на это свидѣтельство, хотя, по его взгляду, жидкое не только само возникаетъ въ космогоническомъ процессѣ, но и есть лишь одно изъ двухъ первыхъ выдѣлившихся веществъ у Анаксимандра, а въ текстѣ свидѣтельства говорится: ὕδωρ εἶναι φαμενος το πᾶν. По всей вѣроятности, въ самомъ извѣстіи вслѣдствіе какой-то случайности имя Анаксимандра ошибочно поставлено вмѣсто имени Θалеса.

говоритъ, что Анаксимандръ признавалъ вѣчное движеніе старше жидкаго. Но если взять во вниманіе контекстъ рѣчи Гермія, то будетъ ясно, что изъ его словъ ни о какомъ особомъ значеніи жидкаго заключать нельзя. Какъ во всемъ своемъ διασυρμὸς τῶν ἔξω φιλοσόφων Гермій для доказательства ничтожности мудрости міра хочетъ выставить разнорѣчіе философовъ по всѣмъ вопросамъ [1]), такъ и въ данномъ мѣстѣ его цѣль состоитъ только въ томъ, чтобы показать, что взглядъ, только что высказанный Ѳалесомъ, тотчасъ же устраненъ Анаксимандромъ; съ этою именно цѣлью, сказавъ, что Ѳалесъ началомъ признавалъ воду и утверждалъ, что все изъ жидкаго состоитъ и въ жидкое возвращается, онъ съ насмѣшкой противопоставляетъ ему его согражданина Анаксимандра, который вѣчное движеніе призналъ старше жидкаго [2]). Очевидно, съ цѣлью Гермія было бы совершенно согласно выразиться такъ, еслибы жидкое никогда не представляло собою у Анаксимандра всего міроваго вещества, а возникало бы изъ безконечнаго на ряду съ какимъ-нибудь другимъ или другими элементами. Въ цитованномъ уже нами мѣстѣ Arist. Meteor. II. 1. и въ параллельномъ мѣстѣ Plac. Plut. говорится только о происхожденіи моря и вѣтровъ изъ испареній жидкаго; о зависимости отъ него по бытію воздуха или земли тамъ нѣтъ ни одного слова, а существованіе огня подлѣ жидкаго даже несомнѣнно уже предполагается, такъ какъ испаренія воды ставятся въ зависимость отъ теплоты солнца. Plut. Plac., правда, употребляетъ названіе первичной жидкости (ἡ πρώτη ὑγρασία). Но жидкое, существовавшее въ первое время бытія міра и потомъ испарившееся, развѣ не могло естественно получить названіе первичной жидкости въ сравненіи съ теперь существующимъ моремъ—ничтожнымъ остаткомъ его въ большомъ углубленіи земли, хотя бы это жидкое и не претендовало на значеніе всеединаго вещества міра? Комментаторъ Александръ относитъ къ Анаксимандру еще другое мѣсто изъ Метеорологіи Аристотеля именно II. 2. 355 a. 21—25 [3]).

---

[1]) Doxogr. *Diels*, 651. 5—8: δοκεῖ γάρ μοι (ἡ σοφία τοῦ κόσμου τούτου) τὴν ἀρχὴν εἰληφέναι ἀπὸ τῆς τῶν ἀγγέλων ἀποστασίας, δι᾽ ἣν αἰτίαν οὔτε σύμφωνα οὔτε ὁμόλογα οἱ φιλόσοφοι πρὸς ἀλλήλους λέγοντες ἐκτίθενται τὰ δόγματα.

[2]) Ibid. 653. 20 — 24: Ἀλλαχόθεν δέ μοι Θαλῆς τὴν ἀλήθειαν νεύει ὁριζόμενος ὕδωρ τοῦ παντὸς ἀρχήν· καὶ ἐκ τοῦ ὑγροῦ τὰ πάντα συνίσταται καὶ εἰς ὑγρὸν ἀναλύεται... διὰ τί τοίνυν μὴ πεισθῶ Θαλῇ τῷ πρεσβυτάτῳ τῶν Ἰώνων; ἀλλ᾽ ὁ πολίτης αὐτοῦ Ἀναξίμανδρος τοῦ ὑγροῦ πρεσβυτέραν ἀρχὴν εἶναι λέγει τὴν ἀίδιον κίνησιν.

[3]) Τὸ δ᾽ αὐτὸ συμβαίνει καὶ τούτοις ἄλογον καὶ τοῖς φασκουσι τὸ πρῶτον ὑγρᾶς οὔσης καὶ τῆς γῆς, καὶ τοῦ κόσμου τοῦ περὶ τὴν γῆν ὑπὸ τοῦ ἡλίου θερμαινομένου,

Въ этомъ мѣстѣ жидкому приписывается наибольшее значеніе въ космогоническомъ процессѣ: здѣсь говорится о землѣ, бывшей нѣкогда въ жидкомъ состояніи, о возникновеніи не только вѣтровъ, но и самаго воздуха вслѣдствіе высыханія жидкаго и о расширеніи неба. Однако о возникновеніи огня изъ жидкости не говорится и здѣсь; на оборотъ, самое происхожденіе вѣтровъ и воздуха объясняется, подобно какъ и во II, 1, дѣйствіемъ уже существующей солнечной теплоты. Поэтому, если даже и приписать этотъ взглядъ Анаксимандру, какъ это дѣлается обыкновенно, то отсюда можно было бы оправдать никакъ не взглядъ Целлера а лишъ взглядъ Нейгэузера, отожествляющаго изъ первыхъ двухъ выдѣлившихся противоположностей, теплаго и холоднаго, послѣднюю съ τὸ ὑγρόν и затѣмъ изъ нея выдѣляющаго землю и воздухъ [1]). Но положиться на свидѣтельство Александра въ данномъ случаѣ едва ли можно. На свидѣтельство Ѳеофраста онъ уже здѣсь не ссылается, какъ ссылался при комментаріѣ Meteor II, 1, и поддержки въ извѣстіяхъ доксографовъ уже не находитъ. Въ то же время есть, мнѣ кажется, и нѣкоторыя положительныя основанія думать, что онъ въ этомъ случаѣ руководится не преданіемъ, а личнымъ соображеніемъ, вѣроятно, простымъ сходствомъ въ нѣкоторыхъ чертахъ этого взгляда со взглядомъ, о которомъ говоритъ Аристотель въ Meteor. II, 1. Я позволю себѣ обратить вниманіе на тотъ замѣчательный фактъ, что то особое значеніе, какое приписывается жидкому по взгляду, изложенному въ Meteor. II, 2, судя по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, несомнѣнно принималось однимъ изъ философовъ древности; только эти извѣстія пріурочиваютъ это ученіе къ другому имени, а не къ имени Анаксимандра. Въ Meteor. II, 2, говорится о взглядѣ, по которому земля первоначально находилась въ жидкомъ состояніи и міръ вокругъ нея нагрѣвался солнцемъ, отчего, конечно, и должно было послѣдовать осушеніе земли; Гипполитъ извѣщаетъ насъ, что, по ученію Архелая, солнце осушило землю, которая первоначально представляла массу стоячей воды [2]). По передаваемому въ Meteor. II, 2, ученію, изъ жидкаго подъ вліяніемъ солнечной теплоты возникъ воздухъ; по ученію Архелая, передаваемому Гипполитомъ и Діогеномъ Лаэрт-

---

ἀέρα γενέσθαι καὶ τὸν ὅλον οὐρανὸν αὐξηθῆναι, καὶ τοῦτον πνεύματά τε παρέχεσθαι καὶ τὰς τροπὰς αὐτοῦ ποιεῖν.

[1]) *Neuhaeuser*. Anax. M. 248—250.

[2]) Doxogr. *Diels*, 563. 25—26 Hippol. (объ Архелаѣ): καὶ οὕτως τὸν ἥλιον ἐπὶ τῆς γῆς ποιῆσαι φῶς... καὶ τὴν γῆν ξηράν. λίμνην γὰρ εἶναι τὸ πρῶτον.

скимъ, воздухъ также возникаетъ изъ воды подъ вліяніемъ жара [1]). Даже то расширеніе міра вслѣдствіе возникновенія воздуха, о которомъ также говорится въ Meteor. II, 2, находитъ себѣ нѣчто соотвѣтствующее въ извѣстіяхъ объ Архелаѣ. Судя по извѣстіямъ о первоначальномъ положеніи у него впервые возникшихъ стихій, огня и воды, а также и по одному темному, правда, указанію на образованіе свѣтилъ небесныхъ, нужно полагать, что въ этотъ древнѣйшій періодъ міровой жизни огонь, по его ученію, долженъ былъ обнимать воду, непосредственно соприкасаясь съ нею. Такъ какъ теперь о возникшемъ воздухѣ замѣчается, что онъ поднимается вверхъ, то совершенно понятно, что это поднятіе вверхъ воздуха, должно было означать въ глазахъ Архелая расширеніе неба и уносить раскаленныя части возникающей земли (небесныя свѣтила) въ отдаленныя отъ центра пространства [2]). Такое совпаденіе основныхъ чертъ упоми-

---

[1]) Ibid. 18—20: τηκόμενον δὲ τὸ ὕδωρ εἰς μέσον ρεῖν, ἐν ᾧ (καὶ) κατακαιόμενον ἀέρα γίνεσθαι καὶ γῆν. Diog. Laërt. ed. *Didot*. 1878. II. 4. p. 37. 14—16: τηκόμενόν φησι (Ἀρχέλαος) τὸ ὕδωρ ὑπὸ τοῦ θερμοῦ καθὸ μὲν.... καθὸ δὲ περιρρεῖ ἀέρα γεννᾶν.

[2]) Слич. у Hipp. цит. предш. τὸ ὕδωρ εἰς μέσον ρεῖν. Dox. *Diels*, 563, 21—23: κεῖσθαι δ'[τὴν γῆν] ἐν τῷ μέσῳ οὐδὲν μέρος οὖσαν, ὡς εἰπεῖν, τοῦ παντός, ἐκδεδομένον ἐκ τῆς πυρώσεως, ἀφ' οὗ πρῶτον ἀποκαιομένου τὴν τῶν ἀστέρων εἶναι φύσιν, ὧν μέγιστον μὲν ἥλιον, δεύτερον δὲ σελήνην, τῶν δὲ ἄλλων τὰ μὲν ἐλάττω, τὰ δὲ μείζω. Изъ этого, очевидно, испорченнаго мѣста, слѣдуетъ, однако, по видимому, заключить, что свѣтила центральнаго происхожденія, то-есть, изъ того же вещества, изъ котораго формировалась земля, и образовались во время ранняго накаленія этого вещества пламенемъ (ἀφ' οὗ πρῶτον ἀποκαιομένου τὴν τῶν ἀστέρων εἶναι φύσιν). На тотъ же процессъ указываетъ извѣстіе Diog. L. 27. 14—15: τηκόμενόν φησι τὸ ὕδωρ ὑπὸ τοῦ θερμοῦ, καθὸ μὲν εἰς τὸ πυρῶδες συνίσταται, ποιεῖν γῆν, καθὸ δὲ κτλ. (см. цит. предш.). Измѣненіе здѣсь πυρῶδες въ τυρῶδες или въ πηλῶδες, точно также какъ и предлагаемая Дильсомъ вслѣдъ за Рёперомъ въ свидѣтельствѣ Гипполита передъ словомъ ἐκδεδομένον вставка, вводящая воздухъ, по моему мнѣнію, описываемаго процесса не уяснятъ. Чтобы уяснить его себѣ, слѣдуетъ, имѣя въ виду выписанное сейчасъ извѣстіе Гипполита, предположить центральное образованіе свѣтилъ и, сверхъ того, принять во вниманіе извѣстіе Стобея Ekl. 1, 24. Dox. *Diels,* 342, 1—2: Ἀρχέλαος μύδρους ἔφησεν εἶναι τοὺς ἀστέρας διαπύρους δέ. Въ моменты πυρώσεως центра раскалялись и въ то же время подъ вліяніемъ сильнаго жара отвердѣвали боковыя стороны жидкаго центральнаго тѣла (огонь обнималъ землю съ боковъ, какъ это ясно будетъ изъ дальнѣйшаго), подготовляя основу будущей земли; но вскорѣ затѣмъ вѣроятно, ближайшіе за ними слои жидкости, преимущественно на поверхности этого тѣла, гдѣ жаръ былъ не столь силенъ, превращаясь въ воздухообразное состояніе, расширяясь и растекаясь во всѣ стороны, по мѣрѣ скопленія ихъ устремляются

наемаго Аристотелемъ ученія со взглядами Архелая едва ли оставляетъ мѣсто сомнѣнію, что Аристотель долженъ былъ въ Meteor. II, 2, имѣть въ виду Архелая. Конечно, отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы подобнаго же мнѣнія не держался и Анаксимандръ. Но если Александръ при комментаріѣ къ этому мѣсту объ Архелаѣ вовсе не упоминаетъ, а объ Анаксимандрѣ другихъ свѣдѣній, подтверждающихъ его показаніе, нѣтъ, то мы вправѣ предположить, что Александръ руководился простою догадкой. На ту же мысль наводитъ и другое обстоятельство. Въ той же Метеорологіи II, 2, передъ самымъ изложеніемъ этого взгляда на происхожденіе изъ жидкости воздуха и пр., Аристотель подвергаетъ критическому разбору мнѣніе тѣхъ, которые утверждали, что солнце питается влажнымъ и для этого, какъ полагали нѣкоторые изъ нихъ, совершаетъ свои повороты по мѣрѣ оскудѣнія влаги на своемъ пути; при этомъ, конечно, предполагалось ими, что солнце привлекаетъ къ себѣ влагу въ формѣ испареній [1]). Александръ, разъясняя ученіе о поворотахъ солнца тѣхъ философовъ, о которыхъ Аристотель упоминаетъ въ Meteor. II, 1, и въ которыхъ онъ

вверхъ, ibid. 563, 19—20 Hippol.: τὸν μὲν [ἀέρα] ἄνω φέρεσθαι, и разбрасываютъ часть боковой раскаленной массы на далекія пространства, расширяя такимъ образомъ объемъ міра (Аристотелевское τὸν ὅλον οὐρανὸν αὐξηθῆναι). Такъ въ центрѣ остается лишь основа земли въ собственномъ смыслѣ. (Можетъ быть, извѣстіе о центральномъ образованіи свѣтилъ лежитъ въ основаніи страннаго и явно ошибочнаго показанія Епифанія объ Архелаѣ: Dox. *Diels*. 590. 2—3: Ἐκ γῆς τὰ πάντα λέγει γεγενῆσθαι· αὕτη γὰρ ἀρχὴ τῶν ὅλων ἐστίν, ὥς φησι). Отдѣлившіяся отъ боковыхъ частей земли большія свѣтила отбрасываются *въ сторону*, и процессъ ихъ вращанія въ началѣ совершается *параллельно земной поверхности*, такъ какъ указывается какъ на особый фактъ (ibid., 563. 24—25) ἐπικλιθῆναι δὲ τὸν οὐρανόν, καὶ οὕτως τὸν ἥλιον ἐπὶ τῆς γῆς ποιῆσαι φῶς κτλ., который, вѣроятно, совершился подъ вліяніемъ продолжающагося образованія воздуха по сторонамъ земли; болѣе отвердѣвшіе и высокіе бока центральнаго тѣла и болѣе углубленная вслѣдствіе происшедшихъ испареній его жидкая поверхность даютъ ему видъ τῆς λίμνης (ibid. 25—27: λίμνην γὰρ εἶναι τὸ πρῶτον, ἅτε κύκλῳ μὲν οὖσαν ὑψηλήν, μέσον δὲ κοίλην); послѣ наклона неба оно постепенно осушается падающимъ на поверхность его свѣтомъ солнца, хотя просачивающаяся сквозь отвердѣвшіе слои вода даетъ все же существованіе морю. (Diog. L. 37. 21—22: τὴν δὲ θάλατταν ἐν τοῖς κοίλοις διὰ τῆς γῆς ἠθουμένην συνεστάναι). Такъ, по видимому, мы можемъ представить себѣ космогоническій процессъ у Архелая.

[1]) Arist. Meteor. II. 2, 354 кон.—355: διὸ καὶ γελοῖοι παντες, ὅσοι τῶν πρότερον ὑπελαβον τὸν ἥλιον τρέφεσθαι τῷ ὑγρῷ. καὶ διὰ τοῦτ' ἔνιοί γέ φασι καὶ ποιεῖσθαι τὰς τροπὰς αὐτόν· οὐ γὰρ ἀεὶ τοὺς αὐτοὺς δύνασθαι τόπους παρασκευάζειν αὐτῳ τὴν τροφην . . . . . τό δ'ὑγρὸν τῷ πυρὶ τροφὴν εἶναι μόνον, ὥσπερ ἀφικνούμενον μέχρι πρὸς τὸν ἥλιον τὸ ἀναγόμενον τοῦ ὑγροῦ κτλ.

на основанiи свидѣтельства Θеофраста видитъ Анаксимандра и Дiогена Аполлонiйскаго, выражается такъ, что едва ли можно удержаться отъ предположенiя, что онъ толкуетъ ученiе этихъ философовъ именно въ смыслѣ того мнѣнiя, которое въ Meteor. II, 2, опровергаетъ Аристотель. Говоря, что солнце и луна совершаютъ повороты, по этому ученiю, διὰ τὰς ἀτμίδας и τὰς ἀναθυμιάσεις, онъ прибавляетъ, что они вращаются около тѣхъ мѣстъ, гдѣ ἡ ταύτης (то-есть, жидкости) αὐτοῖς χορηγία γίνεται [1]). Но Аристотель очень ясно отличаетъ лицъ, держащихся критикуемаго имъ мнѣнiя о питанiи солнца испаренiями, отъ философовъ, учившихъ о происхожденiи воздуха изъ влажности и о жидкомъ состоянiи земли. Переходя отъ первыхъ ко вторымъ, онъ

[1]) Dox. *Diels*. 494, 5—9: τὰ πρῶτα τῆς ὑγρότητος ἀπὸ τοῦ ἡλίου ἐξατμίζεσθαι καὶ γίνεσθαι [τὰ] πνεύματά τε ἐξ αὐτοῦ (Usener. ἐξ αὐτῆς) καὶ τροπὰς ἡλίου τε καὶ σελήνης, ὡς διὰ τὰς ἀτμίδας ταύτας καὶ τὰς ἀναθυμιάσεις κακείνων τὰς τροπὰς ποιουμένων, ἔνθα ἡ ταύτης αὐτοῖς χορηγία γίνεται περὶ ταῦτα τρεπομένων. Нейгэузеръ, Anax. M. 404—405, даетъ другой смыслъ этому мѣсту, онъ переводитъ его такъ: нѣкоторые физики говорятъ: e natura humida ventos oriri hisque solis et lunae conversiones per circulum eclipticum (τὰς τροπάς) effici, ea utentes ratione (ὡς), quod quoniam illae stellae conversiones faciunt circa ea ipsa loca, ubi maxima naturae humidae copia sit (περὶ ταῦτα τρεπομένων ἔνθα . . .), propter ipsos huius naturae vapores putandae sint conversiones facere. Послѣ этого перевода словъ Александра Нейгэузеръ считаетъ возможнымъ даже растолковать на основанiи ихъ мнѣнiе Анаксимандра въ томъ смыслѣ (407), что солнце всегда стремится a bruma ad solstitium, но когда приближается къ этой послѣдней точкѣ оттѣсняется постепенно назадъ (ad brumam) вѣтрами, происходящими вслѣдствiе испаренiй моря отъ солнечнаго зноя. Само собою понятно, что подобное толкованiе есть гипотеза, которая, по крайней мѣрѣ въ словахъ Александра, не можетъ найдти для себя ни малѣйшей опоры. Что касается самаго Нейгэузерова перевода этихъ словъ, который даетъ возможность толковать ихъ не въ смыслѣ теорiи поглощенiя солнцемъ испаренiй, то мнѣ кажется, что, еслибы Нейгэузеръ при своемъ переводѣ не замѣнилъ фразы подлинника „происходятъ какъ вѣтры, такъ и повороты" другою фразой „изъ вѣтровъ происходятъ повороты", а особенно, еслибы онъ не опустилъ вовсе αὐτοῖς передъ χορηγία, вслѣдствiе чего слово copia, которымъ онъ переводитъ χορηγία, получило у него значенiе просто обилiя, безъ отношенiя къ пользованiю со стороны другаго предмета, то ему едва ли было бы удобно лишить слова Александра того смысла, который, по видимому, достаточно ясно просвѣчиваетъ въ нихъ. Слѣдуетъ прибавить, что тотчасъ за приведенными словами Александръ говоритъ о морѣ какъ *остаткѣ* жидкости и о постепенной дальнѣйшей его убыли, и затѣмъ, сославшись на свидѣтельство Θеофраста, что такого мнѣнiя держались Анаксимандръ и Дiогенъ, разъясняетъ, что Дiогенъ считалъ причиною соленаго вкуса моря *привлеченiе солнцемъ сладкихъ элементовъ* изъ него (ἀνάγοντος τοῦ ἡλίου τὸ γλυκύ): нужно ли и здѣсь видѣть только вѣтры?

говоритъ: „но одинаково неразумно поступаютъ эти, какъ и тѣ, которые утверждаютъ, что когда земля находилась въ жидкомъ состоянiи" [1]) и пр. Ясно, что, если Анаксимандръ и Дiогенъ дѣйствительно объясняли повороты солнца такъ, какъ, по видимому, разъясняетъ ихъ ученiе Александръ [2]), то ученiе о происхожденiи воздуха изъ жидкаго и пр. къ нимъ не относится. Если же они такъ не учили, то все же будетъ слѣдовать отсюда, что Александръ, приписывающiй имъ это ученiе, не имѣлъ точнаго представленiя о космогоническомъ процессѣ у нихъ, а слѣдовательно, не подтвержденное другими свидѣтельствами его мнѣнiе по этому вопросу значенiя имѣть не можетъ. Приписать Анаксимандру ученiе о происхожденiи воздуха изъ жидкости подъ влiянiемъ солнечной теплоты едва ли было бы удобно въ виду свидѣтельства Plut. Strom., по которому, самое выдѣленiе огненной сферы, изъ которой должны образоваться всѣ небесныя свѣтила, уже предполагало у Анаксимандра существованiе сферы воздушной, вокругъ которой огненная сфера обвивается [3]). И сомнительно, чтобы Аристотель, если взглядъ, о которомъ онъ говоритъ въ Meteor. II. 1, одинъ и тотъ же со взглядомъ, упоминаемымъ имъ въ II. 2, не указалъ въ первомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, на ученiе о происхожденiи воздуха изъ жидкости, какъ на одну изъ характеристическихъ его чертъ, такъ какъ эта черта не только важна сама по себѣ, но и составляетъ между прочимъ предметъ его критики въ той же Meteor. II. 2 [4]).

Такимъ образомъ мы не имѣемъ сколько-нибудь твердыхъ основанiй предполагать, чтобы, по мнѣнiю Анаксимандра, земля и воздухъ выдѣлялись изъ перваго элемента чрезъ посредство жидкаго, и еще менѣе имѣемъ основанiй превращать теплое и холодное въ первожидкое и смотрѣть на послѣднее, какъ на всеединый элементъ, изъ котораго затѣмъ выдѣляется даже и огненная стихiя. Обособившаяся для образованiя нашего мiра часть безконечнаго, то, что въ Plut.

[1]) Arist. Meteor. II. 2. 355, a. 21: Τὸ δ' αὐτὸ συμβαίνει καὶ τούτοις ἄλογον κα τοῖς φάσκουσι τὸ πρῶτον ὑγρᾶς οὔσης κτλ.

[2]) *Целлеръ*, Phil. d. Gr. 1, 208, № 3, совершенно справедливо находитъ, что нельзя съ увѣренностiю утверждать, что ссылка Александра на Θеофраста простирается и на это объясненiе, а не касается только взгляда на море какъ на остатокъ жидкости, постепенно испарявшейся.

[3]) См. выше.

[4]) 355, 25—32.

Strom. названо τὸ ἐκ ἀϊδίου γόνιμον θερμοῦ τε καὶ ψυχροῦ [1]), конечно, было у него единственнымъ субстратомъ, единственнымъ основнымъ элементомъ міровой жизни; какъ τὸ γόνιμον θερμοῦ этотъ субстратъ выдѣлилъ огненную кору міра; какъ τὸ γόνιμον ψυχροῦ онъ долженъ былъ выдѣлить все, обнимавшееся понятіемъ холоднаго. И строго держась вышеизложенныхъ извѣстій о космическомъ процессѣ у Анаксимандра, въ достовѣрности которыхъ мы не имѣемъ основаній сомнѣваться, мы должны заключить, что выдѣленіе для него не было только абстрактнымъ терминомъ, которымъ обозначалось бы лишь въ отвлеченномъ мышленіи отношеніе вообще между безконечнымъ и конечнымъ и который стоялъ бы въ шаткой и неопредѣленной связи съ конкретнымъ описаніемъ мірообразовательнаго процесса. Идея выдѣленія, очевидно, проводилась имъ послѣдовательно и настоятельно даже въ подробностяхъ, къ сожалѣнію, лишь отрывочно извѣстной намъ его космогоніи.

Общій взглядъ Аристотеля на природу Анаксимандрова безконечнаго.

Если Анаксимандръ пользовался понятіемъ выдѣленія какъ въ ученіи вообще о происхожденіи всего производнаго бытія изъ бытія первоначальнаго, такъ и въ разъясненіи частныхъ мірообразовательныхъ процессовъ, то онъ долженъ былъ предполагать, что его безконечное какимъ-то образомъ искони содержитъ, заключаетъ въ себѣ то разнообразіе качественностей, изъ котораго состоитъ міръ. Единственныя два свидѣтельства Аристотеля о природѣ Анаксимандрова безконечнаго, въ которыхъ прямо называется Анаксимандръ по имени, если понять ихъ правильно, содержатъ въ себѣ именно эту мысль, только дополняя ее другою мыслью, что существованіе въ безконечномъ разнообразія не препятствовало ему быть единымъ. Сказать иначе, по этимъ свидѣтельствамъ, безконечное не было чистымъ множествомъ, оно было единымъ, способнымъ только разлагаться на многое и, слѣдовательно, какимъ-то образомъ совмѣщающимъ его въ себѣ.

Поставивъ въ началѣ второй главы первой книги физики вопросъ, одно ли начало (ἀρχή) или ихъ нѣсколько, и если одно, то неподвижное ли, какъ говорили элеаты, или подвижное, какъ утверждали физики монисты, а если нѣсколько, то сколько ихъ именно и каковы

[1]) Съ разъясненіемъ этого термина мы будемъ имѣть дѣло далѣе.

они, Аристотель, опровергнувъ затѣмъ мнѣніе элеатовъ, переходитъ къ взглядамъ физиковъ и говоритъ (начало четвертой главы): „Физики разсуждаютъ двояко. Именно одни, принявъ существующее за единое тѣло въ смыслѣ субстрата, за одну какую-нибудь изъ трехъ стихій (разумѣются огонь, воздухъ и вода, такъ какъ землю за единственное начало никто не принималъ) или за нѣчто другое, что плотнѣе огня, но тоньше воздуха, остальное порождаютъ, производя (изъ единаго) многое чрезъ разрѣженіе и уплотненіе, а разрѣженіе и уплотненіе суть противоположности, вообще избытокъ и недостатокъ.... Другіе же (говорятъ), что изъ единаго выдѣляются существующія въ немъ противоположности, какъ утверждаетъ Анаксимандръ, а также (говорятъ такъ) и тѣ, которые принимаютъ бытіе единаго и многаго, какъ Эмпедоклъ и Анаксагоръ, такъ какъ изъ смѣшенія выдѣляютъ остальное и они“ [1]).

Изъ словъ Аристотеля прежде всего ясно, что среди физиковъ онъ различаетъ двѣ группы: οἱ μὲν... οἱ δέ. У этихъ группъ ясно предполагаются нѣкоторыя общія черты, которыя состоятъ: 1) въ признаніи обѣими группами нѣкотораго единства первоначальнаго бытія: о философахъ, относящихся къ первой группѣ, ясно говорится, что они ἓν ποιήσαντες τὸ ὂν σῶμα τὸ ὑποκείμενον; о философахъ, относящихся ко второй, во всякомъ случаѣ утверждается, что они выдѣляютъ остальное ἐκ ἑνός; 2) въ признаніи также обѣими группами нѣкоторой множественности равно первоначальной: эта множественность у однихъ состоитъ въ противоположностяхъ разрѣженія и уплотненія, у другихъ—въ противоположностяхъ, выдѣляемыхъ ими изъ единаго. Различіе группъ ставится собственно въ томъ, что множественность или противоположности у однихъ не составляютъ самаго содержанія единаго; онѣ представляютъ собою только различныя его состоянія или формы, въ которыхъ дано одно и то же содержаніе, которое, принимая это различіе формы, само является вслѣдствіе того въ различномъ видѣ, изъ единаго дѣлаясь многимъ; у другихъ, на оборотъ, противоположности составляютъ какимъ-то образомъ самое содержаніе единаго, такъ что оно выдѣляетъ ихъ изъ себя;

[1]) Ὡς δ' οἱ φυσικοὶ λέγουσι, δύο τρόποι εἰσίν· οἱ μὲν γὰρ ἓν ποιήσαντες τὸ ὂν σῶμα τὸ ὑποκείμενον, ἢ τῶν τριῶν τι ἢ ἄλλο, ὅ ἐστι πυρὸς μὲν πυκνότερον ἀέρος δὲ λεπτότερον, τἆλλα γεννῶσι πυκνότητι καὶ μανότητι πολλὰ ποιοῦντες. ταῦτα δ' ἐστὶν ἐναντία, καθόλου δ' ὑπεροχὴ καὶ ἔλλειψις .... οἱ δ' ἐκ τοῦ ἑνὸς ἐνούσας τὰς ἐναντιότητας ἐκκρίνεσθαι, ὥσπερ Ἀναξίμανδρός φησι καὶ ὅσοι δ' ἓν καὶ πολλά φασιν εἶναι, ὥσπερ Ἐμπεδοκλῆς καὶ Ἀναξαγόρας· ἐκ τοῦ μίγματος γὰρ καὶ οὗτοι ἐκκρίνουσι τἆλλα.

отсюда и самое происхожденіе остальнаго бытія характеризуется у однихъ какъ порожденіе, производящее множественность (τἆλλα γεννῶσι πολλὰ ποιοῦντες πυκνότητι κτλ.), у другихъ оно есть простое выдѣленіе изъ единаго того, что̀ уже существуетъ въ немъ [1]). Ко второй группѣ отнесенъ Аристотелемъ Анаксимандръ. Слѣдовательно, Аристотель утверждаетъ объ Анаксимандрѣ, что онъ за начало признавалъ единое, въ которомъ, однако, предполагается искони содержащимся многое.

Но этимъ не ограничивается все, что̀ можно извлечь изъ словъ Аристотеля. Ко второй группѣ тотчасъ же Аристотель присоединяетъ новую фракцію философовъ, признающихъ началами единое и многое (οἱ δὲ.... καὶ ὅσοι...); и отношеніе, которое устанавливается Аристотелемъ между этою фракціей и Анаксимандромъ, если всмотрѣться въ него внимательнѣе, дѣлаетъ яснѣе взглядъ Аристотеля на самое безконечное Анаксимандра. По наиболѣе принятому толкованію этого мѣста, Эмпедоклъ и Анаксагоръ, которые разумѣются Аристотелемъ подъ ὅσοι ἓν καὶ πολλά φασι εἶναι, сближаются здѣсь съ Анаксимандромъ только въ понятіи ἐκκρίνεσθαι. Но съ этимъ толкованіемъ ни въ какомъ случаѣ нельзя согласиться. У тѣхъ, которые опредѣляются какъ ὅσοι κτλ., нѣтъ своего предиката, чрезъ καὶ они соединены съ οἱ δέ, и къ нимъ, слѣдовательно, отнесенъ тотъ предикатъ, который приписанъ οἱ δέ, а о οἱ δὲ сказано, что, по ихъ ученію, изъ единаго выдѣляются существующія въ немъ противоположности. Далѣе, если Эмпедоклу и Анаксагору въ этихъ словахъ Аристотеля приписывается ученіе только о выдѣленіи противоположностей или о выдѣленіи ихъ изъ смѣшенія въ смыслѣ безпорядочнаго соединенія разнородныхъ частицъ, то спрашивается, почему Аристотель, говоря здѣсь о δύο τρόποι разсужденій физиковъ вообще, не упоминаетъ объ атомистахъ, хотя въ слѣдующей же главѣ говоритъ о признаніи ими противоположностей, а въ De coel. III. 7 b. нач. и въ Phys. II. 4. 196. a. 24 (слич. Simpl. in Phys. 331. 16—25) усвояетъ имъ и τὴν κίνησιν τὴν διακρίνασαν? Это умолчаніе объ атомистахъ можно объяснить только тѣмъ, что Ари-

[1]) Терминъ γεννᾶν Аристотель часто употребляетъ для обозначенія вообще возникновенія, какимъ бы способомъ оно ни происходило, но здѣсь этотъ терминъ соединенъ съ ποιοῦντες πολλά и въ этомъ соединеніи употребленъ лишь о первой группѣ, а во второй ему ясно противопоставлено выдѣленіе *уже существующаго* въ единомъ; и если терминъ выдѣленіе непосредственно противополагается терминамъ разрѣженія и сплотненія, то усиливающая понятіе выдѣленія прибавка ἐνούσας, очевидно имѣетъ себѣ соотвѣтствіе въ γεννῶσι, ποιοῦντες πολλά.

стотель говоритъ не просто о выдѣленіи противоположностей, а о выдѣленіи изъ единаго, чего, конечно, ни въ какомъ смыслѣ онъ не могъ приписать атомистамъ, такъ какъ они слишкомъ ясно и рѣшительно настаивали на томъ, что οὔτ᾽ ἐξ ἑνὸς πολλὰ γίγνεσθαι, οὔτε ἐκ πολλῶν ἕν, ἀλλὰ τῇ τούτων συμπλοκῇ καὶ περιπλέξει πάντα γεννᾶσθαι [1]). Наконецъ, приписаніе плюралистамъ Эмпедоклу и Анаксагору ученія объ единомъ стоитъ въ очевидномъ соотвѣтствіи съ приписаніемъ въ тѣхъ же словахъ Аристотеля монистамъ, признававшимъ за начало огонь или воздухъ и пр. под., ученія о противоположностяхъ, уплотненіи и разрѣженіи, которыя тотчасъ же называются даже началами [2]). Въ цѣломъ, обнимающемъ нѣсколько главъ, разсужденіи о началахъ, къ которому относятся разбираемыя нами слова Аристотеля, онъ имѣетъ въ виду доказать, что къ началамъ относятся противоположности, но, что въ то же время необходимо принять и единый субстратъ. По обычаю своему обращаясь при доказательствѣ своего взгляда къ оцѣнкѣ взглядовъ своихъ предшественниковъ, Аристотель при этой оцѣнкѣ въ рѣшительный антагонизмъ становится только съ ученіемъ элеатовъ объ единомъ и неподвижномъ бытіи, которое не представляло точекъ соприкосновенія съ его ученіемъ. Ученія же физиковъ, хотя и при самой постановкѣ вопроса о началахъ [3]), и въ разбираемомъ мѣстѣ [4]) Аристотель ясно различаетъ между ними монистическія и плюралистическія, очевидно намѣренно характеризуются имъ такъ, что ясно видѣнъ у нихъ наклонъ къ его собственному взгляду. Этимъ объясняется упоминаніе о разрѣженіи и уплотненіи при характеристикѣ монистовъ, которое даетъ Аристотелю возможность при разъясненіи своего собственнаго ученія о противоположностяхъ сослаться на общее согласіе въ признаніи противоположностей началами [5]). Отсюда же должно было возникать и обрат-

[1]) Arist. de coel. III. 4. 303. a. 6--8.

[2]) Phys. I. 5, нач.: πάντες δὴ τἀναντία ἀρχὰς ποιοῦσιν, οἵ τε λέγοντες, ὅτι ἓν τὸ πᾶν... καὶ οἱ μανὸν καὶ πυκνόν.

[3]) Ibid., 2, нач.: Ἀνάγκη δ᾽ ἤτοι μίαν εἶναι τὴν ἀρχὴν ἢ πλείους, καὶ εἰ μίαν, ἤτοι ἀκίνητον, ὥς φησι Παρμενίδης καὶ Μέλισσος, ἢ κινουμένην ὥσπερ οἱ φυσικοί, οἱ μὲν ἀέρα φάσκοντες εἶναι οἱ δ᾽ ὕδωρ τὴν πρώτην ἀρχήν· εἰ δὲ πλείους, ἢ πεπερασμένας ἢ ἀπείρους κτλ.

[4]) ἓν ποιήσαντες τὸ ὂν σῶμα τὸ ὑποκείμενον и ἓν καὶ πολλά φασι εἶναι.

[5]) См. вышеприв. цит. Phys. I. 5. нач. Тотчасъ затѣмъ разъяснивъ то же на Демокритѣ, Аристотель говоритъ: ὅτι μὲν οὖν τἀναντία πως πάντες ποιοῦσι τὰς ἀρχάς, δῆλον καὶ τοῦτο εὐλόγως κτλ.

ное стремленіе искать, гдѣ это возможно, и у плюралистовъ единаго, изъ котораго выдѣлялись бы противоположности. Такъ дѣлается понятными отнесеніе къ Анаксагору и Эмпедоклу ученія о выдѣленіи всего изъ единаго. Но такъ какъ все же не у всѣхъ плюралистовъ это можно было найдти, то при дальнѣйшемъ разъясненіи своего ученія объ единствѣ вещества Аристотель на общее согласіе физиковъ сослаться уже не можетъ, поэтому тамъ онъ предпочитаетъ указать лишь на тѣхъ, которые ясно и рѣшительно проводили монизмъ [1]); однако отсюда отнесеніе къ Эмпедоклу и Анаксагору ученія ἐκ ἑνὸς ἐνούσας τὰς ἐναντιότητας ἐκκρίνεσθαι не теряетъ своего значенія даже для разъясненія имъ своего ученія; это значеніе чувствуется въ томъ, что доказывая единство субстрата, онъ, въ виду указанной имъ почти общей тенденціи физиковъ къ монизму, не поднимаетъ полемики противъ чистаго плюрализма, подобно тому, какъ доказывая свое ученіе о противоположностяхъ, онъ ограничивается полемикой лишь противъ слишкомъ значительнаго увеличенія числа ихъ и не входитъ въ критическое разсмотрѣніе ученія объ единомъ ἀρχή, имъ же самимъ (въ началѣ всего изслѣдованія) приписаннаго нѣкоторымъ физикамъ. Итакъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Аристотель переноситъ приписанное имъ Анаксимандру ученіе на Эмпедокла и на Анаксагора. Но въ этомъ же самомъ мѣстѣ не менѣе ясно онъ даетъ понять и различіе, которое, по его мнѣнію, существуетъ между первымъ и послѣдними. Анаксимандру онъ приписываетъ ученіе о выдѣленіи всего изъ единаго прямо безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій (ὥσπερ Ἀναξίμανδρός φησι): присоединяя же къ Анаксимандру Анаксагора и Эмпедокла, онъ считаетъ необходимымъ привести особое основаніе, которое уполномочиваетъ отнести то же ученіе и къ нимъ (ἐκ μίγματος γὰρ κτλ.). Это значитъ, что оно не дано въ ихъ системахъ такъ прямо и ясно, какъ дано въ системѣ Анаксимандра, и можетъ быть отнесено къ нимъ лишь на основаніи косвенныхъ соображеній. Съ другой стороны, присоединяя ихъ къ Анаксимандру, онъ характеризуетъ ихъ какъ ὅσοι ἓν καὶ πολλά φασι εἶναι. Эта характеристика, очевидно, напоминаетъ, что при самой установкѣ вопроса о числѣ началъ, они отнесены были къ философамъ, признававшимъ не одно, а многія начала; такъ какъ она стоитъ въ видимомъ противорѣчіи съ усвояемымъ теперь имъ ученіемъ о выдѣленіи изъ единаго, то она какъ бы указываетъ на тотъ поводъ, который заставляетъ Аристотеля не ограничиваться простымъ перенесеніемъ этого ученія съ Анаксимандра на Эмпедокла и Анаксагора, а разъяснить основанія своей мысли. Какъ Эмпедоклъ, такъ и Анаксагоръ принимали вѣчность и неизмѣняемость отличныхъ другъ отъ друга по природѣ элементовъ, первый—извѣстныхъ четырехъ стихій, второй—безчисленныхъ такъ называемыхъ гомойомерій. Вещество, такимъ образомъ, было у нихъ не единымъ, а многимъ, πολλά. И Аристотель, когда преслѣдуетъ критическую цѣль—разъяснить недостатки ученій своихъ предшественниковъ и точнѣе отличить ихъ взгляды отъ своего собственнаго, всегда характеризуетъ вещество Эмпедокла и Анаксагора какъ πολλά [1]). То единство, которое онъ можетъ признать за этимъ разнороднымъ веществомъ есть лишь единство непрерывности, въ какой разнородные элементы или мельчайшія частицы ихъ лежатъ другъ за другомъ. О веществѣ Анаксагора самъ Аристотель достаточно ясно говоритъ намъ, что его безчисленныя начала могутъ представлять собою (единое) безконечное только вслѣдствіе непрерывности по соприкосновенію, какъ συνεχὲς ἀφῇ [2]). Но συνεχές вообще, правда, Аристотель причисляетъ къ формамъ единства, но оно для него уже близко къ многому; и когда онъ видитъ въ τὸ συνεχές единое, онъ соединяетъ, очевидно, съ этимъ терминомъ представленіе о связи, соединяющей многое и преимущественно зависящей отъ

[1]) Ibid. I. b. 189. b. нач.

[1]) Въ извѣстномъ историко-критическомъ обзорѣ предшественниковъ въ первой книгѣ Метафизики, с. 3. 984. а. 8 — 13, Аристотель говоритъ: Ἐμπεδοκλῆς δὲ τὰ τέτταρα ...Ἀναξαγόρας δὲ ὁ Κλαζομένιος... ἀπείρους εἶναί φησι τὰς ἀρχάς; слово ἀρχή здѣсь можно замѣнить и словомъ φύσις, такъ какъ выше было сказано о всѣхъ физикахъ, 983. b. 17—18, δεῖ γὰρ εἶναί τινα φύσιν μίαν ἢ πλείους μιᾶς, ἐξ ὧν γίγνεται τἆλλα σωζομένης ἐκείνης. Въ Gen. et corr. II. 1. 329. а. нач. Эмпедоклъ причисляется къ тѣмъ, которые τὴν ὑποκειμένην ὕλην признаютъ πλείω τὸν ἀριθμὸν ἑνός. Безчисленныя τὰ ὁμοιομερῆ Анаксагора критически обсуждаются какъ безчисленныя *стихіи* въ De coel. III. 4 и пр. п. Вообще, говоритъ ли Аристотель обще о началахъ, или частнѣе и опредѣленнѣе о стихіяхъ, ὕλῃ и пр., всегда онъ разсматриваетъ вещество Анаксагора и Эмпедокла, если хочетъ передать точный смыслъ ихъ ученія, какъ многое, и въ этомъ видитъ его отличіе отъ вещества древнѣйшихъ физиковъ.

[2]) Phys. III. 4. 203. а. 19—23: ὅσοι δ' ἄπειρα ποιοῦσι τὰ στοιχεῖα, καθάπερ Ἀναξαγόρας καὶ Δημόκριτος, ὁ μὲν ἐκ τῶν ὁμοιομερῶν, ὁ δ' ἐκ τῆς πανσπερμίας τῶν σχημάτων, τῇ ἀφῇ συνεχὲς τὸ ἄπειρον εἶναι φασίν. Ibid. 5. 205. а. 20—21: εἰ δ' ἀνόμοιον τὸ πᾶν, ἀνόμοιοι καὶ οἱ τόποι· καὶ πρῶτον μὲν οὐχ ἓν τὸ σῶμα τοῦ παντός ἀλλ' ἢ τῷ ἅπτεσθαι. И по сличенію съ предш. цит., и по упоминанію имени Анаксагора далѣе въ порядкѣ мыслей, начинающемся этими словами, ясно, что здѣсь также разумѣется онъ (можетъ быть, также вмѣстѣ съ Демокритомъ).

природы, а за тѣмъ и отъ искусства, и считаетъ входящимъ въ него представленіе объ единствѣ движенія; а поэтому непрерывность исключительно по соприкосновенію онъ готовъ совсѣмъ не причислять къ единству въ субстанціальномъ смыслѣ [1]). Съ этой точки зрѣнія Аристотель поступаетъ совершенно послѣдовательно, когда онъ тамъ, гдѣ называетъ вещество Анаксагора (вмѣстѣ съ веществомъ Демокрита) безконечнымъ только вслѣдствіе непрерывности по соприкосновенію, отдѣляетъ Анаксагора отъ признающихъ (единое) безконечное и характеризуетъ, какъ принимающаго не безконечное, а безчисленныя стихіи [2]). Аристотель въ системахъ Эмпедокла и Анаксагора знаетъ и единое въ собственномъ смыслѣ, но этимъ единымъ признается имъ не вещество, а мірообразовательное начало, ἡ φιλία у

[1]) Phys. I. 2. 185. b. 9—11: εἰ μὲν τοίνυν συνεχές, πολλὰ τὸ ἕν· εἰς ἄπειρον γὰρ διαιρετὸν τὸ συνεχές. Metaph. V. 6. 1015. b. 36—1016. a. 8: τῶν δὲ καθ' ἑαυτὰ ἓν λεγομένων τὰ μὲν λέγεται τῷ συνεχῆ εἶναι, οἷον φάκελλος δεσμῷ καὶ ξύλα κόλλῃ, καὶ γραμμὴ κἂν κεκαμμένη ᾖ, συνεχὴς δέ, μία λέγεται, ὥσπερ καὶ τῶν μερῶν ἕκαστον, οἷον σκέλος καὶ βραχίων. αὐτῶν δὲ τούτων μᾶλλον ἓν τὰ φύσει συνεχῆ ἢ τέχνῃ. συνεχὲς δὲ λέγεται, οὗ κίνησις μία καθ' αὑτὸ καὶ μὴ οἷόν τε ἄλλως..., καθ' αὑτὰ δὲ συνεχῆ ὅσα μὴ ἁφῇ ἕν· εἰ γὰρ θείης ἁπτόμενα ἀλλήλων ξύλα, οὐ φήσεις ταῦτα εἶναι ἕν, οὔτε ξύλον οὔτε σῶμα, οὔτ' ἄλλο συνεχὲς οὐθέν.

[2]) Разъяснивъ мнѣніе о безконечномъ Платона и Пиѳагорейцевъ, Аристотель, Phys. III. 4. 203. a. 16—23, продолжаетъ: οἱ δὲ περὶ φύσεως ἅπαντες ἀεὶ ὑποτιθέασιν ἑτέραν τινὰ φύσιν τῷ ἀπείρῳ τῶν λεγομένων στοιχείων, οἷον ὕδωρ ἢ ἀέρα, ἢ τὸ μεταξὺ τούτων. (Указаніе на признающихъ τὸ ἄπειρον въ собственномъ смыслѣ, то-есть, единое безконечное этими словами окончено; далѣе съ частицею δὲ слѣдуетъ упоминаніе объ остальныхъ физикахъ, которые уже не даютъ въ собственномъ смыслѣ единаго безконечнаго, а говорятъ о стихіяхъ, которыя ограничены или неограничены по числу, и это упоминаніе соединено съ разъясненіемъ, что въ извѣстномъ относительномъ смыслѣ мысль о τὸ ἄπειρον можетъ быть приписана и признающимъ безчисленныя стихіи). τῶν δὲ πεπερασμένα ποιούντων στοιχεῖα οὐθεὶς ἄπειρα ποιεῖ· ὅσοι δ' ἄπειρα и т. д., см. выше. Причисленіе Демокрита съ его πανσπερμία τῶν σχημάτων къ признающимъ τὸ ἄπειρον τῇ ἁφῇ συνεχές, не смотря на ясное свидѣтельство самого же Аристотеля въ De coel. I. 7. 275. b. 29—30: εἰ δὲ μὴ συνεχὲς τὸ πᾶν ἀλλ' ὥσπερ λέγει Δημόκριτος καὶ Λεύκιππος, διωρισμένα τῷ κενῷ, μίαν κτλ., объясняется, по моему мнѣнію, тѣмъ, что Аристотель хочетъ сказать, что для признающихъ ἄπειρα στοιχεῖα *возможно только* безконечное въ смыслѣ непрерывности, какъ это яснѣе въ приведенномъ выше параллельномъ мѣстѣ, Phys. III. 5. 205. b. 20—21. Но это же присоединеніе Демокрита къ Анаксагору доказываетъ также, что τὸ ἄπειρον въ разсужденіи о безконечномъ въ Phys. приписывается Анаксагору лишь въ относительномъ смыслѣ, такъ какъ говорить о πανσπερμία τῶν σχημάτων Демокрита какъ о безконечномъ, конечно, можно лишь въ относительномъ смыслѣ, хотя бы дѣло шло даже не о дѣйствительномъ, а о возможномъ только мнѣніи.

Эмпедокла, ὁ νοῦς у Анаксагора [1]). Но ἡ φιλία и ὁ νοῦς были у нихъ обособлены отъ вещества. Поэтому, когда Аристотель въ разсматриваемомъ нами мѣстѣ говоритъ: καὶ ὅσοι δ' ἓν καὶ πολλά φασι εἶναι, это значитъ: а также и тѣ, которые признаютъ, что особо существуетъ единое и особо многое, то-есть, которые, обособляя отъ вещества единое, дѣлаютъ его чистымъ множествомъ, а потому, казалось бы, никакимъ образомъ не могутъ учить выдѣленію изъ единаго. Отсюда мы можемъ уже сдѣлать нѣкоторый выводъ о взглядѣ Аристотеля на Анаксимандрово безконечное. Если Аристотель не считаетъ нужнымъ особо мотивировать усвоеніе ему ученія о выдѣленіи изъ единаго, какъ это дѣлаетъ онъ въ отношеніи къ Анаксагору и Эмпедоклу; если самое ученіе о существованіи ἓν καὶ πολλά, которое разъясняетъ поводъ къ этому особому мотивированію, ставится имъ какъ характеристическая черта взглядовъ Анаксагора и Эмпедокла въ ихъ различіи отъ Анаксимандрова взгляда, то ясно, что у Анаксимандра онъ не видитъ ученія о вѣчномъ существованіи неизмѣнныхъ по своей природѣ разнообразныхъ элементовъ, какое видитъ у Анаксагора и Эмпедокла. Поэтому составлять понятіе о безконечномъ перваго по аналогіи съ понятіемъ о веществѣ у послѣднихъ было бы, очевидно, явной ошибкой [2]). Но послѣдуемъ за Аристотелемъ далѣе. Въ чемъ же именно видитъ онъ возможность устранить то затрудненіе, которое во взглядахъ Анаксагора и Эмпедокла, по видимому, препятствуетъ перенести на нихъ Анаксимандрово ученіе о выдѣленіи всего изъ единаго? Онъ видитъ ее въ понятіи смѣшенія: „ибо и они“, говоритъ онъ,—„выдѣляютъ изъ смѣшенія“. Несомнѣнно, Анаксагоръ предполагаетъ смѣшеніе вещества до начала мірообразовательной дѣятельности ума [3]). У Эмпедокла, признававшаго вѣчную періодическую смѣну то объединенія всего любовью, то разъединенія ненавистью, процессъ объединенія также называется

[1]) Metaph. X. 2. 1053. b. 15—16. Ibid. I. 8. 989. b. 17.

[2]) *Риттеръ*, Gesch. d. Phil. I. 276—277, находилъ родство между Анаксимандровымъ представленіемъ о безконечномъ и представленіемъ древнихъ о хаосѣ; то же *Тейхмюллеръ*, Stud. z. Gesch. d. Begr. 54 и 58; послѣдній, ibid. 53, видитъ различіе между безконечнымъ Анаксимандра и веществомъ Анаксагора лишь въ томъ, что въ первомъ ингредіентами служатъ стихіи, во второмъ гомойомеріи.

[3]) Simpl. in Phys. 156. 4—6: πρὶν δὲ ἀποκριθῆναι, φησὶ ('Αναξαγόρας), πάντων ὁμοῦ ἐόντων οὐδὲ χροιὴ ἔνδηλος ἦν οὐδεμία· ἀπεκώλυε γὰρ ἡ σύμμιξις πάντων χρημάτων τοῦ τε διεροῦ καὶ τοῦ ξηροῦ καὶ τοῦ θερμοῦ καὶ τοῦ ψυχροῦ κτλ.

смѣшеніемъ [1]). Но Аристотель въ Gen. et corr. анализируетъ понятіе смѣшенія и находитъ, что только то смѣшеніе можно назвать смѣшеніемъ въ собственномъ смыслѣ, гдѣ разнородныя вещества на самомъ дѣлѣ соединяются во-едино, образуя вещество всюду однородное въ частяхъ своихъ, въ противномъ же случаѣ смѣшеніе будетъ не на дѣлѣ, а для человѣческаго глаза только [2]). Конечно, вѣчные и неизмѣнные въ своей природѣ элементы Эмпедокла и Анаксагора не могли допускать такого внутренняго соединенія, которое давало бы въ результатѣ безусловно однородное вещество. Не удивительно поэтому, что для Аристотеля Анаксагорово ученіе о возникновеніи одного бытія изъ другаго, въ которомъ оно уже содержится, разрѣшается въ ученіе о мельчайшихъ не ощутимыхъ для воспріятія частицахъ [3]), а ученіе о томъ же Эмпедокла онъ приравниваетъ даже прямо къ Демокритову [4]), въ которомъ, конечно, ни о какомъ выдѣленіи изъ единаго не могло быть и рѣчи. Понятно, что и въ состояніи смѣшенія, какъ это состояніе, по мнѣнію Аристотеля, должны были представлять согласно съ своимъ понятіемъ о вѣчности и неизмѣняемости разнороднаго Анаксагоръ и Эмпедоклъ, ихъ вещество не давало права говорить о выдѣленіи изъ единаго. И если тѣмъ не менѣе Аристотель приписываетъ имъ ученіе о выдѣленіи изъ единаго, ссылаясь на понятіе о смѣшеніи, то это доказываетъ, что дѣло идетъ не о томъ представленіи смѣшенія, къ ко-

[1]) Ibid. 161. 18—19 (слова Эмпедокла):

καὶ ἐκεῖνο μέντοι τὸ τὴν γένεσιν καὶ τὴν φθορὰν μηδὲν ἄλλο εἶναι,
ἀλλὰ μόνον μῖξίν τε διάλλαξίν τε μιγέντων.

[2]) Gen. et corr. I. 10. 328. a. 10—14: φαμὲν δ', εἴπερ δεῖ μεμῖχθαί τι, τὸ μιχθὲν ὁμοιομερὲς εἶναι καὶ ὥσπερ τοῦ ὕδατος τὸ μέρος ὕδωρ, οὕτω καὶ τοῦ κραθέντος· ἂν δ' ᾖ κατὰ μικρὰ σύνθεσις ἡ μίξις, οὐθὲν συμβήσεται τούτων, ἀλλὰ μόνον μεμιγμένα πρὸς τὴν αἴσθησιν.

[3]) Phys. I. 4. 187. a. 31—b. 1: (Анаксагоръ принималъ безчисленныя стихіи) ἔτι δ' ἐκ τοῦ γίνεσθαι ἐξ ἀλλήλων τἀναντία· ἐνυπῆρχεν ἄρα· εἰ γὰρ πᾶν μὲν τὸ γινόμενον ἀνάγκη γίνεσθαι ἢ ἐξ ὄντων ἢ ἐκ μὴ ὄντων, τούτων δὲ τὸ μὲν ἐκ μὴ ὄντων γίνεσθαι ἀδύνατον ...τὸ λοιπὸν ἤδη συμβαίνειν ἐξ ἀνάγκης ἐνόμισαν ἐξ ὄντων μὲν καὶ ἐνυπαρχόντων γίνεσθαι, διὰ μικρότητα δὲ τῶν ὄγκων ἐξ ἀναισθήτων ἡμῖν.

[4]) De coel. III. 7. нач.: πάλιν οὖν ἐπισκεπτέον, τίς ὁ τρόπος τῆς ἐξ ἀλλήλων γενέσεως, πότερον ὡς Ἐμπεδοκλῆς λέγει καὶ Δημόκριτος ἢ ὡς... Οἱ μὲν οὖν περὶ Ἐμπεδοκλέα καὶ Δημόκριτον λανθάνουσιν αὐτοὶ αὐτούς... ἐνυπάρχον γὰρ ἕκαστον ἐκκρίνεσθαί φασιν, ὥσπερ ἐξ ἀγγείου τῆς γενέσεως οὔσης, ἀλλ' οὐκ ἔκ τινος ὕλης. Въ Gen. et corr. I. 1. 315. a. 3—8 ученіе Эмпедокла о происхожденіи единаго изъ многаго и многаго изъ единаго критикуется какъ прямое противорѣчіе его принципамъ.

торому обязывало ихъ ученіе о вѣчности элементовъ. Когда Аристотель ставитъ своею цѣлью не критику мнѣній своихъ предшественниковъ, когда, на оборотъ, у него является стремленіе искать у нихъ наклона къ тому или другому изъ тѣхъ взглядовъ, которые развились лишь позднѣе, и представительницею которыхъ является его собственная система, тогда, естественно, онъ беретъ ихъ мнѣнія не въ томъ видѣ, въ какомъ они могли быть ими послѣдовательно развиты фактически, а со стороны тѣхъ неясныхъ задатковъ къ будущему развитію, которые въ нихъ заключались, хотя бы осуществленіе этихъ задатковъ враждебно сталкивалось съ ихъ же собственными болѣе общими и основными предположеніями [1]). Мы уже видѣли, что разбираемое нами мѣсто представляетъ одинъ изъ случаевъ такого именно отношенія Аристотеля къ своимъ предшественникамъ. На сколько Эмпедоклъ и Анаксагоръ принимали вѣчность и неизмѣняемость разнородныхъ элементовъ, на столько смѣшеніе, о которомъ они говорили, не могло быть ἕν и должно было оставаться πολλά. Но при всемъ томъ несомнѣнно, что въ состояніи вещества, объединеннаго любовью, Эмпедоклъ хотѣлъ видѣть внутреннее объединеніе его: бытіе въ этомъ состояніи онъ называлъ единымъ [2]). Несомнѣнно, что и Анаксагоръ хотѣлъ, чтобы въ его веществѣ все было во всемъ [3]), то-есть, всѣ безконечно различныя вещества находились въ каждой самомалѣйшей его части; а послѣдовательное проведеніе этой мысли необходимо должно было превратить представленіе объ разнородной смѣси въ представленіе объ однородномъ бытіи, въ которомъ должны слиться во-едино разнородныя качественности, такъ какъ только въ такомъ случаѣ каждая малѣйшая часть малѣйшей части могла бы сколько-нибудь понятно для человѣческой мысли назваться заключающею въ себѣ все безконечное разнообразіе качественностей. Анаксагоръ и Эмпедоклъ, такимъ образомъ, говоря о смѣшеніи, стремились, хотя и въ противорѣчіе своимъ принципамъ, къ тому единому равночастному бытію, къ понятію о которомъ Аристотель сводитъ понятіе о смѣшеніи. И если Аристотель, указывая на смѣшеніе, хочетъ этимъ объяснить возможность приписать имъ выдѣленіе изъ

[1]) Напримѣръ, въ Metaph. I. 8. 989. a. 30—b. 21. Ibid. XII. 2. 1069. b. 20—22.

[2]) Simpl. in Phys. 158. 1—2 и 15—16 (слова Эмпедокла):

δίπλ' ἐρέω· τοτὲ μὲν γὰρ ἓν ηὐξήθη μόνον εἶναι
ἐκ πλεόνων, τοτὲ δ' αὖ διέφυ πλέον' ἐξ ἑνὸς εἶναι.

[3]) Ibid. 27. 9—11: λέγει γοῦν Ἀναξαγόρας, ὅτι ἐν παντὶ παντὸς μοῖρα ἔνεστι καὶ ὅτῳ πλεῖστα ἔνι, ταῦτα ἐνδηλότατα ἓν ἕκαστόν ἐστι καὶ ἦν.

единаго, то онъ долженъ былъ, очевидно, подъ смѣшеніемъ разумѣть это, какъ онъ его называетъ, равночастное, то-есть, на всемъ своемъ протяженіи сплошь однородное бытіе, которое должно было бы получиться у нихъ при послѣдовательномъ проведеніи понятія смѣшенія. Отсюда разъясняется и взглядъ его на безконечное Анаксимандра. Если онъ Эмпедоклово и Анаксагорово понятія о веществѣ сводитъ къ ученію Анаксимандра, пользуясь понятіемъ о смѣшеніи, подъ которымъ разумѣетъ процессъ, дающій равночастное, то-есть, вполнѣ однородное бытіе, то ясно, что, по его взгляду, безконечное Анаксимандра есть именно такое равночастное сплошь однородное бытіе. Оно должно было отличаться отъ вещества Анаксагора и Эмпедокла тѣмъ, что его однородность была вполнѣ ясна, такъ какъ объ Анаксимандрѣ Аристотель считаетъ возможнымъ безъ всякихъ доказательствъ прямо сказать, что онъ выдѣляетъ изъ единаго, тогда какъ объ Эмпедоклѣ и Анаксагорѣ нужно было это особо доказывать. По этому признаку полной однородности или равночастности безконечное Анаксимандра должно бы быть болѣе сходно съ веществомъ другихъ древнѣйшихъ физиковъ, признававшихъ одно начало, воду, напримѣръ, или воздухъ и проч. [1]). Но будучи сходно съ нимъ въ этомъ признакѣ, оно тѣмъ не менѣе, въ глазахъ Аристотеля, имѣло и существенное отличіе отъ него. Единство вообще Аристотель отождествляетъ съ недѣлимостью или нераздѣльностью [2]); но онъ ясно видитъ, что не все, признаваемое единымъ, не дѣлимо или не раздѣльно въ одномъ и томъ же смыслѣ и въ одной и той же степени;

---

[1]) Аристотель употребляетъ терминъ ὁμοιομερής въ двухъ значеніяхъ, болѣе узкомъ и болѣе широкомъ. Иногда при употребленіи его подразумѣвается, что дѣло идетъ о бытіи составномъ, и тогда онъ означаетъ такое составное бытіе, элементы котораго вполнѣ слились въ единство одной особой природы, напримѣръ, въ Meteor. IV. 12 нач. Но такъ какъ терминъ по своему буквальному смыслу означаетъ лишь совершенную однородность частей, не указывая на составность бытія изъ разнороднаго, и такъ какъ и не составное должно отличаться такою же однородностью частей, то Аристотель часто употребляетъ тотъ же терминъ и въ болѣе широкомъ значеніи вообще однороднаго во всѣхъ своихъ частяхъ бытія, все равно образовалось ли оно изъ слитія въ одну природу разнородныхъ элементовъ или оно не составно, напримѣръ, De coel. III. 4. нач. Metaph. I. 9. 992. a. 6—7. Мы имѣемъ въ виду послѣдній смыслъ термина.

[2]) Metaph. X. 1. 1052. a. 34—1052. b. 1: λέγεται μὲν οὖν τὸ ἓν τοσαυταχῶς, τό τε συνεχὲς φύσει καὶ τὸ ὅλον, καὶ τὸ καθ' ἕκαστον καὶ τὸ καθ' ὅλου. πάντα δὲ ταῦτα ἓν τῷ ἀδιαίρετον εἶναι τῶν μὲν τὴν κίνησιν, τῶν δὲ τὴν νόησιν ἢ τὸν λόγον. Ibid. 15: διὸ καὶ τὸ ἑνὶ εἶναι τὸ ἀδιαιρέτῳ ἐστὶν εἶναι, ὅπερ τῷδε ὄντι καὶ ἀχωρίστῳ ἢ τόπῳ ἢ εἴδει ἢ διανοίᾳ, ἢ καὶ τῷ ὅλῳ καὶ ἀδιαιρέτῳ.

поэтому единое для него не раздѣльно лишь на столько, на сколько оно едино, и въ томъ отношеніи, въ которомъ оно едино [1]). Если мы съ этой точки зрѣнія сличимъ безконечное Анаксимандра съ началами другихъ древнѣйшихъ физиковъ, то тотчасъ же увидимъ, что въ немъ предполагается такая форма дѣлимости, какой въ нихъ не предполагается. Оно способно выдѣлять изъ себя разнородныя и въ сличеніи съ его общею природой, и въ отношеніи другъ къ другу качественности, то-есть, способно разлагаться на такія качественности, тогда какъ другими древнѣйшими физиками предполагалось, что эти качественности могутъ получаться изъ начала лишь путемъ качественнаго измѣненія самаго начала, такъ что онѣ разсматривались не какъ ингредіенты, способные быть выдѣленными изъ начала, а какъ видоизмѣненія этого начала. То бытіе, которое не способно разлагаться на отличныя по виду и отъ него самаго, и другъ отъ друга качественности, но способно дѣлиться лишь на части, имѣющія ту же самую качественность, какою отличается и оно само, Аристотель обыкновенно называетъ простымъ ἁπλοῦν. Такъ, извѣстныя четыре стихіи, которыя, по его ученію, отличаются именно этимъ свойствомъ, то-есть, сами, составляя содержаніе другихъ вещей, могутъ выдѣляться изъ нихъ, но изъ себя не могутъ выдѣлять отличнаго отъ нихъ бытія, а могутъ лишь, соединяясь одна съ другою, превращаться въ другое бытіе, онъ обыкновенно называетъ простыми тѣлами [2]); подобнымъ образомъ называетъ онъ простыми движенія, не составленныя изъ движеній отличнаго отъ нихъ рода [3]); въ этомъ же смыслѣ онъ [4]) различаетъ простыя цвѣта отъ цвѣтовъ составныхъ; тѣмъ же самымъ понятіемъ о простомъ, очевидно, пользуется онъ и при различеніи простаго отъ составнаго въ системахъ другихъ фило-

---

[1]) Ibid. 1053. a. 20—23: διὰ τοῦτο τὸ ἓν ἀδιαίρετον, ὅτι τὸ πρῶτον ἑκάστων ἀδιαίρετον. οὐχ ὁμοίως δὲ πᾶν ἀδιαίρετον, οἷον ποὺς καὶ μονάς, ἀλλὰ τὸ μὲν πάντῃ, τὸ δ' εἰς ἀδιαίρετα πρὸς τὴν αἴσθησιν ἐθέλει, ὥσπερ εἴρηται ἤδη. Ibid. конецъ той же главы: ἔσται δὲ τοιοῦτον (μέτρον τι) τὸ μὲν ἂν ᾗ ἀδιαίρετον κατὰ τὸ ποσόν, τὸ δὲ ἂν κατὰ τὸ ποιόν· διόπερ ἀδιαίρετον τὸ ἓν ἢ ἁπλῶς ἢ ᾗ ἕν.

[2]) Gen. et corr. II. 8. нач.: Ἅπαντα δὲ τὰ μικτὰ σώματα ....ἐξ ἁπάντων σύγκειται τῶν ἁπλῶν. γῆ μὲν γὰρ ἐνυπάρχει πᾶσι διὰ τὸ..., ὕδωρ δὲ διὰ τὸ... ἀὴρ δὲ καὶ πῦρ ὅτι..., ὥστ' ἐν ἅπαντι τῷ συνθέτῳ πάντα τὰ ἁπλᾶ ἐνέσται. Ibid. 3. 330. b. нач.: καὶ ἠκολούθηκε (говорится о соединеніяхъ теплаго, холоднаго, сухаго и жидкаго) κατὰ λογον τοῖς ἁπλοῖς φαινομένοις σώμασι, πυρὶ καὶ ἀέρι καὶ ὕδατι καὶ γῇ. Названіе четырехъ стихій простыми тѣлами у Аристотеля встрѣчается очень часто.

[3]) Напримѣръ: De coel. I. 2. 268. b. 17—19.

[4]) De color. кон. первой и начало второй главы.

софовъ: для Эмпедокла простыя тѣла суть огонь, воздухъ, вода земля, для Анаксагора—его гомойомеріи [1]). Понятно, что простыми были въ его глазахъ и начала тѣхъ физиковъ, которые объясняли происхожденіе остальнаго бытія сплотненіемъ и разрѣженіемъ первоначальнаго единаго вещества. Поэтому онъ нисколько не затрудняется примѣнять къ началамъ этихъ философовъ терминъ „простыя тѣла", хотя между этими началами было и такое, котораго онъ не имѣетъ въ числѣ своихъ четырехъ стихій [2]). Съ этой точки зрѣнія безконечное Анаксимандра, выдѣляющее изъ себя разновидное, Аристотель, очевидно, назвать простымъ не могъ. И если мы термину ἁπλοῦν, какъ это обычно дѣлается у Аристотеля, противопоставимъ терминъ σύνθετον [3]), то общій результатъ, къ которому сводится нашъ

---

[1]) Gen. et corr. I. l. 314. a. кон.: ἐναντίως δὲ φαίνονται λέγοντες οἱ περὶ Ἀναξαγόραν τοῖς περὶ Ἐμπεδοκλέα· ὁ μὲν γάρ φησι πῦρ καὶ ὕδωρ καὶ ἀέρα καὶ γῆν στοιχεῖα τέσσαρα καὶ ἁπλᾶ εἶναι μᾶλλον ἢ σάρκα καὶ ὀστοῦν καὶ τὰ τοιαῦτα τῶν ὁμοιομερῶν, οἱ δὲ ταῦτα μὲν ἁπλᾶ καὶ στοιχεῖα, γῆν δὲ καὶ πῦρ καὶ ὕδωρ καὶ ἀέρα σύνθετα, πανσπερμίαν γὰρ εἶναι τούτων.

[2]) Gen. et corr. II. 330. b. кон.: ἅπαντες γὰρ οἱ τὰ ἁπλᾶ σώματα στοιχεῖα ποιοῦντες οἱ μὲν ἕν, οἱ δὲ δύο, οἱ δὲ τρία, οἱ δὲ τέτταρα ποιοῦσιν. ὅσοι μὲν οὖν ἓν μόνον λέγουσιν, εἶτα πυκνώσει καὶ μανώσει τἆλλα γεννῶσι, τούτοις συμβαίνει κτλ. Послѣднее достаточно ясно показываетъ, о какихъ философахъ, признающихъ ἓν τὸ ἁπλοῦν σῶμα, идетъ дѣло. Metaph. I. 8. 988. b. 29—32: πρὸς τούτοις τὸ ῥαδίως (говорится о признающихъ одно начало) τῶν ἁπλῶν σωμάτων λέγειν ἀρχὴν ὁτιοῦν πλὴν γῆς, οὐκ ἐπισκεψάμενοι τὴν ἐξ ἀλλήλων γένεσιν πῶς ποιοῦνται, λέγω δὲ πῦρ καὶ ὕδωρ καὶ γῆν καὶ ἀέρα. И затѣмъ, указавъ на необходимость для всѣхъ ихъ, кромѣ принимающихъ огонь, разъяснять часть остальнаго бытія διακρίσει, слѣдовательно, производное превращать въ στοιχειωδέστατον (при чемъ, очевидно, имѣется въ виду теорія разрѣженія и сплотненія, слич. De coel. III. 5 и Phys. VIII. 9. 266. a. 30—32), Аристотель добавляетъ 989. a. 12—15: κατὰ μὲν οὖν τοῦτον τὸν λόγον οὔτ' εἴ τις τούτων τι λέγει πλὴν πυρός, οὔτ' εἴ τις ἀέρος μὲν πυκνότερον τοῦτο τίθησιν ὕδατος δὲ λεπτότερον, οὐκ ὀρθῶς ἂν λέγοι и такимъ образомъ расширяетъ понятіе объ этихъ началахъ, названныхъ простыми, за предѣлы четверичнаго числа стихій.

[3]) См. вышеприведенныя цитаты изъ Gen. et corr. l. l. 314. b. кон. Иногда Аристотель понятію ἁπλοῦν противополагаетъ терминъ μικτόν, но въ этихъ случаяхъ μικτόν употребляется въ неточномъ смыслѣ, такъ какъ μίξις въ собственномъ смыслѣ, какъ мы видѣли, для Аристотеля есть болѣе спеціальное понятіе, означающее лишь такія соединенія, въ которыхъ соединяемые элементы слились въ единство особой природы. Впрочемъ и терминъ σύνθεσις также употребляется имъ и въ болѣе спеціальномъ значеніи, именно въ отличіе отъ μίξις онъ обозначаетъ такія соединенія, гдѣ соединяемыя вещества продолжаютъ въ своихъ мельчайшихъ частицахъ существовать каждое съ своими особыми свойствами см. Gen. et corr. I. 10. 328. a. 7—9. Иногда даже терминъ σύνθεσις понимается

анализъ главнѣйшаго свидѣтельства Аристотеля о природѣ Анаксимандрова безконечнаго, можно выразить такъ: по взгляду Аристотеля, это безконечное было ἓν σύνθετον ὁμοιομερές.

Другое свидѣтельство Аристотеля о безконечномъ Анаксимандра также съ упоминаніемъ имени Анаксимандра находится въ Metaph. XII. 2. 1069. b. 20—22. Разъясняя свое понятіе о веществѣ какъ потенціально только (δυνάμει) содержащемъ въ себѣ противоположности, Аристотель говоритъ: καὶ τοῦτ' ἐστὶ τὸ Ἀναξαγόρου ἕν (βέλτιον γὰρ ἢ ὁμοῦ πάντα) καὶ Ἐμπεδοκλέους τὸ μῖγμα καὶ Ἀναξιμάνδρου. Общій взглядъ на безконечное Анаксимандра здѣсь, очевидно, тотъ же, какой и въ Phys. I. 4. Точно такъ же, какъ въ Физикѣ, здѣсь изъ древнѣйшихъ физиковъ только Анаксимандръ сближается съ Эмпедокломъ и Анаксагоромъ. Съ другой стороны, самое сближеніе вещества всѣхъ этихъ философовъ съ ὕλη самого Аристотеля достаточно ясно говоритъ, что понятіе μῖγμα берется не въ смыслѣ чисто внѣшняго хаотическаго соединенія разнородныхъ элементовъ. Но отношеніе Анаксимандра къ Анаксагору и Эмпедоклу здѣсь обрисовывается иначе, чѣмъ въ Phys. I. 4. Онъ, а не Анаксагоръ, соединяется, здѣсь съ Эмпедокломъ, когда Аристотель упоминаетъ о смѣшеніи; Анаксагоръ, наоборотъ, выдвигается на первый планъ и ему прямо приписывается ученіе объ единомъ, тогда какъ эта роль въ Phys. I. 4. достается Анаксимандру. Это разнорѣчіе обращало на себя вниманіе, но устранить или разъяснить его не удавалось. Шлейермахеръ [1]) ограничился признаніемъ этого мѣста Метафизики искаженнымъ. Лютце [2]) предполагалъ ошибку переписчика, который перемѣшалъ и переставилъ одно на мѣсто другаго имена Анаксимандра и Анаксагора. На первый взглядъ представляется, что подобная догадка очень правдоподобно разъясняетъ дѣло. Однако принять ее неудобно уже потому, что въ словахъ Аристотеля не только приписывается Анаксагору τὸ ἕν, но и прибавляется, что этотъ терминъ лучше, чѣмъ выраженіе ὁμοῦ πάντα,

---

имъ еще частнѣе, какъ названіе одного изъ частныхъ процессовъ, въ различіе отъ очень разнообразныхъ другихъ процессовъ, напримѣръ, Phys. I. 7. 190. b. 5—9. Но всего чаще употребленіе σύνθετον въ значеніи сложнаго, составнаго вообще, и въ этомъ смыслѣ оно противополагается ἁπλοῦν, напримѣръ, De coel. II. 4. 286. b. 16—17, тоже при всѣхъ опроверженіяхъ существованія безконечнаго вещества Phys. III. 5. 204. b. 11; Metaph. XI. 10. 1066. b. 26—27; De Coel. I. 5. 271. b. 17—18, и во многихъ другихъ случаяхъ.

[1]) *Schleierm.* II. 191.

[2]) *Lutze.* Ueb. d. Apeir. Anax., 54—55.

а между тѣмъ послѣднее принаплежитъ Анаксагору, а не Анаксимандру. Такимъ образомъ предположеніе объ ошибкѣ переписчика ведетъ за собою новое предположеніе или о позднѣйшей вставкѣ выраженія βέλτιον γὰρ ἢ ὁμοῦ πάντα, или о томъ, что въ этомъ выраженіи сравнивался Анаксимандръ съ Анаксагоромъ безъ упоминанія имени послѣдняго. Кромѣ того, и на особое преимущество, которое въ этомъ мѣстѣ дается Аристотелемъ веществу Анаксагора, никакъ нельзя смотрѣть какъ на что-то такое, что̀ само по себѣ въ состояніи возбудить подозрѣніе въ искаженіи текста: въ той же Метафизикѣ I. 8. 989. a. 30—b. 21 Аристотель въ веществѣ именно Анаксагора видитъ особенную близость къ своему собственному взгляду на вещество. Поэтому, если высказанное Аристотелемъ объ Анаксагорѣ въ Metaph. XII. 2 дѣйствительно противорѣчитъ высказанному имъ въ Phys. I. 4, то послѣднему столько же противорѣчитъ и Metaph. I. 8. Лютце [1]) и Ноторпъ [2]) хотятъ сгладить послѣдчее противорѣчіе; они предполагаютъ, что Аристотель, сводя въ Metaph. I. 8. вещество Анаксагора къ понятію τὸ ἀόριστον πρὶν ὁριστῆναι καὶ μετασχεῖν εἴδους τινός, имѣлъ въ мысляхъ Анаксимандрово вещество, по мнѣнію Ноторпа, отличающееся этими именно свойствами. Но это предположеніе совершенно произвольное: Аристотель ни однимъ словомъ не упоминаетъ здѣсь объ Анаксимандрѣ, на оборотъ, усвояемое Анаксагору мнѣніе онъ называетъ καινοπρεπέστερον, παραπλήσιον τοῖς τε ὕστερον λέγουσιν καὶ τοῖς νῦν φαινομένοις μᾶλλον, а это рѣшительно не подходитъ къ Анаксимандру. За разъясненіемъ дѣла обратимся къ самому Аристотелю. Въ Metaph. I, 8 онъ достаточно разъясняетъ, что̀ особенно привлекаетъ его во взглядѣ Анаксагора на вещество. Его привлекаетъ не понятіе смѣшенія; на оборотъ, онъ здѣсь указываетъ и на невозможность для смѣшенія занять мѣсто первичнаго бытія, такъ какъ не смѣшанное должно все же въ такомъ случаѣ существовать ранѣе смѣшенія, и на несостоятельность Анаксагоровскаго понятія о смѣшеніи всего со всѣмъ, такъ какъ не все допускаетъ смѣшеніе со всѣмъ [3]). Его привлекаетъ лишь одно изъ свойствъ Анаксагорова смѣшенія и какъ разъ то, котораго не должно бы имѣть смѣшеніе

[1]) Ibid. 53. № 7.

[2]) *Notorp.* Ueb. d. Princ. und d. Kosmol. Anax. *Philos. Monatsh.* B. XX. H. VI и VII, p. 371, № 2.

[3]) ἀτόπου γὰρ ὄντος καὶ ἄλλως τοῦ φάσκειν μεμῖχθαι τὴν ἀρχὴν πάντα, καὶ διὰ τὸ συμβαίνειν ἄμικτα δεῖν προϋπάρχειν, καὶ διὰ τὸ μὴ πεφυκέναι τῷ τυχόντι μίγνυσθαι τὸ τυχόν.

по его собственному понятію. По его собственному ученію, въ смѣшеніи потенціальнымъ бытіемъ дѣлаются ингредіенты, а получающееся изъ нихъ новое бытіе есть нѣчто дѣйствительное, отличное отъ нихъ, слѣдовательно—опредѣленное [1]). Достоинство Анаксагорова вещества онъ видитъ, на оборотъ, въ томъ, что смѣшеніе отожествлялось здѣсь съ невыдѣленностью, а поэтому смѣшеніе всего означало, что ничего не выдѣлялось; именно вслѣдствіе этого сущность должна была потерять безусловно всякую опредѣленность, слѣдовательно, не могла получить никакого ни качественнаго, ни количественнаго предиката [2]). Такимъ образомъ достоинство ученія Анаксагора Аристотель видитъ здѣсь въ томъ, что Анаксагоръ, стремясь, вопреки собственному предположенію о вѣчности и неизмѣняемости разнородныхъ элементовъ, къ сплошному однообразію своего смѣшенія, представлялъ это однообразіе смѣшенія не въ формѣ равночастнаго, то-есть, однороднаго бытія, какъ требовало понятіе смѣшенія, а въ формѣ безусловной неопредѣленности чистаго субстрата, чисто потенціальнаго бытія. Сличая, затѣмъ, Phys. I, 4 и Metaph. XII, 2, то-есть, тѣ мѣста, въ которыхъ называются всѣ три философа, Анаксимандръ, Эмпедоклъ и Анаксагоръ, мы видимъ, что въ нихъ идетъ рѣчь не совсѣмъ объ одномъ и томъ же предметѣ. Хотя разсужденіе о числѣ началъ въ Phys. имѣетъ своею конечною цѣлью разъясненіе той же ὕλη, о которой говорится и въ Metaph. II, 2, однако, когда Аристотель дѣлаетъ тамъ свое обобщеніе ученій физиковъ, онъ дѣлаетъ его не съ цѣлью сличенія ихъ взглядовъ прямо и непосредственно съ своимъ понятіемъ объ ὕλη;

[1]) Gen. et corr. I, 10, 327, b. 22—25: ἐπεὶ δ' ἐστὶ τὰ μὲν δυνάμει τὰ δὲ ἐνεργείᾳ τῶν ὄντων ἐνδέχεται τὰ μιχθέντα εἶναί πως καὶ μὴ εἶναι, ἐνεργείᾳ μὲν ἑτέρου ὄντος τοῦ γεγονότος ἐξ αὐτῶν, δυνάμει δὲ κτλ.

[2]) ὅτε γὰρ οὐθὲν ἦν ἀποκεκριμένον, δῆλον ὡς οὐθὲν ἦν ἀληθὲς εἰπεῖν κατὰ τῆς οὐσίας ἐκείνης, λέγω δ' οἷον ὅτι οὔτε λευκὸν οὔτε μέλαν (по Аристотелю, это первоначальные цвѣта) ἢ φαιὸν ἢ ἄλλο χρῶμα (цвѣта какъ результатъ смѣшенія первоначальныхъ слич. Metaph. X, 7, нач.), ἀλλ' ἄχρων ἦν ἐξ ἀνάγκης. εἶχε γὰρ ἄν τι τούτων τῶν χρωμάτων. ὁμοίως δὲ καὶ ἄχυμον, καὶ τῷ αὐτῷ λόγῳ τούτῳ οὐδὲ ἄλλο τι τῶν ὁμοίων οὐθέν. οὔτε γὰρ ποιόν τι οἷόν τε αὐτὸ εἶναι οὔτε ποσὸν οὔτε τί. τῶν γὰρ ἐν μέρει τι λεγομένων εἰδῶν ὑπῆρχεν ἂν αὐτῷ, τοῦτο δὲ ἀδύνατον μεμιγμένων γε πάντων (то-есть, когда слитнымъ признается все, слѣдовательно, и всякая качественность, которую предположили бы какъ результатъ смѣшенія, какъ ту иную, отличную отъ смѣшиваемыхъ качественностей, въ которую, по Аристотелю, переходятъ послѣднія). ἤδη γὰρ ἂν ἀπεκέκριτο, φησὶ δ' εἶναι μεμιγμένα πάντα πλὴν τοῦ νοῦ.

онъ ищетъ у нихъ только ясно выраженнаго ученія объ единствѣ бытія, лежащаго въ основаніи всего, съ яснымъ въ то же время признаніемъ противоположностей за начала, въ какой бы формѣ это ни выражалось, въ формѣ ли ученія объ единомъ простомъ бытіи, въ которомъ предполагаются противоположные способы дѣятельности, или въ формѣ ученія о равночастномъ составномъ бытіи, которое, представляя сплошное однообразіе въ своей природѣ, считалось бы въ то же время способнымъ разлагаться на разнородное или выдѣлять его изъ себя. Въ группѣ физиковъ, которая учила о происхожденіи всего изъ первооснованія путемъ выдѣленія, а не чрезъ качественное измѣненіе бытія и которая, если была бы послѣдовательна, могла бы представить искомый имъ взглядъ лишь во второй формѣ, онъ находитъ дѣйствительно ясно выраженнымъ этотъ взглядъ лишь у Анаксимандра, у Эмпедокла же и у Анаксагора — преобладаніе чистаго плюрализма съ наклономъ только и съ стремленіемъ къ желаемому имъ примиренію монизма съ плюрализмомъ. Отсюда Анаксимандръ является у него на первомъ планѣ, а Анаксагоръ и Эмпедоклъ лишь присоединяются къ нему съ указаніемъ на ту сторону въ ихъ ученіи, которая можетъ оправдывать это сближеніе ихъ ученія съ Анаксимандровымъ. Въ Metaph. XII, 2, Аристотель ищетъ у физиковъ не ученія вообще объ единомъ и противоположностяхъ, а прямо ученія о своей ὕλη: тотчасъ за указаніемъ на ученіе ихъ (и Демокрита) онъ говоритъ ὥστε τῆς ὕλης ἂν εἶεν ἡμμένοι. Какъ значительно эта постановка измѣняетъ положеніе дѣла, это живо чувствуется уже въ томъ, что вся группа физиковъ, учившихъ происхожденію бытія путемъ качественнаго измѣненія первооснованія, отпадаетъ, и, на оборотъ, является даже упоминаніе о Демокритѣ, о которомъ Аристотель не считалъ возможнымъ упомянуть въ Phys. I, 4, когда вся сущность дѣла ставилась въ примиреніи монизма и плюрализма. Это и понятно. Несомнѣнно, конечно, что ὕλη также представляетъ собою соединеніе единства и противоположностей, но она есть уже извѣстное опредѣленное ихъ соединеніе, она есть чистая потенція всякой дѣйствительности, заключаетъ въ себѣ всю дѣйствительность въ формѣ возможности, не будучи сама по себѣ никакою опредѣленною дѣйствительностью. Отсюда всѣ системы, которыя не показываютъ ни малѣйшаго стремленія предполагать все бытіе уже заключающимся какимъ бы то ни было образомъ въ первооснованіи (то-есть, признававшія τὸ ἓν καὶ ἁπλοῦν), отъ сопоставленія устраняются, а на оборотъ, философъ Демокритъ, который рѣшительно отрицалъ единство, но который въ извѣстномъ смыслѣ говорилъ о потенціальномъ существованіи всего возникающаго въ признаваемомъ имъ первоначальномъ бытіи (ἦν ὁμοῦ πάντα δυνάμει, ἐνεργείᾳ δ' οὔ), получаетъ право быть упомянутымъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что и сравнительная оцѣнка Анаксимандра, Анаксагора и Эмпедокла съ новой точки зрѣнія оказалась не та, которая проведена была въ Phys. I, 4. Они или даютъ въ своемъ веществѣ σύνθετον ὁμοιομερές (Анаксимандръ), или должны бы давать его, еслибы отказались отъ принципа вѣчности и неизмѣняемости разнородныхъ элементовъ, а провели бы послѣдовательно понятіе смѣшенія, на которомъ они все же настаиваютъ (Анаксагоръ и Эмпедоклъ). Съ этой стороны они всѣ имѣютъ право назваться предтечами ученія объ ὕλη, такъ какъ въ σύνθετον ὁμοιομερές, по толкованію Аристотеля, должно именно потенціально заключаться то, что предполагается выдѣляющимся изъ него, подобно какъ въ ὕλη потенціально дана имѣющая развиться изъ нея дѣйствительность. Но это τὸ ὁμοιομερές все же никакъ не одно и то же, что ὕλη: ὕλη есть чистая потенціальность, все въ возможности и ничто въ дѣйствительности; составное же и равночастное бытіе само есть нѣкоторая дѣйствительность, которая заключаетъ въ себѣ возможность другой отличной отъ нея дѣйствительности; поэтому, на сколько понятіе о равночастномъ составномъ бытіи разсматривается какъ такое предѣльное понятіе, которое они даютъ или могутъ только дать, ни о комъ изъ нихъ нельзя сказать, что его система представляетъ опредѣленное ученіе объ ὕλη, объ Анаксимандрѣ столько же, сколько и объ остальныхъ. Но здѣсь-то именно и выступаетъ преимущество Анаксагора, о которомъ Аристотель говоритъ въ Метафизикѣ I, 8. Понятіе о бытіи однородномъ и составномъ для него непредѣльное понятіе. Вопреки ученію о вѣчности и неизмѣнности элементовъ, вопреки даже ученію о смѣшеніи по крайней мѣрѣ въ той формѣ, какъ понимаетъ его Аристотель, онъ хочетъ безусловной невыдѣленности въ первоначальномъ состояніи вещества, которое тѣмъ не менѣе должно заключать въ себѣ все; онъ стремится, слѣдовательно, къ той чистой потенціальности, которую даетъ Аристотель въ свой ὕλη. Правда, эта тенденція Анаксагора къ чистой потенціальности остается лишь тенденціей; но такъ какъ для Анаксимандра и Эмпедокла предѣльнымъ понятіемъ служитъ понятіе о бытіи равночастномъ и составномъ, далѣе чего не идутъ ихъ стремленія, а Анаксагоръ стремится къ чистой потенціальности, которую представляетъ

Аристотелева ὕλη, то онъ естественно выдвигается на первый планъ, и его ученіе разсматривается какъ самое близкое къ позднѣйшимъ взглядамъ. Такъ какъ Аристотель уже изложилъ свое пониманіе Анаксагорова вещества въ Metaph. I, 8., то въ XII, 2, онъ ограничивается лишь самымъ краткимъ выраженіемъ этой мысли, называя вещество Анаксагора τὸ ἕν въ смыслѣ неопредѣленнаго единаго и въ отличіе отъ τὸ μῖγμα, которое отнесено къ остальнымъ двумъ философамъ [1]). Отсюда ясно, что никакого противорѣчія между Phys I. 4 и Metaph. XII, 2 нѣтъ. Сопоставленіе Анаксимандра, Анаксагора и Эмпедокла въ Metaph. XII, 2 имѣетъ, несомнѣнно, отличіе отъ сопоставленія, сдѣланнаго между ними въ Phys. I. 4, но это отличіе, очевидно, таково, что служитъ подтвержденіемъ тѣхъ выводовъ, которые мы сдѣлали выше изъ послѣдняго мѣста. Если при сближеніи вещества этихъ трехъ философовъ съ ὕλη какъ чистою потенціальностью, Анаксагоръ выдвигается на первый планъ, а Анаксимандръ занимаетъ второстепенное мѣсто подлѣ Эмпедокла; если, съ другой стороны, въ совершенномъ соотвѣтствіи съ этимъ въ Metaph. XII. 2 исключительно Анаксагору и даже въ прямое отличіе отъ Эмпедокла (объ Эмпедоклѣ Аристотель упоминалъ непосредственно передъ тѣмъ и не говорилъ ничего подобнаго) усвояется ученіе, сходное съ ученіемъ о ὕλη, то не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что безконечное Анаксимандра, по взгляду Аристотеля, не было безусловно неопредѣленнымъ бытіемъ. Если, далѣе, Аристотель находитъ возможнымъ это безконечное вмѣстѣ съ веществомъ Эмпедокла назвать μῖγμα, то ясно, что оно имѣло въ его глазахъ характеръ бытія составнаго [2]). Если же

[1]) При подробномъ и болѣе точномъ изложеніи своего взгляда на вещество Анаксагора въ Metaph. I. 8. Аристотель называетъ его θάτερον въ отличіе отъ ὁ νοῦς, который здѣсь называется τὸ ἕν [τοῦτο γὰρ ἁπλοῦν καὶ ἀμιγές] въ качествѣ бытія въ собственномъ смыслѣ единаго и простаго по взгляду Анаксагора.

[2]) Разъясненный выше взглядъ Аристотеля на μῖγμα достаточно объясняетъ съ его стороны возможность при краткомъ упоминаніи о безконечномъ Анаксимандра назвать его этимъ терминомъ. Но во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія замѣчаніе Целлера, Phil. d. Griech. 1. 192. № 1: „τὸ μῖγμα ближайшимъ образомъ (въ словахъ Аристотеля) приписывается Эмпедоклу, и только на второмъ мѣстѣ чрезъ добавленіе καὶ 'Αναξιμάνδρου отнесено на послѣдняго". Целлеръ предполагаетъ здѣсь легкое ζεῦγμα: изъ слова, которое во всей строгости подходитъ лишь къ Эмпедоклу, одно общее понятіе (единства, содержащаго въ себѣ разнообразіе) примѣняется къ Анаксимандру. Несомнѣнно, выраженіе 'Εμπεδοκλέους τὸ μῖγμα καὶ τοῦ 'Αναξιμάνδρου въ виду крайней сжатости изложенія всего отдѣла, къ которому относится это мѣсто (на это также ссылается Целлеръ), можетъ внушать подобное предположеніе. Но если это предположеніе и справедливо, то, конечно, не въ томъ смыслѣ, чтобы Аристотель здѣсь отличалъ смѣшеніе Эмпедокла отъ совершенно неопредѣленнаго единаго Анаксимандра; тогда нужно было бы говорить уже не о легкомъ ζεῦγμα, и не къ τὸ μῖγμα Эмпедокла, а къ τὸ ἕν Анаксагора пришлось бы отнести Аристотелю безконечное Анаксимандра. Аристотель могъ видѣть въ μῖγμα не совсѣмъ точное названіе для Анаксимандрова безконечнаго лишь въ томъ смыслѣ, что для Анаксимандра оно не было результатомъ предварительнаго процесса смѣшенія, какъ для Эмпедокла его вещество, а было первоначальнымъ бытіемъ, способнымъ только разлагаться на разнородныя качественности и, слѣдовательно, какимъ-то образомъ содержащимъ ихъ въ себѣ.

изъ Phys. I. 4, несомнѣнно, выходитъ по крайней мѣрѣ то, что оно было единымъ, то остается возможнымъ одно заключеніе, что, по взгляду Аристотеля, оно было σύνθετον ὁμοιομερές.

Косвеннымъ подтвержденіемъ этого же вывода служитъ Аристотелева критика понятія безконечнаго у физиковъ въ Phys. III. 5 [1]). Выводы, которые можно сдѣлать изъ этой критики по вопросу о природѣ Анаксимандрова безконечнаго потому имѣютъ особенное значеніе, что при предварительномъ разъясненіи ученія своихъ предшественниковъ о безконечномъ, Аристотель прямо ссылается на взглядъ Анаксимандра, называя послѣдняго по имени [2]); слѣдовательно, при своей критикѣ ученія физиковъ о безконечномъ онъ не могъ не имѣть въ виду Анаксимандрова воззрѣнія. Критика эта распадается на двѣ части. Въ одной Аристотель доказываетъ, что безконечное тѣло не можетъ быть ни ἁπλοῦν ни σύνθετον. Задачей второй части ставится разъясненіе затрудненій, которыя должны произойдти при признаніи безконечнаго тѣла вслѣдствіе необходимости предполагать связь каждаго физическаго тѣла съ опредѣленнымъ мѣстомъ. Но и при развитіи этой общей мысли Аристотель также дѣлитъ признающихъ безконечное тѣло на двѣ группы. Однако эти группы характеризуются уже иначе, именно: различается безконечное тѣло ὁμοιοειδές отъ безконечнаго ἀνόμοιον. Нельзя сомнѣваться, что это послѣднее дѣленіе не совпадаетъ съ первымъ. Аристотель никакъ не относится къ такимъ

[1]) Возраженія Аристотеля противъ существованія безконечнаго тѣла почти буквально повторяются въ Metaph. XI. 10 и являются въ измѣненномъ видѣ вслѣдствіе внесенія понятія о движеніи въ De coel. I. 5 и 7.

[2]) Phys. III. 4. 203. b. 12—15: καὶ τοῦτ' [τὸ ἄπειρον] εἶναι τὸ θεῖον· ἀθάνατον γὰρ καὶ ἀνώλεθρον, ὥς φησιν ὁ 'Αναξίμανδρος καὶ οἱ πλεῖστοι τῶν φυσιολόγων. Между перечисляемыми Аристотелемъ тотчасъ затѣмъ основаніями, которыя приводились въ пользу ученія о безконечномъ, одно, по свидѣтельству доксографовъ, принадлежитъ Анаксимандру.

писателямъ, которые ради изящества стиля стали бы разнообразить
свою терминологію, особенно еще въ прямой ущербъ точности; а
подобовиднымъ (ὁμοειδής), равно какъ и равночастнымъ, можетъ на-
зваться какъ тѣло простое, такъ и составное, если элементы, его
составляющіе, слились въ одну особую природу. Выраженіе ὁμοειδές
онъ самъ употребляетъ и въ другихъ случаяхъ какъ равнозначительное
съ ὁμοιομερές, и въ параллельномъ мѣстѣ въ De coel. I. 7., гдѣ также
опровергается ученіе о существованіи безконечнаго тѣла, вмѣсто
ὁμοειδὲς и ἀνόμοιον прямо являются ὁμοιομερὲς и ἀνομοιομερές [1]). Самыя
мысли, которыя Аристотель высказываетъ, когда возражаетъ про-
тивъ различныхъ группъ, на которыя онъ дѣлитъ признающихъ
безконечное тѣло, совершенно отвѣчаютъ предположенію, что при
дѣленіи на τὸ ἁπλοῦν и τὸ σύνθετον подъ σύνθετον онъ разумѣетъ
составное тѣло вообще, все равно слилось ли оно въ единство одной
природы или не слилось, подъ ἀνόμοιον — только послѣдній слу-
чай, подъ ὁμοειδές — не простое только тѣло, но и изъ составныхъ
слившееся въ одну природу [2]). Отсюда слѣдуетъ, что Аристотель

---

[1]) De coel. I. 7. нач.: ἀνάγκη δὴ σῶμα πᾶν ἤτοι ἄπειρον εἶναι ἢ πεπερασμένον, καὶ εἰ ἄπειρον ἤτοι ἀνομοιομερὲς ἅπαν ἢ ὁμοιομερές. Нѣсколько выше c. 5. 271. b., подобно какъ въ Phys. III. 4, разсматривался тотъ же вопросъ, при чемъ безконечное тѣло бралось то какъ ἁπλοῦν, то какъ σύνθετον. Случаи употребленія ὁμοειδής или ὁμοιοειδής въ равномъ значеніи съ ὁμοιομερής см. въ Ind. Arist. *Bonitz*. 510. а 45—50.

[2]) Противъ признающихъ безконечное σύνθετον Аристотель замѣчаетъ, что,
если признать одну часть изъ частей, составляющихъ безконечное, безконечною,
она уничтожитъ остальныя, а всѣ части безконечными быть не могутъ, такъ какъ
каждое безконечное тѣло должно имѣть безконечное протяженіе во всѣ стороны
Phys. III. 5. 204. b. 13—22. Но первая изъ этихъ мыслей, очевидно, болѣе приложима
къ такому составному тѣлу, элементы котораго слились въ одну природу, чѣмъ къ
такому, элементы котораго только пространственно соприкасаются другъ съ дру-
гомъ: по взгляду Аристотеля на смѣшеніе, чрезмѣрное преобладаніе одного изъ смѣ-
шиваемыхъ элементовъ сопровождается не возникновеніемъ новой качественности,
а поглощеніемъ элемента слабаго элементомъ преобладающимъ. Вторая мысль
имѣетъ также значеніе не для составнаго только тѣла во второмъ смыслѣ, но и
въ первомъ, такъ какъ Аристотель, конечно, хорошо зналъ, что объемъ каждаго
изъ тѣлъ, сливающихся въ одно новое тѣло, долженъ быть менѣе объема по-
слѣдняго, а отсюда необходимо слѣдуетъ, что каждое изъ нихъ, взятое въ отдѣль-
ности, не можетъ быть безконечно протяженнымъ во всѣ стороны. Первое возра-
женіе Аристотеля противъ признающихъ безконечное ἀνόμοιον, состоитъ въ томъ,
что подобное тѣло могло бы быть единымъ только по соприкосновенію, ibid. 205.
b. 19—21. Но это, безспорно, приложимо только къ такому составному тѣлу,
части котораго остаются разнородными. Общее предположеніе всѣхъ возра-

различаетъ три взгляда на безконечное тѣло; по одному изъ нихъ оно есть тѣло простое, по другому—сложное, но имѣющее однородную природу, по третьему—также сложное, но такое, составные элементы котораго не слились въ одну природу. Второй взглядъ играетъ на столько видную роль при обсужденіи имъ вопроса, что заставляетъ его, смотря по характеру возраженій, измѣнять принятое имъ двучастное дѣленіе такъ, что въ одномъ случаѣ этотъ взглядъ входитъ во второй членъ дѣленія, въ другомъ—въ первый [1]). Кому же принадлежитъ этотъ взглядъ? Эмпедоклъ безконечности вещества не признавалъ; Анаксагора Аристотель, очевидно, относитъ къ признававшимъ τὸ ἀνόμοιον, такъ какъ имъ только онъ дѣлаетъ упрекъ, что ихъ безконечное едино только τῷ ἅπτεσθαι, а этимъ признакомъ въ предшествующей главѣ характеризовалось безконечное Анаксагора и Демокрита; и притомъ къ возраженіямъ именно противъ безконечнаго ἀνόμοιον примыкаетъ у Аристотеля разборъ одного изъ частныхъ мнѣній Анаксагора [2]). Остается принять одно изъ двухъ предположеній: или здѣсь имѣется въ виду Анаксимандръ, или Аристотель опровергаетъ не фактически существовавшій, а только теоретически возможный взглядъ. Несомнѣнно, что и это послѣднее

женій Аристотеля противъ безконечнаго ἀνομοίου составляетъ мысль о необходимости разнородныхъ мѣстъ для разнородныхъ составныхъ частей безконечнаго. Но этимъ предполагается, что разнородныя части безконечнаго лежатъ внѣ другъ друга, то-есть, остаются обособленными, не сливаясь въ одну природу, и Аристотель дастъ даже очень ясно понять это, когда, говоря о возможной безчисленности мѣстъ этихъ частей, называетъ самыя части простыми, ibid. 29—30. Возражая противъ τὸ ὁμοειδές, Аристотель разъясняетъ, что вслѣдствіе тожественнаго отношенія всѣхъ его частей ко всему мѣсту цѣлаго, теряется всякая возможность смѣны движенія и покоя, ibid. 13—19. Но это возраженіе, очевидно, одинаково приложимо какъ къ тѣлу простому, такъ и къ однородному составному, такъ какъ и послѣднее во всѣхъ частяхъ должно отличаться одними и тѣми же свойствами, а слѣдовательно, для однородныхъ частей его должно изчезнуть различіе мѣстъ.

[1]) Симплицій in Phys. 482. 28—483. 4, замѣчаетъ различіе обоихъ дѣленій Аристотеля и отстаиваетъ его въ противоположность мнѣнію Александра. Но все, что онъ можетъ сказать по этому поводу, ограничивается довольно своеобразнымъ замѣчаніемъ: καὶ ἄλλως δὲ οὐκ ἦν ἄξιον τῆς 'Αριστοτελικῆς εὐρύτητος τῇ αὐτῇ πάλιν διαιρέσει χρήσασθαι.

[2]) Послѣ своихъ возраженій противъ признававшихъ безконечное ἀνόμοιον' которыя основаны на мысли о необходимости взаимнаго соотвѣтствія мѣстъ и разнородныхъ элементовъ, входящихъ въ безконечное, Аристотель говоритъ: Ἀναξαγόρας δ' ἀτόπως λέγει περὶ τῆς ἀπείρου μονῆς κτλ., и это мнѣніе Анаксагора затѣмъ подробно опровергается.

*

предположеніе само по себѣ не противорѣчило бы обычаямъ Аристотеля: при опроверженіи того или другаго взгляда онъ не рѣдко обсуждаетъ не существовавшія только дѣйствительно мнѣнія, но и возможныя лишь видоизмѣненія ихъ. Однако, если мы видимъ, что ранѣе въ той же Phys. I. 4 Анаксимандру приписывалось имъ мнѣніе о выдѣленіи изъ единаго существующихъ въ немъ противоположностей, а въ Метафизикѣ, гдѣ повторяются тѣ же возраженія противъ безконечнаго, безконечное Анаксимандра прямо называлось μῖγμα, то выборъ между этими двумя предположеніями едва ли будетъ сомнителенъ. По словамъ самого Аристотеля, всѣ, принимавшіе безконечное, считали его за начало (ἀρχήν) [1], слѣдовательно, и предполагаемое его критикой составное и одновидное безконечное должно разсматриваться не какъ результатъ предварительнаго процесса смѣшенія, а какъ первоначальное бытіе, способное лишь выдѣлять изъ себя разнородное, разлагаться на него. Какъ бы Аристотель ни образовалъ понятіе о такого рода безконечномъ, хотя бы путемъ чисто теоретическихъ предположеній, но, какъ скоро оно было имъ составлено, онъ не могъ не отожествить съ нимъ безконечнаго Анаксимандра, которое, по его собственнымъ словамъ, выдѣляетъ изъ себя существующія въ немъ противоположности: для различенія Анаксимандрова безконечнаго отъ этого предполагаемаго имъ составнаго и одновиднаго безконечнаго онъ не могъ бы найдти ни одного признака.

Отсюда ясно, какую крупную ошибку сдѣлали комментаторы Аристотеля и дѣлаютъ многіе новые ученые (и между ними даже не раздѣляющіе взгляда комментаторовъ на природу Анаксимандрова безконечнаго), когда относятъ къ Анаксимандру мнѣніе о простомъ, особомъ отъ стихій, безконечномъ тѣлѣ, о которомъ упоминаетъ Аристотель въ этой самой критикѣ мнѣній физиковъ о безконечномъ. Очевидно, всего менѣе возможно, чтобы Аристотель среди того самаго порядка мыслей, гдѣ ясно предполагается различіе простаго тѣла отъ тѣла однороднаго, но составнаго, причислилъ безконечное Анаксимандра къ тѣламъ простымъ. Впрочемъ, и независимо отъ этого соображенія, самая Аристотелева характеристика взгляда на безконечное какъ простое, особое отъ стихій, тѣло, равно какъ и его

[1]) Phys. III. 4. 203. a. нач.: πάντες γὰρ οἱ δοκοῦντες ἀξιολόγως ἧφθαι τῆς τοιαύτης φιλοσοφίας πεποίηνται λόγον περὶ τοῦ ἀπείρου, καὶ πάντες ὡς ἀρχήν τινα τιθέασι τῶν ὄντων.

критика этого взгляда достаточно показываютъ, что онъ имѣетъ здѣсь дѣло не съ мнѣніемъ Анаксимандра. „Единымъ и простымъ также не можетъ быть“, говоритъ Аристотель,—„безконечное тѣло ни въ смыслѣ мнѣнія тѣхъ, которые принимаютъ безконечное тѣло помимо стихій, производя изъ него послѣднія, ни въ обыкновенномъ смыслѣ. Есть именно нѣкоторые“, поясняетъ онъ свою мысль,—„которые признаютъ безконечное тѣломъ такого рода, а не воздухомъ или водою, для того, чтобы вслѣдствіе безконечности одного изъ послѣднихъ не разрушились бы остальныя, такъ какъ они имѣютъ противоположность въ отношеніи другъ къ другу, напримѣръ, воздухъ холоденъ, вода сыра, огонь тепелъ, такъ что, еслибы одно изъ нихъ было безконечнымъ, остальныя уже разрушились бы“ [1]). Уже не разъ замѣчали, что изложенная въ этихъ словахъ Аристотеля аргументація признававшихъ простое тѣло, отличное отъ стихій, предполагаетъ ученіе о стихіяхъ, какъ сложилось оно уже позднѣе времени Анаксимандра. Мнѣ кажется, что философу, который имѣлъ позади себя только Ѳалеса съ его ученіемъ о происхожденіи всего изъ воды, едва ли пришло бы на мысль доказывать, что ни воздухъ, ни огонь не могутъ быть безконечными началами бытія. Предположить же, что Аристотель передаетъ мысль этого философа не въ его, а въ своихъ собственныхъ терминахъ и при этомъ нѣсколько даже измѣняетъ и пополняетъ ее, неудобно уже потому, что вопреки мнѣнію самого Аристотеля о воздухѣ какъ стихіи теплой и сырой, воздухъ характеризуется здѣсь какъ начало холодное [2]), и это показываетъ, что даже подробности аргументаціи, частности въ разъясненіи основной мысли заимствованы изъ первоначальнаго источника. Впрочемъ и общая мысль аргументаціи, что безконечная стихія, которая, конечно, должна была признаваться и началомъ, въ силу своей противоположности другимъ стихіямъ должна уничтожить эти послѣднія, представляется мнѣ совсѣмъ не соотвѣтствующею эпохѣ Анаксимандра. Философъ, подобнымъ образомъ аргументиру-

[1]) Phys. III. 5. 204. b. 22—29: ἀλλὰ μὴν οὐδὲ ἓν καὶ ἁπλοῦν εἶναι ἐνδέχεται τὸ ἄπειρον σῶμα, οὔτε ὡς λέγουσί τινες τὸ παρὰ τὰ στοιχεῖα, ἐξ οὗ ταῦτα γεννῶσιν, οὔθ’ ἁπλῶς· εἰσὶ γάρ τινες οἳ τοῦτο ποιοῦσι τὸ ἄπειρον, ἀλλ’ οὐκ ἀέρα ἢ ὕδωρ, ὡς μὴ τἆλλα φθείρηται ὑπὸ τοῦ ἀπείρου αὐτῶν· ἔχουσι γὰρ πρὸς ἄλληλα ἐναντίωσιν, οἷον ὁ μὲν ἀήρ ψυχρός, τὸ δὲ ὕδωρ ὑγρόν, τὸ δὲ πῦρ θερμόν, ὧν εἰ ἦν ἓν ἄπειρον, ἔφθαρτο ἂν ἤδη τἆλλα.

[2]) Это различіе характеристики воздуха отъ Аристотелевой подмѣчено было уже комментаторами Аристотеля. Simpl. in phys. 481. 28—34.

ющій, очевидно, смотритъ на стихіи какъ на такія вещественныя массы, дѣйствіе которыхъ исключительно и съ механическою необходимостью опредѣляется ихъ чувственно постигаемыми свойствами; всякая мысль объ оживляющей вещество зиждительной силѣ, не чуждой цѣлесообразности въ своей дѣятельности, равно какъ и о сравнительномъ достоинствѣ стихій съ этой именно точки зрѣнія, здѣсь вполнѣ исключена. Все это, мнѣ кажется, слишкомъ мало подходитъ къ вѣку гилозоизма, къ тому періоду философской мысли, когда Анаксименъ ставилъ значеніе воздуха для міра въ параллель съ значеніемъ души для человѣка, когда Гераклитъ и Пиѳагорейцы не усумнились дать огню господственное положеніе въ бытіи исключительно въ силу взгляда на него какъ на стихію высшую по достоинству, когда самъ Анаксимандръ говорилъ о δίκην καὶ τίσιν τῆς ἀδικίας, совершающихся чрезъ самое движеніе міроваго процесса [1]), когда онъ своему безконечному приписывалъ, какъ обыкновенно полагаютъ, способность давать направленіе цѣлому [2]). Возражая противъ ученія о простомъ, особомъ отъ стихій безконечномъ тѣлѣ, Аристотель аподиктически заявляетъ, что такого чувственно постигаемаго тѣла сверхъ стихій нѣтъ въ нашемъ мірѣ [3]). Такого рода прямое отрицаніе безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій совершенно понятно, если дѣло идетъ о тѣлѣ дѣйствительно простомъ, не заключающемъ въ себѣ противоположностей, чрезъ собственное уплотненіе и разрѣженіе впервые порождающемъ теплое и холодное, тяжелое и легкое. Съ точки зрѣнія Аристотеля такого тѣла нѣтъ и быть не можетъ. Но совсѣмъ другое дѣло, если рѣчь идетъ о тѣлѣ, о которомъ утверждаютъ, что оно въ себѣ самомъ заключаетъ противоположности, которыя и выдѣляетъ изъ себя. Всѣ предметы на землѣ, за исключеніемъ самыхъ стихій, были, съ точки зрѣнія Ари-

[1]) Simpl. in Phys. 24. 18—20: ἐξ ὧν δὲ ἡ γένεσίς ἐστι τοῖς οὖσι, καὶ τὴν φθορὰν εἰς ταῦτα γίνεσθαι κατὰ τὸ χρεών· διδόναι γὰρ αὐτὰ δίκην καὶ τίσιν ἀλλήλοις τῆς ἀδικίας κατὰ τὴν τοῦ χρόνου τάξιν, ποιητικωτέροις οὕτως ὀνόμασιν αὐτὰ λέγων (Ἀναξίμανδρος).

[2]) Arist. Phys. III. 4. 203. b. 10 — 13: διὸ καθάπερ λέγομεν οὐ ταύτης ἀρχή, ἀλλ' αὕτη τῶν ἄλλων εἶναι δοκεῖ καὶ περιέχειν ἅπαντα καὶ πάντα κυβερνᾶν, ὥς φασιν ὅσοι μὴ ποιοῦσι παρὰ τὸ ἄπειρον ἄλλας αἰτίας. Такъ какъ вскорѣ затѣмъ Аристотель дѣлаетъ ссылку на Анаксимандра, то предполагаютъ, что и κυβερνᾶν изъ него же заимствовано.

[3]) Ibid. 5. 204. b. кон.: ἀδύνατον δ' εἶναι τοιοῦτον...... ὅτι οὐκ ἔστι τοιοῦτνο σῶμα αἰσθητὸν παρὰ τὰ στοιχεῖα καλούμενα· ἅπαντα γὰρ ἐξ οὗ ἐστί, καὶ διαλύεται εἰς τοῦτο, ὥστε ἦν ἂν ἐνταῦθα παρὰ ἀέρα καὶ πῦρ καὶ γῆν καὶ ὕδωρ· φαίνεται δ' οὐδέν.

стотеля, соединеніемъ стихій [1]), представлявшихъ собою и по его собственному взгляду противоположности; а всѣ предметы, называемые имъ равночастными, которые, будучи непосредственными соединеніями стихій, лежатъ въ основаніи другихъ соединеній [2]), имѣли къ тому же и однородныя, то-есть, слившіяся въ одну природу части. Пусть природа Анаксимандрова безконечнаго отличалась отъ нихъ, все же Аристотель, самъ признававшій бытіе вещей, заключающихъ въ себѣ и изъ себя выдѣляющихъ противоположности, не могъ ограничиться голословнымъ отрицаніемъ этой природы безъ всякихъ дальнѣйшихъ разъясненій ея отличія отъ массы признаваемаго имъ самимъ бытія, какъ это дѣлаетъ онъ въ Phys. III. 5. Здѣсь же далѣе противъ того же взгляда Аристотель замѣчаетъ, что все смѣняется изъ противоположнаго въ противоположное, напримѣръ, изъ теплаго въ холодное [3]). Опять это критическое замѣчаніе имѣетъ полную силу, если дѣло идетъ о взглядѣ, по которому холодное и теплое представляютъ чисто качественную перемѣну начала, какъ это долженъ былъ признавать философъ, принимавшій простое начало и слѣдовательно объяснявшій возникновеніе всего остальнаго бытія путемъ разрѣженія и сплотненія этого начала; противъ такого философа дѣйствительно съ правомъ можно было возражать, что предполагаемый имъ переходъ начала въ холодное или теплое не возможенъ, такъ какъ этотъ переходъ есть чисто качественная перемѣна, а такая перемѣна предполагаетъ уже въ измѣняющемся качество противоположное тому, въ которое оно переходитъ; но у Анаксимандра несомнѣнно по крайней мѣрѣ сущность процесса рожденія состояла не въ качественной перемѣнѣ начала, а въ выдѣленіи изъ него, а поэтому возраженіе проходило бы мимо самой существенной стороны дѣла. Въ виду всего этого едва ли можно сомнѣваться, что Аристотель въ разсматриваемомъ мѣстѣ имѣетъ въ виду иное, а не Анаксимандрово ученіе. Если же это такъ, то отсюда можно извлечь новое подтвержденіе той мысли, что Аристотель не смотрѣлъ на безконечное Анаксимандра какъ на простое бытіе, такъ какъ онъ ясно здѣсь къ ученіямъ, принимавшимъ простое безконечное, относитъ лишь два взгляда: одинъ, о которомъ сейчасъ шла у

[1]) Ibid. II. 8, нач.

[2]) Meteor. IV. 12, нач.

[3]) Phys. III. 5. 205. a. 4—7: ὁ δ' αὐτὸς λόγος καὶ ἐπὶ τοῦ ἑνός, οἷον ποιοῦσι παρὰ τὰ στοιχεῖα οἱ φυσικοί· πάντα γὰρ μεταβάλλει ἐξ ἐναντίου εἰς ἐναντίον, οἷον ἐξ θερμοῦ εἰς ψυχρόν.

насъ рѣчь, и другой, по которому безконечное отожествлялось съ одною изъ стихій.

Наконецъ, косвеннымъ подтвержденіемъ сдѣланнаго нами вывода о взглядѣ Аристотеля на природу Анаксимандрова безконечнаго служитъ отсутствіе всякаго намека на ученіе Анаксимандра при разборѣ Аристотелемъ мнѣній своихъ предшественниковъ о числѣ стихій въ De coel. III. 4—5. Послѣ рѣшенія вопроса, считать ли число стихій неограниченнымъ или ограниченнымъ, при чемъ изъ физиковъ упоминаются Эмпедоклъ, Анаксагоръ и атомисты (гл 4), Аристотель переходитъ къ вопросу, нужно ли признать одну только стихію или нѣсколько (гл. 5), и критически разбираетъ мнѣнія признававшихъ только одну стихію. Изъ физиковъ онъ говоритъ здѣсь исключительно о философахъ, объяснявшихъ происхожденіе остальнаго бытія изъ одной стихіи путемъ разрѣженія и уплотненія, ни однимъ словомъ не намекая, что существовали мыслители, объяснявшіе происхожденіе остальнаго бытія изъ единой стихіи путемъ выдѣленія. Они остаются такимъ образомъ не опровергнутыми, а между тѣмъ выводъ изъ обѣихъ главъ дѣлается общій и рѣшительный: ἐπεὶ δὲ οὔτε ἄπειρα οὔτε ἕν, πλείω ἀνάγκη εἶναι καὶ πεπερασμένα (то-есть, τὰ στοιχεῖα). Теоріи выдѣленія изъ всѣхъ, признававшихъ единое начало, училъ, сколько мы знаемъ, одинъ только Анаксимандръ. Если безконечное Анаксимандра было въ глазахъ Аристотеля бытіемъ составнымъ и равночастнымъ, то это неупоминаніе о немъ, когда рѣчь идетъ о философахъ, принимавшихъ одну изъ стихій, совершенно понятно. Терминъ „стихія" Аристотель въ общемъ его значеніи (а не въ отношеніи только къ тѣлесному бытію) очень точно опредѣлилъ и разъяснилъ на частныхъ примѣрахъ въ Метафизикѣ [1]. Стихіей, говорится здѣсь, называется то, что, будучи само не дѣлимо на разновидное, входитъ въ составъ другаго въ качествѣ первичнаго ингредіента. При своемъ употребленіи этого термина Аристотель, вообще говоря, придерживается смысла, даннаго ему въ Метафизикѣ, но при частомъ употребленіи его, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ важной роли не играетъ, какъ и естественно ожидать, не всегда вполнѣ строго выдерживается его значеніе. Однако, когда онъ приступаетъ къ специальному из-

[1]) V. 3. нач.: στοιχεῖον λέγεται, ἐξ οὗ σύγκειται πρώτου ἐνυπάρχοντος, ἀδιαιρέτου τῷ εἴδει εἰς ἕτερον εἶδος, οἷον φωνῆς στοιχεῖα, ἐξ ὧν σύγκειται ἡ φωνὴ καὶ εἰς ἃ διαιρεῖται ἔσχατα, ἐκεῖνα δὲ μηκέτ' εἰς ἄλλας φωνὰς ἑτέρας τῷ εἴδει αὐτῶν. ἀλλὰ κἂν διαιρῆται, τὰ μόρια ὁμοειδῆ, οἷον ὕδατος τὸ μόριον ὕδωρ, ἀλλ' οὐ τῆς συλλαβῆς.

слѣдованію о стихіяхъ тѣлъ въ De coel., онъ считаетъ необходимымъ прежде всего установить специальное понятіе о стихіяхъ тѣлъ, и здѣсь, совершенно согласно съ общимъ опредѣленіемъ стихіи въ Метафизикѣ, опредѣляетъ стихію въ тѣлахъ какъ то, на что разлагаются другія тѣла, какъ на существующее въ нихъ потенціально или актуально, но что само не можетъ дѣлиться на различное отъ себя по виду [1]). Ясно, что значеніе термина „стихія" тѣлъ въ этомъ случаѣ точно совпадаетъ съ тѣмъ значеніемъ, которое, какъ было сказано, онъ обычно усвояетъ термину простое тѣло въ отличіе отъ тѣла составнаго. Отсюда во всемъ этомъ разсужденіи о стихіяхъ термины στοιχεῖα и ἁπλᾶ σώματα замѣняютъ другъ друга [2]). Если же теперь для Анаксимандра его безконечное было способно разлагаться на отличное отъ него по виду бытіе, выдѣлять изъ себя разновидное, то совершенно понятно, что Аристотель не могъ отнести его къ физикамъ, учившимъ объ единой стихіи. Ученіе Анаксимандра было для него ученіемъ объ единомъ началѣ, объ единомъ субстратѣ, но не объ единой стихіи [3]). Руководясь точно установленнымъ понятіемъ о стихіи, онъ скорѣе могъ бы принять у Анаксимандра за стихіи то, что выдѣляется изъ его безконечнаго, и слѣдовательно, отнести его къ признающимъ много стихій вмѣстѣ съ Эмпедокломъ и Анаксагоромъ. Но по крайней мѣрѣ ясно и рѣшительно и этого онъ нигдѣ не дѣлаетъ, конечно, потому, что система Анаксимандра, очевидно, не знала ни процесса смѣшенія, предваряющаго единство, подобно системѣ Эмпедокла [4]), ни субстанціальности существующаго въ единомъ, какая предполагалась какъ у гомойомерій Анаксагора, такъ и у стихій Эмпедокла [5]), такъ что ему не на что было опе-

[1]) De coel. III. 3. 302. a. 14—18: τοῦτο (то-есть, разъясненіе вопросовъ о числѣ и пр. стихій) δ' ἔσται φανερὸν ὑποθεμένοις, τίς ἐστιν ἡ τοῦ στοιχείου φύσις. ἔστω δὴ στοιχεῖον τῶν σωμάτων εἰς ὃ τἆλλα σώματα διαιρεῖται ἐνυπάρχον δυνάμει ἢ ἐνεργείᾳ... αὐτὸ δ' ἐστὶν ἀδιαίρετον εἰς ἕτερα τῷ εἴδει.

[2]) Ibid., см. преимущественно конецъ третьей и начало четвертой главы.

[3]) Впослѣдствіи это тонкое различіе, имѣвшее къ тому же приложеніе изъ всѣхъ философовъ древняго міра къ одному только Анаксимандру, не наблюдалось.

[4]) Въ системѣ Эмпедокла на этотъ именно процессъ Аристотель указываетъ между прочимъ какъ на причину, по которой огонь, вода и проч. должны въ ней считаться στοιχειωδέστερα καὶ πρότερα τὴν φύσιν, чѣмъ единое: Gen. et corr. I. 1, кон.

[5]) Имѣя, конечно, въ виду эту субстанціальность смѣшаннаго, Аристотель возражаетъ противъ Анаксагора, Metaph. I. 7. 989 нач.: ἄμικτα δεῖν προϋπάρχειν.

рется для того, чтобы выдѣляемое изъ безконечнаго признать за болѣе первичное, чѣмъ само выдѣляющее, какъ требовало того строгое опредѣленіе стихіи въ Метафизикѣ. Однимъ словомъ, понятіе стихіи въ строгомъ и точномъ значеніи оказалось вовсе не приложимымъ къ системѣ Анаксимандра, такъ какъ здѣсь равночастное оказалось въ одно и то же время и не простымъ, ибо выдѣляло изъ себя иное, и не было результатомъ соединенія многихъ самостоятельныхъ реальностей, такъ какъ предваряющаго его процесса не предполагалось.

Первое и основное различіе въ толкованіяхъ взгляда Аристотеля на природу Анаксимандрова безконечнаго обыкновенно сводится къ дилеммѣ, смотрѣлъ ли Аристотель на него какъ на ἕν или какъ на μῖγμα. Но для Аристотеля эти два понятія не противорѣчатъ другъ другу: они могутъ быть приложены къ одному и тому же предмету. Настаивающіе на единствѣ Анаксимандрова безконечнаго въ дѣйствительности хотятъ не только единства, но и простоты, они хотятъ видѣть въ немъ такое же простое бытіе, какое признавали философы, державшіеся теоріи уплотненія и разрѣженія. И настаивающіе на смѣшеніи какъ основной чертѣ Анаксимандрова безконечнаго хотятъ неравночастнаго бытія, а чего-то подобнаго хаосу, хотятъ, чтобы со стороны множественности оно не отличалось отъ смѣшенія у Эмпедокла и Анаксагора. Противоположность единаго и смѣшенія на дѣлѣ въ этихъ спорахъ есть противоположность между единымъ и простымъ, съ одной стороны, и составнымъ и неравночастнымъ, съ другой. Но между этими крайними членами для Аристотеля есть средній членъ— составное и равночастное бытіе, съ которымъ именно и отожествляется въ его мысли Анаксимандрово безконечное. Отсюда неизбѣжное слѣдствіе: каждая изъ спорящихъ сторонъ можетъ наносить сильные удары противнику, но не можетъ защитить себя отъ столь же сильныхъ ударовъ съ его стороны. Аристотель дѣйствительно называетъ безконечное Анаксимандра единымъ, но никогда не называетъ и не можетъ называть его простымъ, тогда какъ къ началамъ философовъ, принимавшихъ теорію сплотненія и разрѣженія, онъ примѣняетъ понятіе простаго; онъ соединяетъ Анаксимандра съ принимавшими эту теорію, но въ такомъ случаѣ и для ихъ начала онъ довольствуется терминомъ „единое", которое тотчасъ же дополняется терминомъ „простое", какъ скоро они берутся въ отдѣльности. Точно также Аристотель никогда не называетъ начало Анаксимандра πολλά, тогда какъ къ веществу Анаксагора и Эмпедокла онъ постоянно примѣняетъ это понятіе; онъ соединяетъ вещество Анаксимандра съ веществомъ Анаксагора и Эмпедокла—но лишь тогда, когда сводитъ послѣднее къ понятію μῖγμα и ἕν; когда же этого нѣтъ, тогда вещество обоихъ послѣднихъ философовъ сопоставляется имъ не съ единымъ безконечнымъ Анаксимандра, а съ атомами Демокрита.

Точнѣйшее понятіе Аристотеля о природѣ Анаксимандрова безконечнаго.

Что же это за бытіе, природа котораго вполнѣ однородна, но которое тѣмъ не менѣе способно выдѣлять изъ себя разнородное и, слѣдовательно, представляется содержащимъ его какимъ-то образомъ въ себѣ? Однообразіе природы этого бытія не можетъ быть однообразіемъ одной изъ тѣхъ разнообразныхъ качественностей, которыя должны изъ нея выдѣляться, потому что въ такомъ случаѣ она оказалась бы совершенно чуждою другимъ качественностямъ, которыя однако должны предсуществовать въ ней; природа этого бытія должна быть, очевидно, одинаково близка къ каждой качественности, которая изъ нея должна выдѣлиться. Единственное представленіе, которое при извѣстномъ, конечно, складѣ мысли могло бы показаться отвѣчающимъ этому неизбѣжному требованію и въ то же время вызывать иллюзію бытія заразъ и однороднаго, и составнаго, есть представленіе о среднемъ, промежуточномъ между выдѣляемыми качественностями бытіи. Соединяя другъ съ другомъ извѣстныя противоположности, напримѣръ, холодное и теплое, мы получаемъ среднее между ними бытіе и отсюда естественно можетъ зарождаться представленіе вообще о среднемъ, между разнородными качественностями, бытіи, въ которомъ слиты въ одну природу эти качественности, и которое поэтому можетъ выдѣлять ихъ изъ себя или разлагаться на нихъ. Если Аристотель, который смотритъ на природу Анаксимандрова безконечнаго какъ на однородную и въ то же время содержащую въ себѣ разнородное, самъ убѣжденъ, что можетъ существовать однородное и составное бытіе, и что таково именно всякое бытіе среднее между противоположностями, то какъ мы удержимся отъ заключенія, что безконечное Анаксимандра было для него такого именно рода бытіемъ? И еслибы онъ захотѣлъ характеризовать природу этого безконечнаго по его отношенію къ тѣмъ изъ такъ называемыхъ стихій, которыя прежде всего изъ него выдѣлялись и которыя считались за начала другими философами, то не долженъ

ли онъ былъ бы характеризовать его, назвавъ его среднимъ между этими стихіями бытіемъ?

Аристотель, дѣйствительно, въ разныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій упоминаетъ о принимавшихъ среднее начало между стихіями, не называя по имени представителей этого ученія (какъ онъ впрочемъ обыкновенно поступаетъ и при упоминаніи о признававшихъ началами воду, воздухъ и проч). Комментаторы Аристотеля Александръ, Ѳемисцій, Филопонъ, Симплицій и Асклепій относили эти мѣста къ Анаксимандру. Высказанныя соображенія побуждаютъ, очевидно, и насъ искать въ нихъ указаній на безконечное этого мыслителя. Одинъ изъ выводовъ, сдѣланныхъ нами выше, даетъ еще и особенный къ этому поводъ. Мы видѣли, что простое начало, о которомъ Аристотель упоминаетъ въ Phys. III. 5. 204. b. 22—23, ни въ какомъ случаѣ не есть Анаксимандрово безконечное. Если теперь предположить, что и подъ упоминаемымъ нерѣдко Аристотелемъ тѣломъ среднимъ между стихіями никогда не подразумѣвается это безконечное, то окажется, что въ Аристотелевыхъ перечняхъ мнѣній его предшественниковъ, столь обычныхъ у него при обсужденіи всѣхъ важнѣйшихъ философскихъ вопросовъ, нѣтъ упоминаній о началѣ Анаксимандра, кромѣ вышеприведенныхъ двухъ случаевъ въ Phys. I. 4. и Metaph. XII. 2. Но если взять во вниманіе, что Аристотель, очевидно, стремится въ этихъ перечняхъ сжато обнять всѣ важнѣйшія ученія древности по тому или иному вопросу, имъ обсуждаемому, и что онъ несомнѣнно ставитъ Анаксимандра никакъ не ниже другихъ мыслителей древности, то сдѣланное предположеніе окажется совершенно невѣроятнымъ.

Однако этотъ вопросъ сложнѣе, чѣмъ это могло бы показаться на первый взглядъ. Мы сказали, что только среднее начало допускало иллюзію однородности и въ то же время составности, и примѣръ самого Аристотеля показываетъ, что эта иллюзія была даже естественна для древняго міра. Но неизбѣжною все же она, конечно, не была. И въ древнемъ мірѣ могли быть философы, которые среднее по качественностямъ тѣло могли представлять столь же простымъ, какъ и тѣла, отличающіяся противоположными качественностями. Съ другой стороны и придти къ мысли, что начало всего есть среднее между стихіями вещество, могъ тотъ или другой философъ и не потому только, что искалъ бы въ первоначальномъ бытіи вещество въ одно и то же время и однородное и составное, но и по другимъ причинамъ. Когда Аристотель извѣщаетъ насъ, что существовали

философы, принимавшіе простое, особое отъ стихій начало на томъ основаніи, что безконечная стихія вслѣдствіе своей противоположности другимъ стихіямъ не допустила бы существованія послѣднихъ, то какъ иначе можемъ мы представить себѣ это простое начало, которое должно быть чуждо противоположностей стихій, если не среднимъ или промежуточнымъ между стихіями веществомъ? И какъ Аристотель могъ бы характеризовать его по его отношенію къ стихіямъ, если опять не терминомъ промежуточнаго между ними тѣла? Отсюда естественно возникаетъ недоумѣніе: что̀ же именно мы должны разумѣть подъ среднимъ между стихіями веществомъ, о которомъ не разъ упоминаетъ Аристотель, безконечное ли Анаксимандра или начало простое неизвѣстнаго намъ мыслителя? Руководящей нити для выхода изъ этого затрудненія при очевидной спутанности представленія дѣла у комментаторовъ, не различающихъ тѣла простаго и сложнаго, намъ, очевидно, остается искать только у самого же Аристотеля. Аристотель, дѣйствительно, даетъ эту нить, только она оказывается у него такъ разнообразно переплетенною, что расплесть ее можно не безъ труда и не иначе, какъ съ помощью понятій, уже нами выше установленныхъ.

Начнемъ съ того, что Аристотель упоминаетъ о двухъ среднихъ между стихіями началахъ, о среднемъ между огнемъ и воздухомъ и среднемъ между воздухомъ и водою, называя ихъ или просто среднимъ (τὸ μέσον, τὸ μεταξύ) между поименованными стихіями или точнѣе—тончайшимъ одной изъ нихъ и плотнѣйшимъ другой [1]). Употребленіе въ отношеніи къ обоимъ этимъ началамъ однихъ и тѣхъ же общихъ терминовъ τὸ μέσον, τὸ μεταξύ, а равно также упоминаніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ о нихъ обоихъ вмѣстѣ (иногда въ раздѣльной дисъюнктивной формѣ, иногда въ формѣ менѣе опредѣленной, слитной), несомнѣнно показываютъ, какъ этого, конечно, и слѣдуетъ ожидать, что Аристотель видитъ нѣкоторое сродство между взглядами философовъ, признававшихъ то и другое изъ этихъ среднихи началъ. Однако эти два взгляда, очевидно, и не считаются имъ близнецами: встрѣчаются случаи, гдѣ, упоминая объ одномъ изъ нихъ, онъ по какой-то причинѣ не считаетъ нужнымъ упомянуть о другомъ; и не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что предпочтеніе, которое въ этихъ случаяхъ дѣлаетъ Аристотель одному какому-нибудь изъ этихъ взглядовъ, упоминая лишь о немъ, совсѣмъ нельзя объяснить изъ той

[1]) Цитаты будутъ приведены ниже.

черты, какою по этому взгляду непосредственно характеризуется вещество, напримѣръ, какъ среднее между огнемъ и воздухомъ, а не какъ среднее между воздухомъ и водою. Отсюда въ виду разъясненной выше возможности двоякаго взгляда на среднее, или какъ на вещество простое, или какъ на вещество составное, естественно возникаетъ вопросъ: не соединялось ли фактически въ системахъ древняго міра это послѣднее болѣе глубокое различіе во взглядѣ на среднее начало съ первымъ менѣе значительнымъ различіемъ въ пониманіи средняго какъ промежуточнаго вещества то между огнемъ и воздухомъ, то между воздухомъ и водою? [2])

Несомнѣнно, что Аристотель не могъ считать безконечное Ана-

[2]) Ноторпъ. *Philos. Monatsh.* B. 20. H. 6 — 7. 379 — 380, думаетъ, что уже самая характеристика средняго начала, какъ тончайшаго одной и плотнѣйшаго другой стихіи, исключаетъ всякую возможность предполагать иное объясненіе происхожденія изъ него остальнаго бытія, кромѣ объясненія при помощи теоріи уплотненія и разрѣженія. Однако у Аристотеля можно замѣтить нѣкоторое различіе терминовъ, обозначающихъ способъ происхожденія бытія у философовъ, признававшихъ простое начало, отъ терминовъ, характеризующихъ оба среднія начала: первые у него всегда μανότης καὶ πυκνότης, вторые всегда λεπτότερον καὶ πυκνότερον (однажды παχύτερον). Это различіе имъ послѣдовательно проводится, не смотря на то, что въ De coel. III. 5. 303. b. 22 — 25, о признающихъ теорію уплотненія и разрѣженія онъ говоритъ: ἔτι δὲ τὸ μὲν πυκνότητι καὶ μανότητι τἆλλα γεννᾶν οὐδὲν διαφέρει ἢ λεπτότητι καὶ παχύτητι· τὸ μὲν γὰρ λεπτὸν μανόν, τὸ δὲ παχὺ βούλονται εἶναι πυκνόν, и не смотря также на то, что когда онъ хочетъ прямо по этому способу происхожденія характеризовать вообще какое бы то ни было ученіе о началѣ, лишь бы соединялась съ нимъ эта теорія, онъ употребляетъ (см., напримѣръ, Phys. I. 6. нач. и кон.) термины μανὸν καὶ πυκνόν. Дѣло въ томъ, что разрѣженность и уплотненность (какъ понятіе противоположное разрѣженности) суть различные способы распространенія извѣстной массы вещества въ пространствѣ, а тонкость и плотность (какъ понятіе противоположное тонкости), правда, могутъ считаться результатомъ этого способа распространенія вещества, но могутъ разсматриваться и какъ такія первичныя качественности извѣстныхъ веществъ, которыя нельзя получить путемъ разрѣженія и уплотненія одного и того же вещества и которыя поэтому должны предсуществовать уже въ первоосновании на ряду съ другими качественностями. Различіе огня по тонкости, напримѣръ, отъ воды Анаксимандръ, конечно, такъ же мало могъ отрицать, какъ различіе его отъ нея по теплотѣ, но это также мало мѣшало ему вѣрить, что тонкое и плотное (въ смыслѣ контраста тонкому) нельзя получить путемъ уплотненія и разрѣженія того же вещества, какъ нельзя получить тапого и холоднаго. Мнѣніе Ноторпа, мнѣ кажется, вызвано собкимъ путемъ теплаго и холоднаго. Мнѣніе Ноторпа, мнѣ кажется, вызвано собственно неясностью на первый взглядъ того, почему начало характеризуется какъ среднее именно между тонкимъ и плотнымъ. Но это уже другой вопросъ, оторый разъяснится далѣе самъ собою.

ксимандра за упоминаемое имъ среднее начало между воздухомъ и водою. Ссылка на это среднее начало является у него какъ разъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ говоритъ онъ о простыхъ началахъ или гдѣ ученіе о происхожденіи остальнаго бытія ставится въ очевидную связь съ теоріей разрѣженія и уплотненія. Такъ въ De coel. при разсужденіи о стихіяхъ, которому, какъ сказано выше, предпослано точное опредѣленіе стихіи тѣла, и въ которомъ понятіе о стихіи ясно отожествляется съ понятіемъ простаго тѣла, къ признающимъ одну стихію отнесены, кромѣ признающихъ одну изъ извѣстныхъ четырехъ стихій, также представители ученія о среднемъ началѣ между воздухомъ и водою, и взгляды всѣхъ этихъ философовъ критически обсуждаются въ связи съ теоріей разрѣженія и уплотненія [1]). Нѣчто, вполнѣ соотвѣтствующее этому, встрѣчаемъ въ Metaph. I. 8. Аристотель начинаетъ эту главу возраженіями противъ философовъ, которыхъ характеризуетъ очень обще, такъ что характеристика приложима ко всѣмъ признающимъ одно начало, будетъ ли то простое или составное, но одновидное: ὅσοι... ἕν τε τὸ πᾶν καὶ μίαν τινὰ φύσιν ὡς ὕλην τιθέασιν, и хотя тотчасъ же о нихъ говорится, что они τῶν γὰρ σωμάτων τὰ στοιχεῖα τιθέασι μόνον, τῶν δ' ἀσωμάτων οὔ, однако характеръ самаго возраженія, одинаково приложимаго ко всѣмъ физикамъ монистамъ, не исключаетъ возможности предполагать, что терминъ στοιχεῖα употребленъ здѣсь въ менѣе точномъ значеніи. Но вслѣдъ за тѣмъ слѣдуетъ упрекъ, который Аристотель развиваетъ подробно и при которомъ онъ самъ ясно говоритъ, что имѣетъ въ виду именно признающихъ простыя тѣла, и сначала даже ограничиваетъ свои возраженія философами, признававшими одну изъ четырехъ стихій [2]). Возраженіе, которое здѣсь дѣлается противъ нихъ, затрогиваетъ ихъ ученіе о происхожденіи бытія; хотя теорія сжатія и расширенія здѣсь прямо не называется, но указаніе на признававшихъ одну изъ стихій, характеристика взгляда на происхожденіе другихъ стихій изъ начала [3]), наконецъ самое возраженіе, по существу то-

[1]) De coel. III. 5. нач.: ἐπεὶ δ' ἀνάγκη πεπεράνθαι τὰ στοιχεῖα, λοιπὸν σκέψασθαι πότερον πλείω ἔσται ἢ ἕν. ἔνιοι γὰρ ἓν μόνον ὑποτίθενται, καὶ τοῦτο οἱ μὲν ὕδωρ, οἱ δ' ἀέρα, οἱ δὲ πῦρ, οἱ δ' ὕδατος μὲν λεπτότερον αέρος δὲ πυκνότερον.... ὅσοι μὲν οὖν τὸ ἓν τοῦτο ποιοῦσιν ὕδωρ ἢ ἀέρα ἢ ὕδατος μὲν λεπτότερον ἀέρος δὲ πυκνότερον, εἶτ' ἐκ τούτου πυκνότητι καὶ μανότητι τἆλλα γεννῶσιν, οὗτοι λανθάνουσιν αὑτοὶ αὑτούς κτλ.

[2]) Metaph. I. 8. 988. b. 29—32: καὶ πρὸς τούτοις τὸ ῥαδίως τῶν ἁπλῶν σωμάτων λέγειν ἀρχὴν ὁτιοῦν πλὴν γῆς... λέγω δὲ πῦρ καὶ ὕδωρ καὶ γῆν καὶ ἀέρα.

[3]) Ibid. 30—31: οὐκ ἐπισκεψάμενοι τὴν ἐξ ἀλλήλων (то-есть, простыхъ тѣлъ) γένεσιν πῶς ποιοῦνται... τὰ μὲν γὰρ συγκρίσει, τὰ δὲ διακρίσει ἐξ ἀλλήλων γίγνεται.

жественное съ тѣмъ, которое дѣлается въ De coel. III. 5 противъ этой теоріи, все это слишкомъ ясно говоритъ, что дѣло идетъ объ этой именно теоріи. Закончивъ разъясненіе возраженія, Аристотель прибавляетъ, что оно относится не только къ признающимъ одну изъ четырехъ стихій, но и къ тому, кто признавалъ бы начало болѣе плотное, чѣмъ воздухъ, и болѣе тонкое, чѣмъ вода [1]). Такимъ образомъ и здѣсь при разсужденіи о признающихъ единое простое начало, при возраженіи, имѣющемъ въ виду теорію разрѣженія и уплотненія, упоминаются считавшіе началомъ вещество среднее между воздухомъ и водою. Въ Phys. III. 5 при возраженіяхъ противъ существованія безконечнаго тѣла, какъ мы видѣли, признающіе безконечное простое тѣло дѣлились на допускающихъ безконечность одной изъ четырехъ стихій и на принимающихъ нѣкоторое безконечное тѣло сверхъ стихій, которое не должно имѣть противоположностей, отличающихъ стихіи. Въ обоихъ мѣстахъ, о которыхъ у насъ сейчасъ шла рѣчь, De coel. III. 5, и Metaph. I. 8, къ говорящимъ о простомъ началѣ причисляются, кромѣ считающихъ за начало одну изъ четырехъ стихій, признающіе началомъ вещество среднее между воздухомъ и водою. Отсюда ясно, какое именно простое начало, сверхъ четырехъ стихій, чуждое ихъ противоположностей разумѣлъ Аристотель въ Phys. III. 5. Есть еще упоминаніе также о среднемъ только между воздухомъ и водою. Оно дѣлается въ той же Phys. III. 5 при критикѣ безконечнаго ἀνόμοιον, то-есть, составнаго изъ простыхъ тѣлъ не слившихся въ одну природу. Здѣсь Аристотель между прочимъ высказываетъ (какъ и противъ σύνθετον) ту мысль, что, если число частей различныхъ по виду въ такомъ безконечномъ будетъ ограниченное, то какія-либо изъ этихъ частей должны быть безконечны, чтобы цѣлое было безконечно; но въ такомъ случаѣ безконечное уничтожитъ противоположное себѣ. Для поясненія этой мысли Аристотель здѣсь говоритъ: „потому-то никто изъ физиковъ не принималъ единаго безконечнаго за огонь или землю, а за воздухъ или воду, или среднее между ними“, такъ какъ только послѣднія могутъ одинаково находиться и вверху, и внизу [2]); то-есть, онъ хочетъ сказать, что тотъ,

[1]) Ibid. 989. a. 12—15: κατὰ μὲν οὖν τοῦτον τὸν λόγον οὔτ' εἴ τις τούτων (то-есть, изъ четырехъ стихій) τι λέγει πλὴν πυρός, οὔτ' εἴ τις ἀέρος μὲν πυκνότερον τοῦτο τίθησιν ὕδατος δὲ λεπτότερον, οὐκ ὀρθῶς ἂν λέγοι.

[2]) Phys. III. 5. 205. a. 25—29: καὶ διὰ τοῦτ' οὐθεὶς τὸ ἓν καὶ ἄπειρον πῦρ ἐποίησεν οὐδὲ γῆν τῶν φυσιολόγων, ἀλλ' ἢ ὕδωρ ἢ ἀέρα ἢ τὸ μέσον αὐτῶν, ὅτι τόπος ἑκατέρου δῆλος ἦν διωρισμένος, ταῦτα δ' ἐπαμφοτερίζει τῷ ἄνω καὶ κάτω.

кто захотѣлъ бы изъ нѣсколькихъ составныхъ частей разновиднаго безконечнаго признать какую-нибудь часть безконечною, не долженъ забывать, чего не забывали физики, признававшіе одну стихію, именно— что безконечная стихія должна владѣть способностью занять всѣ мѣста, а поэтому говорить о другихъ составныхъ частяхъ того же безконечнаго будетъ уже, очевидно, не возможно. Хотя, указывая здѣсь на примѣръ физиковъ-монистовъ, Аристотель прямо и не говоритъ, что имѣетъ въ виду лишь тѣхъ изъ нихъ, которые признавали простое начало, и, слѣдовательно, это мѣсто прямымъ доказательствомъ простоты начала средняго между воздухомъ и водою служить не можетъ, однако возраженіе Аристотеля направлено здѣсь противъ разновиднаго безконечнаго, части котораго остаются простыми, и рѣчь идетъ о безконечности какой-либо изъ этихъ простыхъ частей, а поэтому не только не будетъ противорѣчить общему смыслу Аристотелевой рѣчи, но и будетъ наиболѣе согласно съ нимъ предположеніе, что и при примѣрѣ, взятомъ для разъясненія возраженія, имѣются въ виду также признающіе простое безконечное.

По видимому, въ важнѣйшемъ свидѣтельствѣ Аристотеля объ Анаксимандрѣ, Phys. I, 4, содержится ясное и рѣшительное доказательство невозможности отожествлять безконечное Анаксимандра и съ веществомъ среднимъ между огнемъ и воздухомъ. Тамъ говорится: οἱ μὲν ἓν ποιήσαντες τὸ ὂν σῶμα τὸ ὑποκείμενον, ἢ τῶν τριῶν τι ἢ ἄλλο, ὅ ἐστι πυρὸς μὲν πυκνότερον, ἀέρος δὲ λεπτότερον, τἆλλα γεννῶσι πυκνότητι . . . . οἱ δὲ ἐκ τοῦ ἑνὸς ἐνούσας τὰς ἐναντιότητας ἐκκρίνεσθαι, ὥσπερ Ἀναξίμανδρός φησι; то-есть, признававшіе среднее между огнемъ и воздухомъ начало, по видимому, прямо и ясно противополагаются Анаксимандру. Однако уже комментаторы Аристотеля давали такое толкованіе этому мѣсту, при которомъ не только не отрицается, но прямо предполагается возможность отожествить безконечное Анаксимандра съ веществомъ среднимъ между огнемъ и воздухомъ. Изъ толкованія Филопона совершенно ясно, что онъ смотритъ на слова ἓν ποιήσαντες τὸ ὂν . . . . λεπτότερον какъ на общую характеристику обѣихъ группъ, въ которую вошли въ дисъюнктивной формѣ и частныя характеристики каждой изъ нихъ, то-есть, по его мнѣнію, это мѣсто имѣетъ такой смыслъ: изъ признающихъ существующее за единое тѣло въ смыслѣ субстрата и именно или за одну изъ трехъ стихій, или за иное болѣе плотное, чѣмъ огонь, и болѣе тонкое, чѣмъ воздухъ, одни остальное рождаютъ и т. д. [1]). При комментаріѣ къ

[1]) Philop. in Arist. Phys. ed. *Vitelli*. 1887 — 1888. 90. 27 — 91. 2: οὕτως

этому же мѣсту Симплицій замѣчаетъ, что одни изъ физиковъ признаютъ единое, другіе многое, и что признающимъ единое, по словамъ Аристотеля, принадлежатъ два способа порожденія изъ него существующаго, именно: всѣ они принимаютъ это единое за нѣчто тѣлесное, но одни принимаютъ его за какую-нибудь одну изъ трехъ стихій, нѣкоторые же—за нѣчто отличное отъ послѣднихъ, плотнѣйшее огня и тончайшее воздуха [1]). Неугэузеръ [2]) совершенно справедливо указываетъ на эти слова Симплиція какъ на доказательство того, что Симплицій на ἓν ποιήσαντες τὸ ὂν . . . . λεπτότερον смотритъ какъ на общее опредѣленіе обѣихъ группъ физиковъ. Подъ признающими многое Симплицій, несомнѣнно, разумѣетъ здѣсь тѣхъ, кого далѣе Аристотель называетъ ὅσοι ἓν καὶ πολλά φασιν εἶναι, слѣдовательно, къ признающимъ ἓν относитъ и Анаксимандра; всѣхъ признающихъ единое онъ дѣлитъ затѣмъ на принимающихъ одну изъ трехъ стихій и принимающихъ начало среднее между огнемъ и воздухомъ, слѣдовательно, это дѣленіе относится не къ первой только группѣ, но къ обѣимъ. Но то же еще опредѣленнѣе и яснѣе высказываетъ Симплицій при комментаріѣ къ самому началу Аристотелева изслѣдованія о числѣ началъ; здѣсь онъ, несомнѣнно, какъ показываютъ самыя его слова, имѣетъ въ виду то мѣсто Аристотеля, съ которымъ теперь мы имѣемъ дѣло; указывая на это именно мѣсто, онъ разъясняетъ, что Аристотель здѣсь физиковъ дѣлитъ на признающихъ или единое, или единое и многое, и тотчасъ же единое прямо называетъ или одною изъ трехъ стихій, или среднимъ [3]).

οὖν ὑπερβιβαστέον τὴν λέξιν (то-есть, этого Аристотелева мѣста) ὡς δὲ οἱ φυσικοὶ λέγουσι, δύο τρόποι εἰσίν· ἓν γὰρ ποιήσαντες τὸ ὂν σῶμα τὸ ὑποκείμενον καὶ τὰ ἑξῆς, τὰ ἄλλα γεννῶσιν, οἱ μὲν πυκνότητι καὶ μανότητι, οἱ δὲ ἐκ τοῦ ἑνὸς ἐνούσας τὰς ἐναντιότητας ἐκκρίνεσθαι λέγουσιν.

[1]) Simpl. in Arist. Phys. 149. 3—10: καὶ γὰρ τῶν φυσικῶν οἱ μὲν ἕν, οἱ δὲ πολλὰ λέγουσιν. καὶ τῶν ἓν λεγόντων δύο τρόπους εἶναί φησι (’Αριστοτέλης) τῆς ἐκ τούτου τῶν ὄντων γενέσεως· πάντες μὲν γὰρ σωματικόν τι τὸ ἓν ὑποτίθενται τοῦτο, ἀλλ’ οἱ μὲν ἕν τι τῶν τριῶν στοιχείων . . . . . τινὲς δὲ ἄλλο τι τῶν τριῶν ὑπέθεντο ὅ ἐστι πυρὸς μὲν πυκνότερον, ἀέρος δὲ λεπτότερον.

[2]) *Neuh.* Anax. M. 181—182.

[3]) Simpl. in Phys. 22. 3—7: ἰστέον δὲ ὅτι προελθὼν (то-есть, Аристотель) ἐν τοῖς πρὸς αὐτοὺς λόγοις μετὰ τὸ πρὸς Μέλισσον καὶ Παρμενίδην ἀντειπεῖν τοὺς φυσικοὺς καλουμένους προχειρισάμενος (таково именно положеніе разъясняемаго теперь Аристотелева мѣста) οὕτως διεῖλεν· ἢ ἓν τὸ ὂν λέγουσιν ἤτοι τὸ στοιχεῖον, ἢ ἓν καὶ πολλά. ἓν μέν, εἰ τῶν τριῶν τι στοιχείων ἢ τὸ μεταξύ, ἓν δὲ καὶ πολλά, ὡς ’Αναξαγόρας καὶ ’Εμπεδοκλῆς. Шлейермахеръ, Ueb. Anax. 180—181, и слѣдовавшіе за нимъ ученые не останавливали вниманіе на этихъ и вышеприведен-

Толкованія на это мѣсто Александра мы не имѣемъ; но мы знаемъ, что Александръ смотрѣлъ на безконечное Анаксимандра какъ на τὸ μεταξύ, и Симплицій тутъ же при своемъ толкованіи говоритъ объ этомъ взглядѣ Александра; и хотя онъ прямо о толкованіи Александромъ

ныхъ словахъ Симплиція, но имѣя въ виду кратко и очень неопредѣленно выраженное возраженіе, которое дѣлаетъ Симплицій противъ Порфиріева толкованія словъ Аристотеля, очевидно, предполагали, что онъ слова ἓν ποιήσαντες τὸ ὂν κτλ. относитъ исключительно къ первой группѣ. Симплицій, возражая противъ Порфирія, говоритъ, ibid. 149. 18—27: αὐτοφυέστερον δέ μοι δοκεῖ κατὰ τὴν λέξιν (то-есть, Аристотелевой рѣчи) μὴ ὡς ἀντιδιῃρημένου τοῦ σώματος πρὸς τὰ στοιχεῖα καὶ τὸ μεταξὺ ἀκούειν (то-есть, какъ толковалъ Порфирій), ἀλλ’ ὡς διῃρημένου μᾶλλον εἴς τε τά τρία καὶ τὸ μεταξύ· σῶμα γὰρ τὸ ὑποκείμενόν φησιν (’Αριστοτέλης) ἢ τῶν τριῶν τι ἢ ἄλλο ὅ ἐστι πυρὸς μεν πυκνότερον ἀέρος δὲ λεπτότερον, καὶ μέντοι κοινῶς περὶ τῶν προειρημένων ἐπήγαγεν, ὅτι τὰ ἄλλα γεννῶσι μανότητι καὶ πυκνότητι, καίτοι τοῦ ’Αναξιμάνδρου, ὡς αὐτός φησι, μὴ οὕτως γεννῶντος, ἀλλὰ κατὰ ἔκκρισιν τὴν ἀπὸ τοῦ ἀπείρου. πῶς οὖν εἰ τοῦτον ἔλεγεν, εἶναι τὸν σῶμα ἀδιορίστως ὑποθέμενον κοινῶς ἐπήγαγε τὴν κατὰ ἀλλοίωσιν γένεσιν; понимая подъ οἱ προειρημένοι всѣхъ въ совокупности ἓν ποιήσαντες и видя, что Симплицій къ нимъ всѣмъ относитъ предикатъ первой группы, теорію разрѣженія и уплотненія, естественно полагали, что онъ на ἓν ποιήσαντες κτλ. смотритъ какъ на характеристическое опредѣленіе этой группы въ ея отличіи отъ группы второй. Но при этомъ ученые, такъ думавшіе, вынуждены были смотрѣть на это возраженіе Симплиція противъ Порфирія какъ на логически безсвязное и противорѣчивое. Въ самомъ дѣлѣ изъ того, что Аристотель всѣмъ признававшимъ единое за одно изъ *опредѣленно обозначаемыхъ* тѣлъ, то-есть, за одну изъ стихій или за среднее между ними приписываетъ теорію разрѣженія и уплотненія, а Анаксимандру усвояетъ не эту, а другую теорію — выдѣленія, никакъ не будетъ слѣдовать, что Анаксимандръ не могъ признавать единое за тѣло, оставленное безъ опредѣленія, какъ думалъ Порфирій. Прямо на оборотъ отсюда будетъ слѣдовать ошибочность взгляда самого Симплиція, отожествлявшаго безконечное Анаксимандра съ веществомъ среднимъ между стихіями. Ясно, что слова Симплиція потеряютъ при такомъ пониманіи ихъ всякій логическій смыслъ. Первую часть возраженія Симплиція, по моему мнѣнію, правильно разъясняетъ Нейгэузеръ (Anax. M. 181—182). Симплицій и Порфирій, думаетъ онъ, одинаково смотрѣли на ἓν ποιήσαντες κτλ. какъ на общее опредѣленіе обѣихъ группъ, соединенное съ двухчленною дисъюнкціей и различались лишь тѣмъ, что, по Симплицію, членами этой дисъюнкціи были τῶν τριῶν τι и ἄλλο τι πυρὸς πυκνότερον κτλ., а по Порфирію—оба эти понятія относились ко второму члену дисъюнкціи, представляя собою два его вида, а первымъ членомъ ея было σῶμα τὸ ὑποκείμενον. Противъ этого взгляда Симплицій въ первой части возраженія замѣчаетъ, что текстъ Аристотелевой рѣчи не говоритъ въ пользу Порфиріева толконанія, а вызываетъ мысль о раздѣленіи на τῶν τριῶν τι и ἄλλο. Что же касается второй части возраженія, то можетъ быть, ее можно истолковать слѣдующимъ образомъ: Симплицій обращаетъ здѣсь вниманіе на самую послѣдовательность, въ которой

словъ Аристотеля не упоминаетъ, но, если имѣть въ виду, что онъ обыкновенно даже въ менѣе значительныхъ случаяхъ очень охотно заявляетъ о разностяхъ своихъ толкованій отъ Александровыхъ, и что отожествленіе безконечнаго Анаксимандра съ τὸ μεταξύ можетъ быть соглашено съ словами Аристотеля только при отнесеніи ἓν ποιήσαντες κτλ. къ обѣимъ группамъ физиковъ, то необходимо прійдти къ заключенію, что и Александръ держался того же толкованія. Это согласіе комментаторовъ [1]) имѣетъ свое значеніе: оно доказываетъ, что для греческихъ писателей подобное толкованіе текста Аристотелевой рѣчи не казалось невозможнымъ. Въ самыхъ словахъ Аристотеля можно найти даже основаніе для того, чтобы на ἓν ποιήσαντες τὸ ὂν κτλ. смотрѣть какъ на общее опредѣленіе обѣихъ группъ физиковъ. Нейгэузеръ [2]) справедливо ставитъ на видъ, что въ противномъ случаѣ οἱ δέ, то-есть, вторая группа, останется безъ всякаго опредѣленія, и для читателя будетъ совершенно неизвѣстно, въ чемъ именно состоитъ ея отличіе отъ первой. Съ другой стороны—не подлежитъ сомнѣнію и большинствомъ ученыхъ признается, что Анаксимандрово безконечное разсматривается здѣсь Аристотелемъ какъ единое тѣло, и что оно не менѣе, чѣмъ вещество другихъ древнихъ физиковъ,

---

высказаны Аристотелемъ члены дисъюнкціи. При его толкованіи словъ Аристотеля Анаксимандръ долженъ относиться къ послѣднему ея члену (ἄλλο), при толкованіи Порфирія—къ первому (σῶμα τὸ ὑποκείμενον). Такъ какъ онъ увѣренъ, что послѣдовательность членовъ дисъюнкціи должна соотвѣтствовать послѣдовательности группъ οἱ μὲν и οἱ δέ, а Анаксимандръ отнесенъ Аристотелемъ къ послѣдней, а не къ первой, которой приписана теорія разрѣженія и уплотненія, то онъ естественно замѣчаетъ противъ Порфирія, что Аристотель тѣмъ изъ принимающихъ единство принципа, которыхъ онъ въ своей рѣчи поставилъ впереди (περὶ τῶν προειρημένων, въ подобномъ же значеніи προειπεῖν употребляетъ, напримѣръ, Аристотель, въ Rhet II, 21, 1394, b, 31), всѣмъ въ совокупности (κοινῶς, сличи Simpl. 150, 1—2, гдѣ Симплицій, при болѣе подробномъ разъясненіи первой группы, замѣчаетъ противъ Θеофраста, относившаго теорію разрѣженія и уплотненія къ одному Анаксимандру: δῆλον δὲ ὡς καὶ οἱ ἄλλοι τῇ μανότητι καὶ πυκνότητι ἐχρῶντο. καὶ γὰρ Ἀριστοτέλης περὶ πάντων τούτων εἶπε κοινῶς, ὅτι τὰ ἄλλα γεννῶσι πυκνότητι κτλ.) усвояетъ теорію разрѣженія и уплотненія, тогда какъ Анаксимандру усвояетъ ἔκκρισιν, а поэтому безконечное Анаксимандра не можетъ подразумѣваться подъ σῶμα τὸ ὑποκείμενον, оставленное безъ дальнѣйшихъ опредѣленій, то-есть, подъ предполагаемый у Порфирія первый членъ дисъюнкціи.

[1]) Изъ вышеприведенныхъ словъ Симплиція видно, что, по крайней мѣрѣ какъ понималъ Симплицій Порфирія, Порфирій въ этомъ отношеніи не отличался отъ другихъ комментаторовъ, а только иначе толковалъ самое раздѣленіе физиковъ на группы.

[2]) *Neuh.* Anax. M. 168.

имѣло право быть толкуемо въ смыслѣ субстрата [1]). Но отсюда слѣдуетъ, что по крайней мѣрѣ слова ἓν ποιήσαντες τὸ ὂν σῶμα τὸ ὑποκείμενον должны были пониматься Аристотелемъ какъ относящіяся одинаково къ обѣимъ группамъ. Если же это такъ, то и непосредственно слѣдующая за ними дисъюнкція ἢ τῶν τριῶν τι ἢ ἄλλο κτλ. въ такомъ случаѣ скорѣе будетъ имѣть смыслъ общаго дѣленія родоваго понятія, чѣмъ указанія на виды одной изъ группъ, къ нему относящихся. Руководствуясь толкованіемъ, которое выше дано было нами этому мѣсту въ цѣломъ его видѣ, мы, какъ кажется, можемъ даже понять, по какой причинѣ Аристотель допустилъ это во всякомъ случаѣ необычное соединеніе общаго опредѣленія съ первымъ изъ его видовъ, а не предпослалъ его ихъ перечисленію. Сказавъ, что есть два способа разсужденій физиковъ, и начиная тотчасъ за тѣмъ свою рѣчь словомъ οἱ μέν, онъ этимъ очень ясно даетъ понять, что эти два способа совпадаютъ съ οἱ μὲν и οἱ δέ, то-есть, съ двумя группами древнѣйшихъ физиковъ, и что слѣдующіе за тѣмъ ὅσοι ἓν καὶ πολλά φασι εἶναι присоединяются ко второй группѣ, такъ что общее дѣленіе физиковъ не перестаетъ отъ этого строго соотвѣтствовать дѣленію физиковъ древнѣйшихъ. Еслибы слову οἱ μέν предпослано было общее опредѣленіе обѣихъ группъ древнѣйшихъ физиковъ, потребовалось бы особое разъясненіе, что δύο τρόποι разсужденій физиковъ означаютъ не взгляды всѣхъ древнихъ монистовъ, съ одной стороны, и взгляды признающихъ единое и многое—съ другой, а соотвѣтствуютъ именно дѣленію монистовъ, къ одной части которыхъ примыкаютъ и непослѣдовательные плюралисты. Однимъ словомъ, выразить мысль, которую хочетъ высказать Аристотель, въ такой сжатой формѣ, въ какой она высказана имъ, нельзя было иначе, какъ начавъ съ οἱ μέν, и слѣдовательно, отнесши общее опредѣленіе обѣихъ группъ къ одной изъ нихъ. Но если на ἓν ποιήσαντες κτλ. смотрѣть какъ на общее опредѣленіе обѣихъ группъ, а на дисъюнкцію, съ нимъ соединенную, какъ на перечисленіе видовъ вещества, которые у представителей обѣихъ группъ имѣли значеніе субстрата, то несомнѣнно, что это свидѣтельство Аристотеля не только не будетъ противорѣчить отожествленію безконечнаго Анаксимандра съ среднимъ между огнемъ и воздухомъ веществомъ, но прямо будетъ вызывать мысль объ этомъ тожествѣ. Въ пользу этой же мысли, мнѣ кажется, рѣшительно говорятъ три слѣдующія основанія.

---

[1]) Это слѣдуетъ уже изъ отнесеннаго здѣсь къ нему: ἐκ ἑνὸς ἐκκρίνεσθαι.

1) Мы уже видѣли, что въ тѣхъ двухъ случаяхъ, De coel. III. 5 и Metaph. I. 8, гдѣ ясно идетъ дѣло или о простыхъ тѣлахъ, или о стихіяхъ въ точномъ Аристотелевомъ значеніи этого слова и гдѣ или столь же ясно, или implicite ведется полемика противъ теоріи разрѣженія и уплотненія, упоминаются признающіе среднее вещество между воздухомъ и водою. Въ обоихъ этихъ случаяхъ упоминанія о признающихъ среднее между огнемъ и воздухомъ нѣтъ. Чтобы взвѣсить все значеніе этого умолчанія, нужно обратить вниманіе на три слѣдующія обстоятельства. Вопервыхъ, Аристотелевы перечни взглядовъ, подлежащихъ его обсужденію, въ обоихъ этихъ случаяхъ имѣютъ видъ не случайно взятыхъ примѣровъ, а полнаго перечисленія видовъ. Вовторыхъ, при перечняхъ философскихъ мнѣній, имѣющихъ болѣе общій характеръ, какъ увидимъ это далѣе, на оборотъ, по преимуществу выступаетъ среднее вещество между огнемъ и воздухомъ, и слѣдовательно, никакъ нельзя думать, что послѣднее опускается въ этихъ случаяхъ потому, что Аристотель придавалъ ему менѣе значенія. Втретьихъ, нужно обратить вниманіе на то возраженіе, которое дѣлаетъ здѣсь Аристотель противъ теоріи разрѣженія и уплотненія. Онъ указываетъ на непослѣдовательность всѣхъ философовъ, державшихся этой теоріи, за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которые огонь признавали началомъ всѣхъ вещей; ему кажется, что при послѣдовательномъ развитіи подобной теоріи наиболѣе простымъ должно представляться самое тонкое вещество, а всѣ другія вещества должны оказаться результатомъ сплотненія или соединенія его частей; но тончайшимъ веществомъ всѣ считаютъ огонь [1]). Съ точки зрѣнія этой критики, конечно, болѣе заслуживало бы упоминанія вещество среднее между огнемъ и воздухомъ, еслибы ученіе о немъ также соединялось съ теоріей сжатія и расширенія, чѣмъ вещество среднее между воздухомъ и водою, такъ какъ первое но тонкости занимаетъ ближайшее къ огню мѣсто. Особенно казалось бы естественнымъ ждать упоминанія о немъ въ Metaph. I. 8. Здѣсь Аристотель

[1]) De coel. III. 5. 303. b. 17—21: ἔστι γὰρ ἡ μὲν ἐκ τῶν στοιχείων γένεσις σύνθεσις, ὥς φασιν, ἡ δ' εἰς τὰ στοιχεῖα διάλυσις, ὥστ' ἀνάγκη πρότερον εἶναι τῇ φύσει τὸ λεπτομερέστερον. ἐπεὶ οὖν φασὶ πάντων τῶν σωμάτων τὸ πῦρ λεπτότατον εἶναι, πρῶτον ἂν εἴη τῇ φύσει τὸ πῦρ. Подобно въ Metaph. I. 8. 988 b. кон.: τὰ μὲν γὰρ συγκρίσει, τὰ δὲ διακρίσει ἐξ ἀλλήλων γίγνεται· τοῦτο δὲ πρὸς τὸ πρότερον εἶναι καὶ ὕστερον διαφέρει πλεῖστον· τῇ μὲν γὰρ ἂν δόξειε στοιχειωδέστατον εἶναι πάντων, ἐξ οὗ γίγνονται συγκρίσει πρώτου, τοιοῦτον δὲ τὸ μικρομερέστατον καὶ λεπτότατον ἂν εἴη τῶν σωμάτων. διόπερ ὅσοι πῦρ ἀρχὴν τιθέασι, μάλιστα ὁμολογουμένως ἂν τῷ λόγῳ τούτῳ λέγοιεν.

въ началѣ своей критики перечисляетъ только четыре стихіи и лишь въ заключеніи ея расширяетъ свой выводъ, придавая ему характеръ вывода общаго, и говоритъ, что на представленномъ основаніи не состоятеленъ взглядъ какъ признающихъ какую-либо изъ этихъ стихій, такъ и признающихъ среднее между воздухомъ и водою. Здѣсь кажется особенно удивительнымъ, какимъ образомъ при этомъ расширеніи вывода указано на начало, несостоятельность ученія о которомъ подразумѣвается сама собою, какъ скоро критика имѣла уже въ виду ученіе о воздухѣ, болѣе тонкомъ, чѣмъ это начало, а не упомянуто о началѣ ближайшемъ къ огню, чѣмъ всѣ упомянутыя ранѣе стихіи, что̀ дѣйствительно расширяло бы выводъ и указывало бы крайнюю грань, до которой онъ простирается. Всѣ эти недоумѣнія разъясняются сами собою, какъ скоро мы предположимъ, что Аристотель не относилъ ученіе о веществѣ среднемъ между огнемъ и воздухомъ къ ученіямъ о простыхъ началахъ и не считалъ его соединеннымъ съ теоріей разрѣженія и уплотненія. Но мы знаемъ, кромѣ этой теоріи, только теорію выдѣленія и между монистами знаемъ одного только представителя ея Анаксимандра.

2) При критическомъ обзорѣ мнѣній своихъ предшественниковъ о причинахъ и началахъ, сдѣланномъ въ Metaph. I. 3—6, Аристотель не упоминаетъ вообще о признававшихъ среднее вещество. Но когда въ 7-й главѣ онъ дѣлаетъ сжатое повтореніе сказаннаго, онъ дополняетъ сдѣланный пропускъ и упоминаетъ о принимавшихъ среднее между огнемъ и воздухомъ вещество. Одни, говоритъ онъ, принимаютъ начало въ смыслѣ вещества—все равно предполагаютъ ли они одно начало или многія; затѣмъ, охарактеризовавъ вещество Платона, Пиѳагорейцевъ, Эмпедокла и Анаксагора, продолжаетъ: эти всѣ коснулись этого рода причины и еще всѣ тѣ, которые (принимали за начало) воздухъ или огонь, или воду, или вещество плотнѣйшее огня и тончайшее воздуха, потому что нѣкоторые и такъ опредѣляли первую стихію [1]). Употребленный здѣсь для обозначенія этого средняго терминъ „первая стихія“ замѣчателенъ. Аристотель, когда говоритъ о принимаемыхъ древними стихіяхъ, понимая подъ ними и вещественныя начала, говоритъ обыкновенно о признаніи ими одной

[1]) Metaph. I. 7. 988. a. 23—32: οἱ μὲν γὰρ ὡς ὕλην τὴν ἀρχὴν λέγουσιν, ἄν τε μίαν ἄν τε πλείους ὑποθῶσι... οὗτοί τε δὴ πάντες τῆς τοιαύτης αἰτίας ἡμμένοι εἰσί, καὶ ἔτι ὅσοι ἀέρα ἢ πῦρ ἢ ὕδωρ ἢ πυρὸς μὲν πυκνότερον ἀέρος δὲ λεπτότερον· καὶ γὰρ τοιοῦτόν τινες εἰρήκασιν εἶναι τὸ πρῶτον στοιχεῖον.

стихіи или многихъ (какъ и здѣсь онъ тѣмъ же начинаетъ свою рѣчь, употребляя лишь вмѣсто понятія τὸ στοιχεῖον понятіе τὴν ἀρχὴν ὡς ὕλην), но о признающихъ первую стихію онъ не говоритъ. Понятіе первой стихіи, когда дѣло идетъ просто о томъ, чтобы указать на число признаваемыхъ стихій, есть противорѣчивое понятіе. Понятіе стихіи само уравнивается понятію вообще первоначальнаго (въ смыслѣ не разложимаго далѣе и лежащаго въ основѣ всего другаго) бытія и можетъ быть замѣнено названіемъ τὸ πρῶτον, подобно тому какъ и стихіи тѣлъ въ другихъ случаяхъ называются у Аристотеля τὰ πρῶτα σώματα и даже просто τὰ πρῶτα. Соединеніе этихъ двухъ терминовъ въ одинъ и образованіе изъ нихъ понятія τὸ πρῶτον στοιχεῖον можетъ имѣть смыслъ лишь тогда, когда имѣется въ виду указать на особое какое-либо преимущество одной стихіи предъ другими, и слѣдовательно, лишь когда дѣло идетъ о взглядѣ, допускающемъ существованіе многихъ стихій, и цѣль состоитъ не въ опредѣленіи числа ихъ, а въ указаніи на особое значеніе какой-либо изъ нихъ предъ остальными равно первоначальными. Въ этомъ именно смыслѣ Аристотель называетъ первою стихіей свою пятую стихію—эѳиръ, вслѣдствіе усвояемой ей высшей совершеннѣйшей природы сравнительно съ остальными четырьмя стихіями. Поэтому, если мы видимъ, что этотъ терминъ примѣненъ къ среднему началу между огнемъ и воздухомъ, помѣщенному среди началъ, принимавшихся за единыя начала, и примѣненъ единственно къ нему въ цѣломъ обширномъ историко-критическомъ очеркѣ, гдѣ слово στοιχεῖον употреблено очень значительное число разъ, то едва ли мы можемъ сомнѣваться, что Аристотель смотрѣлъ на это среднее между огнемъ и воздухомъ начало иначе, чѣмъ на другія единичныя начала. Не смотря на то, что оно несомнѣнно было для него ἓν σῶμα (Phys. I. 4), μία φύσις (Gener. et. corr. II. 1), оно должно было предполагать или, такъ какъ дѣло идетъ объ одномъ только принципѣ, заключать въ себѣ, по его взгляду, нѣкоторую множественность, которая считалась имъ въ извѣстномъ смыслѣ столь же первоначальною, какъ и однообразная природа самого этого начала. Только такъ мы можемъ объяснить себѣ, почему понятіе единой стихіи здѣсь оказалось не приложимымъ, и явилась необходимость къ единому началу приложить терминъ первой стихіи. Если понятіе первой стихіи въ примѣненіи къ началу, которое не предполагаетъ другихъ началъ внѣ себя, въ независимости отъ себя, а слѣдовательно, не предполагаетъ и существованія въ собственномъ смыслѣ другихъ стихій, должно представляться шаткимъ и дву-

смысленнымъ, то въ этомъ сказывалась только та же самая неприложимость къ среднему веществу между огнемъ и воздухомъ понятія о стихіи въ строгомъ Аристотелевомъ смыслѣ, какая сказалась въ необходимости исключить безконечное Анаксимандра изъ изслѣдованія о стихіяхъ тѣлъ въ De coel. III. 5. Разница состояла лишь въ томъ, что совсѣмъ умолчать о принципѣ Анаксимандра въ историко-критическомъ обзорѣ Метафизики, гдѣ дѣло шло не о частномъ вопросѣ о стихіяхъ тѣлъ, а объ общемъ, о послѣднихъ основаніяхъ бытія, и гдѣ понятіе стихіи естественно явилось лишь вслѣдствіе того, что у всѣхъ другихъ философовъ древности, кромѣ Анаксимандра, началами были собственно стихіи,—было не удобно. Аристотель очень искусно обходитъ это затрудненіе. Въ самомъ началѣ историческаго очерка, очень опредѣленно соединивъ понятіе о началахъ въ формѣ вещества съ понятіемъ στοιχεῖον, какъ это вполнѣ подходило къ тѣмъ, которыхъ онъ называетъ τῶν πρώτων φιλοσοφησάντων πλεῖστοι [1]) (это πλεῖστοι заслуживаетъ вниманія: оно показываетъ, что есть кто-то изъ первыхъ философствовавшихъ, взглядъ котораго не укладывается въ указанныя рамки), онъ опускаетъ Анаксимандра, и это даетъ ему даже возможность представить остальныя важнѣйшія монистическія ученія какъ бы прямою подготовкой къ Эмпедоклову ученію о четырехъ стихіяхъ [2]). Но при общемъ заключительномъ сжатомъ обзорѣ, который начинается болѣе неопредѣленнымъ выраженіемъ: οἱ μὲν γὰρ ὡς ὕλην τὴν ἀρχὴν λέγουσιν, является въ качествѣ дополненія къ перечисленнымъ началамъ и безконечное Анаксимандра подъ двусмысленнымъ терминомъ τὸ πρῶτον στοιχεῖον.

3) Предположимъ, что подъ веществомъ среднимъ между огнемъ и воздухомъ разумѣется безконечное Анаксимандра, и мы тотчасъ же увидимъ, что упоминаніе объ этомъ безконечномъ оказывается въ Аристотелевыхъ перечняхъ философскихъ мнѣній при обсужденіи имъ всѣхъ важнѣйшихъ философскихъ вопросовъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ дѣло идетъ о простыхъ тѣлахъ или о стихіяхъ

[1]) Metaph. I. 3. 983. b. 6—11: τῶν δὴ πρώτων φιλοσοφησάντων οἱ πλεῖστοι τὰς ἐν ὕλης εἴδει μόνας ᾠήθησαν ἀρχὰς εἶναι πάντων· ἐξ οὗ γὰρ ἔστιν ἅπαντα τὰ ὄντα, καὶ ἐξ οὗ γίγνεται πρώτου καὶ εἰς ὃ φθείρεται τελευταῖον, τῆς μὲν οὐσίας ὑπομενούσης, τοῖς δὲ πάθεσι μεταβαλλούσης, τοῦτο στοιχεῖον καὶ ταύτην ἀρχήν φασιν εἶναι τῶν ὄντων.

[2]) Ibid. 20—21: Θαλῆς μὲν ὁ τῆς τοιαύτης ἀρχηγὸς φιλοσοφίας ὕδωρ εἶναί φησιν (τὴν ἀρχήν)... (984 a. 5—8) Ἀναξιμένης δὲ ἀέρα... Ἵππασος δὲ πῦρ ὁ Μεταποντῖνος καὶ Ἡράκλειτος ὁ Ἐφέσιος, Ἐμπεδοκλῆς δὲ τὰ τέτταρα, πρὸς τοῖς εἰρημένοις γῆν προστιθεὶς τέταρτον.

въ собственномъ смыслѣ, сказать иначе, упоминаніе о немъ является всюду, гдѣ мы его должны ожидать. Мы видимъ его въ Metaph. I. 7 при заключеніи историко-критическаго обзора ученія о началахъ или причинахъ, въ Gener. et corr. и при перечнѣ ученій о субстратѣ II. 1 [1]) и при критикѣ этихъ ученій II. 5 [2]), въ Phys. и при перечнѣ началъ, признаваемыхъ физиками, I. 4, и при ссылкѣ Аристотеля на физиковъ-монистовъ для подтвержденія своего собственнаго ученія объ единствѣ субстрата I. 6 [3]), и наконецъ въ перечнѣ ученій о безконечномъ [4]). Совершенно понятною въ такомъ случаѣ дѣлается для насъ и роль, какую играетъ въ такихъ перечняхъ среднее вещество между воздухомъ и водою. Ученіе о немъ не принадлежитъ, по взгляду Аристотеля, какому-нибудь изъ болѣе значительныхъ философовъ древности, что̀ можно заключить уже изъ того, что этотъ философъ нигдѣ въ его сочиненіяхъ не называется по имени.

1) Gener. et corr. II. 1. 328. b. кон.: τούτων (τῶν αἰσθητῶν σωμάτων) δὲ τὴν ὑποκειμένην ὕλην οἱ μὲν φασιν εἶναι μίαν, οἷον ἀέρα τιθέντες ἢ πῦρ ἤ τι μεταξὺ τούτων... οἱ δὲ πλείω κτλ.

2) Ibid. II. 5. 332. a. 18—22: ὁ δ' αὐτὸς λόγος περὶ ἁπάντων, ὅτι οὐκ ἔστιν ἓν τούτων (стихій) ἐξ οὗ τὰ πάντα. οὐ μὴν οὐδ' ἄλλο τί γε παρὰ ταῦτα, οἷον μέσον τι ἀέρος καὶ ὕδατος ἢ ἀέρος καὶ πυρός, ἀέρος μὲν παχύτερον καὶ πυρὸς, τῶν δὲ λεπτότερον.

3) Phys. I. 6. нач.; здѣсь оно обнимается вмѣстѣ съ среднимъ веществомъ между воздухомъ и водою въ общемъ терминѣ, указывающемъ на двѣ наиболѣе отдаленныя стихіи: ὕδωρ ἢ πῦρ ἢ τὸ μεταξὺ τούτων.

4) Ibid. III. 4. 203. a. 16—18. Здѣсь непосредственно передъ ἢ τὸ μεταξὺ τούτων стоитъ, правда, οἷον ὕδωρ ἢ ἀέρα, такъ какъ другія стихіи никѣмъ не признавались безконечными, а поэтому не могли быть упомянуты; но именно въ одномъ этомъ мѣстѣ изъ всѣхъ подобныхъ случаевъ передъ οἷον стоитъ τῶν λεγομένων στοιχείων, такъ что ὕδωρ ἢ ἀέρα получаютъ значеніе вставочнаго примѣра, и дается право на τούτων смотрѣть какъ на указывающее на τῶν λεγομένων στοιχείων. Вопросъ о томъ, разумѣть ли подъ τὰ λεγόμενα στοιχεῖα извѣстныя четыре стихіи или элементарное тѣло вообще (*Zeller*, Ph. d. Gr. 1. 198. № 2), разрѣшается тѣмъ, что подъ понятіе послѣдняго какъ тѣла *простаго* Анаксимандрово безконечное, какъ показано, не подходитъ, а поэтому, при толкованіи τὰ λεγ. στ. въ послѣднемъ смыслѣ, Анаксимандръ изъ числа признающихъ безконечное Аристотелемъ былъ бы исключенъ. Впрочемъ это толкованіе исключается уже обычнымъ у Аристотеля употребленіемъ термина τὰ λεγ. στ. въ первомъ смыслѣ. Ссылка Целлера на Metaph. V. 3. 1014 a. 32 доказываетъ только, что Аристотель могъ бы начала, признававшіяся за неразложимыя другими, назвать отъ ихъ имени стихіями, то-есть, обозначить какъ признаваемыя отъ нихъ (или называемыя ими) стихіями, но никакъ не доказываетъ, чтобы даже такія начала онъ могъ назвать такъ-называемыми (то-есть, за которыми установилось это названіе) стихіями, что̀ именно у него значитъ терминъ τὰ λεγ. или καλ. στοιχεῖα.

И этому вполнѣ соотвѣтствуетъ то мѣсто, которое занимаетъ его принципъ въ Аристотелевыхъ перечняхъ философскихъ мнѣній. Въ обзорахъ наиболѣе общаго характера, гдѣ идетъ дѣло не о монистахъ только, онъ обыкновенно совсѣмъ не упоминается, напримѣръ, въ Metaph. I. 7, Gener. et corr. II. 1, Phys. I. 4 [1]). Гдѣ же дѣлается перечень однихъ монистовъ, какъ въ Phys. I. 6, или поднимается частный вопросъ объ единомъ сверхъ стихій какъ въ Gener et corr. II, 5 при критикѣ ученій объ ὕλη, а тѣмъ болѣе при перечнѣ взглядовъ на единое какъ простое, напримѣръ, въ De coel. III. 5, Metaph. I. 8, даже при упоминаніи о нихъ просто въ качествѣ разъяснительнаго примѣра, какъ при критикѣ разновиднаго безконечнаго въ Phys. III. 5, онъ тотчасъ же является, смотря по характеру случая, или въ соединеніи съ среднимъ веществомъ между огнемъ и воздухомъ, или какъ единственный примѣръ средняго вещества. Одинъ разъ среднее начало между воздухомъ и водою послѣ болѣе общаго обзора въ Gener. et corr. II. 1, въ который оно не вошло, особо ставится на видъ (вмѣстѣ съ матеріей Платона) отдѣльно отъ всѣхъ другихъ началъ физиковъ [2]); вопросъ здѣсь идетъ о чистой ὕλη, и совершенно понятно, что Аристотель чувствуетъ потребность рѣзче отличить свое понятіе о ней отъ этого именно средняго, которое, по видимому, наиболѣе близко подходило къ его понятію чистаго субстрата, долженствующаго быть первѣе противоположностей [3]),

1) Исключеніе составляетъ перечень ученій о безконечномъ въ Phys. III. 4; но здѣсь указанная выше необходимость поименовать изъ стихій ὕδωρ и ἀήρ, вынудившая прибавку передъ οἷον словъ τῶν λεγομένων στοιχείων естественно сопровождалась и тѣмъ, что образовавшееся вслѣдствіе того общее понятіе τὸ μεταξὺ στοιχείων должно было необходимо обнять и среднее начало между воздухомъ и водою.

2) Въ этомъ случаѣ прямо не называется среднее между водою и воздухомъ, а говорится о μία φύσις παρὰ τὰ εἰρημένα; но такъ какъ перечислены были выше не стихіи только, но и τὸ μεταξὺ πυρὸς καὶ ἀέρος, то употребленный терминъ вполнѣ ясно указываетъ на среднее между водою и воздухомъ, подобно тому, какъ παρὰ ταῦτα, ibid. II. 5, послѣ разсужденія объ *однѣхъ* стихіяхъ, совершенно точно указываетъ на оба среднія, которыя тутъ же и поименовываются, или подобно тому, какъ тотъ же терминъ въ Phys. III. 5 при разсужденіи о *простыхъ* тѣлахъ совершенно точно указываетъ опять на среднее начало между воздухомъ и водою.

3) Gener. et corr. II. 1. 329. a. кон.: ὥστε πρῶτον μὲν τὸ δυνάμει σῶμα αἰσθητὸν (то-есть, ἡ ὕλη ἡ ἀχώριστος) ἀρχή, δεύτερον δ' αἱ ἐναντιώσεις.... τρίτον δ' ἤδη πῦρ καὶ ὕδωρ καὶ τὰ τοιαῦτα. Вполнѣ чуждымъ чувственно постигаемыхъ качественностей все-таки, какъ далѣе увидимъ, не было и это среднее; сверхъ

такъ какъ и оно также стремилось быть чуждымъ противоположностей. Такъ получаетъ совершенно понятный смыслъ непонятное на первый взглядъ, и, по видимому, совершенно случайное и произвольное упоминаніе Аристотелемъ при его обзорахъ философскихъ взглядовъ то средняго начала между огнемъ и воздухомъ, то средняго начала между воздухомъ и водою, то ихъ обоихъ.

Ясно, что Аристотель отожествлялъ безконечное Анаксимандра съ веществомъ среднимъ между огнемъ и воздухомъ. Комментаторы Аристотеля поступали совершенно правильно, ища указанія на это безконечное въ тѣхъ мѣстахъ Аристотелевыхъ сочиненій, гдѣ дѣло идетъ о среднемъ между стихіями началѣ. Но они сдѣлали крупную ошибку, отожествивъ оба среднія начала и оба приписавъ Анаксимандру [1]). Предполагая, что для позднѣйшихъ комментаторовъ при-

---

того, въ немъ не предполагались предсуществующими противоположности какъ въ τὸ μεταξύ Анаксимандра и въ понятіи о веществѣ, къ которому стремится Анаксагоръ, а поэтому оно и не упоминается въ Metaph. XII. 2. и, какъ мнѣ кажется, никакъ не разумѣется подъ τῶν ὕστερον въ Metaph. I. 8, хотя представитель ученія о немъ былъ, какъ разъяснится далѣе, моложе Анаксагора.

[1]) Несомнѣнно, что это соединеніе двухъ взглядовъ на среднее и приписаніе ихъ одному лицу начинается уже съ Александра, который въ Comm. in Arist. Metaph. ed. *Bonitz*, 1847, p. 45, говоритъ: προσέθηκε δὲ (то-есть, Аристотель) ἱστορίᾳ καὶ τὴν 'Αναξιμάνδρου δόξαν, ὃς ἀρχὴν ἔθετο τὴν μεταξὺ φύσιν ἀέρος τε καὶ πυρὸς ἢ ἀέρος τε καὶ ὕδατος· λέγεται γὰρ ἀμφοτέρως. Съ нимъ согласны и позднѣйшіе комментаторы. Филопонъ in Arist. Phys. 23. 14—20: Ἀναξίμανδρος δὲ τὸ μεταξὺ ἢ ἀέρος καὶ ὕδατος ἢ πυρὸς καὶ ἀέρος.... τὸ μεταξὺ τοῦτο ἔλεγεν εἶναι τὴν ἀρχήν, ὅπερ ἀέρος μέν εἶναι πυκνότερον, ὕδατος δὲ μανότερον, ἢ πυρὸς μὲν πυκνότερον ἀέρος δὲ μανότερον и въ др. м. Симплицій in Phys. 149. 9—11: τινὲς δὲ ἄλλο τι τῶν τριῶν ὑπέθεντο, ὅ ἐστι πυρὸς μὲν πυκνότερον, ἀέρος δὲ λεπτότερον, ἢ ὡς ἐν ἄλλοις φησίν (Аристотель), ἀέρος μὲν πυκνότερον, ὕδατος δὲ λεπτότερον и во многихъ др. мѣстахъ. Не видно, чтобы и Порфирій, вслѣдъ за Николаемъ Дамаскеномъ приписывавшій ученіе о τὸ μεταξύ Діогену, отличалъ два ученія о τὸ μεταξύ одно отъ другаго; правда, Симплицій, когда онъ in Phys. 25. 8—9; 149. 13 — 18; 151. 21 — 24 извѣщаетъ объ особомъ мнѣніи Порфирія относительно Анаксимандрова безконечнаго, говоритъ собственно о τὸ μεταξὺ πυρὸς καὶ ἀέρος, но такъ какъ самыя эти разъясненія дѣлаются Симплиціемъ по поводу словъ Аристотеля о началѣ среднемъ между огнемъ и воздухомъ, то совершенно естественно, что, и говоря о мнѣніи Порфирія, онъ пользуется однимъ этимъ наименованіемъ средняго начала; между тѣмъ тотъ фактъ, что онъ ни однимъ намекомъ не даетъ понять, что Порфирій или Дамаскенъ знали еще другаго философа (кромѣ Діогена), принимавшаго также нѣкоторое τὸ μεταξύ, знаменателенъ; въ виду отожествленія обоихъ τὰ μεταξύ самимъ Симплиціемъ, ему было совершенно естественно упомянуть о различіи между ними, какое дѣлаетъ Порфирій

нятіе такого мнѣнія значительно облегчалось традиціей [1]), мы все же невольно встрѣчаемся съ вопросомъ; что побуждало къ нему древнѣйшихъ изъ нихъ? Нѣтъ никакаго сомнѣнія, что цѣльнаго и связнаго представленія о безконечномъ Анаксимандра, составленнаго на основаніи строгаго анализа и точнаго сличенія всѣхъ, относящихся сюда мѣстъ изъ сочиненій Аристотеля, а также и изъ другихъ источниковъ, комментаторы составить себѣ не пытались или не могли: это доказываютъ тѣ противорѣчія, оставленныя ими безъ всякой попытки разъясненія или сглаженія, въ которыхъ запутывается ихъ взглядъ на тожество обоихъ среднихъ съ безконечнымъ Анаксимандра [2]). Однако этотъ очевидный недостатокъ строго научнаго

еслибы Порфирій дѣйствительно различалъ два взгляда, и также подвергнуть разбору мнѣніе его о началѣ среднемъ между водою и воздухомъ, какъ онъ подвергаетъ разбору мнѣніе о его среднемъ началѣ между огнемъ и воздухомъ.

[1]) Симплицій прямо ссылается на мнѣніе Александра по этому вопросу: 149. 11—13: καὶ ὁ μὲν 'Αλέξανδρος 'Αναξίμανδρον οἴεται τὸν ἄλλην τινὰ φύσιν σώματος παρὰ τὰ στοιχεῖα τὴν ἀρχὴν ὑποθέμενον. И сжатость его возраженія противъ Порфирія, гдѣ излагается подвергшееся упреку въ логической несостоятельности толкованіе его Phys. I. 4, вѣроятно, тѣмъ и объясняется, что онъ хочетъ лишь напомнить о толкованіи хорошо извѣстномъ по традиціи.

[2]) Никто изъ нихъ не дѣлаетъ ни малѣйшей попытки разъяснить, въ какомъ смыслѣ одно и то же вещество могло бы быть названо тончайшимъ огня и *плотнѣйшимъ воздуха* и въ то же время *тончайшимъ воздуха* и плотнѣйшимъ воды, хотя естественно ожидать, что подобный вопросъ долженъ неминуемо явиться въ умѣ читателя. Не дѣлается комментаторами какой-либо попытки примирить относимыя ими къ Анаксимандру извѣстія Аристотеля о философахъ, признающихъ простыя тѣла съ опредѣленнымъ извѣстіемъ его о существованіи противоположностей въ Анаксимандровомъ безконечномъ и выдѣленіи ихъ изъ него, хотя Симплицій самъ же повторяетъ это извѣстіе въ выраженіяхъ столь же опредѣленныхъ, какъ Аристотель: ἐνούσας γὰρ τὰς ἐναντιότητας ἐν τῷ ὑποκειμένῳ, ἀπείρῳ ὄντι σώματι, ἐκκρίνεσταί φησιν 'Αναξίμανδρος, говоритъ онъ in Phys. 150. 22—23. Еще болѣе рельефно выражаетъ ту же мысль Филопонъ in Arist. Phys. 93. 17—19: οἱ δὲ ἐκ τοῦ ἑνὸς ἐνούσας τὰς ἐναντιότητας ἐκκρίνουσιν, οἷος ἦν ὁ 'Αναξίμανδρος· ἐνυπάρχειν γὰρ ἔλεγεν ἐν τῷ μεταξύ, ὅπερ ἦν κατ' αὐτὸν στοιχεῖον, τὰ ἐναντία ἐνεργείᾳ. Ясное отнесеніе къ представителю одного изъ среднихъ началъ теоріи уплотненія и разрѣженія также не вызываетъ въ нихъ никакого недоумѣнія и вопроса. Симплицій даже къ этому противорѣчію прибавляетъ новое. Формулируя Аристотелево противоположеніе между πυκνότητι καὶ μανότητι πολλὰ ποιοῦντες и ἐνούσας τὰς ἐναντιότητας ἐκκρίνεσθαι какъ противоположность 24. 23 — 24 между ἀλλοιουμένου τοῦ στοιχείου и ἀποκρινομένων τῶν ἐναντίων или 150. 21 — 22 между κατὰ ἀλλοίωσιν и κατὰ ἔκκρισιν, онъ въ то же время допускаетъ, что Анаксимандръ принялъ за начало τὸ μεταξὺ διὰ τὸ εὐαλλοίωτον. Въ виду того, что въ научной литературѣ новаго времени ставились на видъ нѣкоторыя изъ этихъ противо-

анализа и критическаго отношенія къ явно ошибочному мнѣнію можетъ объяснять для насъ лишь ту легкость, съ какою оно принималось, но все же должны были существовать какіе-либо положитель-

---

рѣчій комментаторовъ, новѣйшіе послѣдователи ихъ взглядовъ дѣлали попытки къ разъясненію возникавшихъ недоразумѣній, но едва ли эти разъясненія достигаютъ цѣли. Лютце значительно, по видимому, облегчилъ для себя это дѣло, приписавъ Анаксимандру ученіе лишь объ одномъ изъ среднихъ началъ и признавъ ученіе о другомъ поправкой Анаксимандрова ученія со стороны или самого Аристотеля (?), или кого-либо изъ позднѣйшихъ физиковъ (Ueb. d. 'Απειρ. Anax., 110); но такъ какъ къ этому взгляду привело его не точное различеніе обоихъ этихъ ученій со стороны ихъ внутренняго характера, а лишь то различіе, которое прямо выражалось въ самыхъ названіяхъ того и другаго средняго начала, то онъ для Анаксимандра выбираетъ то изъ этихъ ученій, которое стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ его теоріей существованія въ безконечномъ противоположностей и выдѣленія ихъ изъ него. Пріемъ же, съ помощію котораго Лютце устраняетъ самыя эти противорѣчія, едва ли можно назвать удачнымъ; онъ утверждаетъ, что въ Phys. I. 4 Аристотель не устанавливаетъ и не имѣетъ въ виду установить противоположность между теоріей выдѣленія и теоріей разрѣженія и уплотненія, не смотря на ясный буквальный смыслъ этого мѣста; онъ готовъ предположить даже, что понятіе выдѣленія совсѣмъ не употреблялось Анаксимандромъ (59—60). Нейгэузеръ усвояетъ взглядъ комментаторовъ во всей его полнотѣ. Различіе Аристотелевыхъ названій для природы Анаксимандрова безконечнаго Нейгэузеръ, Anax. M. 258—259, объясняетъ слѣдующимъ образомъ: Анаксимандрово безконечное было среднимъ между природой теплой или огненной и холодной или влажной, а такъ какъ, по Аристотелю, воздухъ былъ элементомъ вмѣстѣ и влажнымъ, и теплымъ, то представить среднее начало Анаксимандра какъ среднее между стихіями Аристотелю съ точки зрѣнія его собственнаго взгляда на стихіи можно было двояко, смотря по тому, видѣть ли во второмъ членѣ Анаксимандровой противоположности преимущественно влажное или преимущественно холодное; въ первомъ случаѣ Анаксимандрово среднее начало должно было сдѣлаться среднимъ между огнемъ и воздухомъ, во второмъ—между воздухомъ и водою. Но мысль, которая лежитъ въ самомъ основаніи этого объясненія, именно тожество холоднаго и влажнаго, по Анаксимандру, основана лишь на довѣріи къ свидѣтельству Александра, относящаго къ Анаксимандру извѣстіе Arist. Meteor. II. 2 о физикахъ, придававшихъ особое значеніе влажному въ космогоническомъ процессѣ; но недостовѣрность этого свидѣтельства мы уже видѣли; кромѣ того, Нейгэузеръ своимъ объясненіемъ, какъ справедливо замѣчаетъ Целлеръ въ рецензіи на его книгу, *Deut. Literaturz.* 1883, Nr. 48, p. 1502, „то противорѣчіе, отъ котораго хочетъ онъ освободить Анаксимандра, переноситъ только на Аристотеля; но никакъ не въ обычаѣ Аристотеля давать о своихъ предшественникахъ такія противорѣчивыя показанія, и у него нельзя найдти ни одного случая, который бы представлялъ даже отдаленную аналогію съ этимъ“. Нейгэузеръ, далѣе, думаетъ, что названіе у Аристотеля Анаксимандрова начала смѣшеніемъ представляетъ только толкованіе Аристотелемъ средняго начала съ точки зрѣнія его взгляда вообще на качественности среднія

ные мотивы, породившіе это мнѣніе. Новѣйшіе приверженцы взгляда комментаторовъ, изыскивая основанія, какія могли бы быть приведены въ его пользу, тѣмъ самымъ отчасти разъясняютъ намъ и эти мотивы. Они указываютъ, съ одной стороны, на случайную и совершенно, по видимому, произвольную замѣну у Аристотеля одного изъ названій средняго начала другимъ, съ другой стороны—на соединеніе съ τὸ μεταξὺ терминовъ τὸ ἄπειρον, τὸ περιέχον, τὸ περιέχον πάντας τοὺς οὐρανούς, которые вполнѣ подходятъ къ Анаксимандрову безконечному. И какъ ни недостаточны эти основанія для того, чтобы оправдать мысль о тожествѣ обоихъ среднихъ съ безконечнымъ Анаксимандра [1]),

---

между противоположностями (An. M. 55 — 56). Однако Нейгэузеръ признаетъ (ibid., 259—262), что Анаксимандръ былъ убѣжденъ, что въ его среднемъ веществѣ содержатся и изъ него выдѣляются противоположности. Но въ такомъ случаѣ, если не понятіе μίγμα, которое все-таки возбуждаетъ представленіе о составныхъ частяхъ, *предваряющихъ* цѣлое, то понятія σύνθετον и ὁμοιομερές будутъ точными выраженіями не Аристотелева только взгляда на τὸ μεταξύ, а и взгляда самого Анаксимандра, хотя подобныхъ терминовъ самъ Анаксимандръ, несомнѣнно, не употреблялъ, какъ онъ не употреблялъ, конечно, и термина ἁπλοῦν, довольствуясь названіемъ ἕν. Поэтому относить къ Анаксимандру принципъ, который Аристотель называетъ ἁπλοῦν, значитъ думать, что Аристотель пользуется терминомъ, который не выражаетъ ни его собственной оцѣнки принципа, ни взгляда философа, о принципѣ котораго онъ ведетъ рѣчь. Отнесеніе теоріи разрѣженія и уплотненія къ признающимъ среднее между воздухомъ и водою въ De coel. III. 5 (о Metaph. I. 8 Нейгэузеръ подробно не говоритъ, конечно, потому, что прямо эта теорія здѣсь не названа) Нейгэузеръ толкуетъ въ смыслѣ не фактическаго, а возможнаго только пользованія ими ею (222—224); впрочемъ, онъ приписываетъ безконечному Анаксимандра и разрѣженіе и уплотненіе при порожденіи противоположностей, но не какъ причину этого порожденія или сущность его, а какъ его результатъ или сопровождающее его обстоятельство (225, 266, 277 сл., 314 сл.). Но то и другое несостоятельно; при опроверженіи перечисленныхъ въ De coel. III, 5 ученій Аристотель говоритъ: ἔστι γὰρ ἡ μὲν ἐκ τῶν στοιχείων γένεσις σύνθεσις, ὥς φασιν, ἡ δ' εἰς τὰ στοιχεῖα διάλυσις, и далѣе: τὸ μὲν γὰρ λεπτὸν μανόν, τὸ δὲ παχὺ βούλονται εἶναι πυκνόν, ясно тѣмъ показывая, что дѣло идетъ о фактическомъ мнѣніи и что у этихъ философовъ самыя понятія λεπτὸν καὶ πυκνόν, которыми считалъ возможнымъ характеризовать ихъ начало Аристотель, толковались ими какъ μανόν и πυκνόν, а слѣдовательно, самая сущность процесса рожденія всякаго иного бытія не могла не состоять въ μανότητι καὶ πυκνότητι.

[1]) Выше было разъяснено, что никакой случайности или произвола въ упоминаніи Аристотелемъ то одного, то другаго средняго нѣтъ. Что касается наименованій τὸ ἄπειρον, τὸ περιέχον, τὸ περιέχον πάντας τοὺς οὐρανούς, то не разъ уже замѣчали, что понятія, соединенныя съ этими терминами, никакъ не были исключительной принадлежностію Анаксимандра. Но остается, сколько знаю, до-

но возбуждать подобную мысль у комментаторовъ они, конечно, могли. Несравненно важнѣе, однако, представляется мнѣ иное побужденіе, которое должно было у первыхъ комментаторовъ породить убѣжде-

---

доселѣ не объясненнымъ, почему въ трехъ мѣстахъ, гдѣ они встрѣчаются (Gener. et corr. II, 1; II, 5; De coel. III, 5) примѣнены они именно къ τὸ μεταξὺ при чемъ на нихъ сдѣлано, очевидно, особенное удареніе. (На это обстоятельство наиболѣе рельефно указываетъ Нейгэузеръ, An. M. 212—221). Между тѣмъ объясненіе этого не представляетъ трудности. Аристотель этими обозначеніями пользуется совсѣмъ не какъ характеристическими для указанія философа или философовъ, которымъ принадлежатъ эти взгляды: философы для тѣхъ, для кого предназначались сочиненія Аристотеля, конечно, достаточно указывались обозначеніемъ принципа какъ средняго между такою-то и такою-то стихіей, что̀ и дѣйствительно Аристотелемъ считается достаточнымъ для этой цѣли, какъ это доказывается большинствомъ остальныхъ мѣстъ, упоминающихъ о τὸ μεταξύ. Эти добавочныя обозначенія даютъ понять читателю, что принимаемое за принципъ τὸ μεταξύ неизбѣжно считалось за χωριστόν, то-есть, за бытіе, способное къ обособленному существованію, а не за простой субстратъ для другаго бытія, что̀ для Аристотеля имѣетъ существенную важность по близости τὸ μεταξύ къ его ὕλη и что̀ существенно опредѣляетъ его критическое отношеніе къ философскимъ взглядамъ на τὸ μεταξύ какъ начало. Совершенно понятно, что τὸ μεταξύ какъ безконечное (при ограниченности міра), какъ обнимающее (міръ), какъ обнимающее всѣ небеса должно быть неизбѣжно мыслимо какъ χωριστόν, какъ способное къ обособленному отъ возникающихъ изъ него вещей существованію. Особенно ясно это на обоихъ мѣстахъ въ Gener. et corr., гдѣ дѣло идетъ объ ὕλη. Перечисливъ, II, 1, принимавшіяся за субстратъ стихіи и τὸ μεταξὺ πυρὸς καὶ ἀέρος, σῶμα τε ὂν καὶ χωριστόν, Аристотель обращается къ παρὰ τὰ εἰρημένα, то-есть, къ τὸ μεταξὺ ἀέρος καὶ ὕδατος, особенно, по видимому, близкое къ его ὕλη, указываетъ опять для отличія отъ послѣдней на его тѣлесность и способность къ обособленности и замѣчаетъ, что чувственно постигаемое тѣло не можетъ быть безъ противоположныхъ качественностей и необходимо какія-либо изъ нихъ будетъ имѣть τὸ ἄπειρον τοῦτο, то-есть, это вещество какъ безпредѣльное, а поэтому неизбѣжно имѣющее обособленность отъ остальнаго бытія. Въ II, 5 онъ критически обсуждаетъ возможность для обоихъ среднихъ считаться за ὕλη и указавъ на то, что субстратъ смѣняющихъ другъ друга противоположныхъ качественностей не можетъ не быть στέρησις, онъ заключаетъ, что никогда не можетъ μονοῦσθαι ἐκεῖνο, ὥσπερ φασί τινες τὸ ἄπειρον καὶ τὸ περιέχον, то-есть, не можетъ обособиться это μεταξύ, что̀ однако необходимо должно бы случиться, если предположить его безконечнымъ и все объемлющимъ. И въ De coel. III, 5, приступая къ оцѣнкѣ принимающихъ одну только стихію и перечисляя вещества, принимаемыя за такую стихію, Аристотель при среднемъ между водою и воздухомъ прибавляетъ ὃ περιέχει φασὶ πάντας τοὺς οὐρανοὺς ἄπειρον ὄν опять съ тою же цѣлію, чтобы показать, что о немъ идетъ дѣло, лишь на сколько оно ставится какъ обособленно существующее по крайней мѣрѣ внѣ міра, еслибы и не предполагалось подобной обособленности его въ самомъ мірѣ, такъ какъ, не будь этой обособленности, о немъ слѣдовало бы вести совсѣмъ другую рѣчь.

ніе въ тожествѣ обоихъ среднихъ началъ. Они не находили, кромѣ Анаксимандра, другаго лица, которому могли бы съ какою-либо вѣроятностью приписать одно изъ нихъ, а между тѣмъ они были увѣрены, что имя этого философа не могло быть не извѣстно имъ изъ источниковъ, какими они пользовались. Какъ велика была эта послѣдняя увѣренность ихъ, можно судить по тому, что не Николай только Дамаскенъ, но и ученый Порфирій, отрицая принадлежность вообще Анаксимандру ученія о среднемъ веществѣ, считали необходимымъ указать имя философа, которому оно должно принадлежать, хотя для этого имъ пришлось остановиться на гипотезѣ, которая противорѣчила свидѣтельству не только Ѳеофраста, но и самого Аристотеля. И на чемъ бы ни основывалось фактически это убѣжденіе комментаторовъ, самая мысль о томъ, что имена представителей обоихъ среднихъ началъ должны оказаться среди именъ, сохраненныхъ исторической традиціей, какъ увидимъ сейчасъ, имѣетъ высокую степень вѣроятности. Это обстоятельство, а вмѣстѣ и та связь, въ какой стоятъ встрѣчающіяся у Аристотеля упоминанія объ обоихъ среднихъ началахъ, и которая неразрывно соединила и въ ученой литературѣ вопросы о нихъ, заставляютъ думать, что разъясненіе взгляда Аристотеля на Анаксимадрово безконечное можетъ лишь въ томъ случаѣ достигнуть желательной полноты, устраняющей всѣ недоумѣнія, когда будетъ названо имя представителя ученія о другомъ среднемъ началѣ и съ помощію имѣющихся историческихъ свѣдѣній о немъ дано надлежащее освѣщеніе его ученію. Все это заставляетъ насъ высказать наше мнѣніе о философѣ, признавшемъ простое среднее между стихіями начало, какъ ни рискованною представляется попытка разрѣшить задачу, которая два тысячелѣтія оставалась безъ удовлетворительнаго отвѣта и для рѣшенія которой никакихъ новыхъ, неизвѣстныхъ доселѣ данныхъ мы представить не можемъ.

Представитель ученія о простомъ среднемъ началѣ.

Философа, признававшаго за начало простое среднее между водою и воздухомъ вещество, Аристотель, очевидно, не относитъ къ крупнымъ представителямъ философской мысли, но онъ и не считаетъ его совершенно ничтожнымъ, лишеннымъ всякаго значенія мыслителемъ. Онъ обычно поименовываетъ его начало при перечняхъ монистическихъ принциповъ, и такимъ образомъ упоминаніе о немъ дѣлается и въ

Метафизикѣ и во всѣхъ сочиненіяхъ натур-философскаго характера: въ Физикѣ, въ сочиненіи О небѣ и О рожденіи и разрушеніи; при этомъ нигдѣ не высказывается презрительнаго отношенія къ мыслителю, его представлявшему, тогда какъ Аристотель никакъ не относится къ критикамъ, которые сдерживались бы при выраженіи своей оцѣнки научнаго значенія лицъ, которыхъ ставятъ они не высоко: припомнимъ суровые отзывы его о Гиппонѣ, Мелиссѣ, даже Ксенофанѣ. Въ Phys. I, 6 онъ даже отдаетъ явное предпочтеніе принимавшимъ вообще τὸ μεταξὺ ὕδατος καὶ πυρός (то-есть, оба среднія) передъ другими монистами на томъ основаніи, что принципы послѣднихъ сплетены съ противоположностями, и это одобреніе должно относиться къ простому среднему еще въ большей степени, чѣмъ къ составному, потому что по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія самого Аристотеля объединеніе противоположностей въ τὸ μεταξὺ должно давать среднюю качественность, стоящую, по его мнѣнію, все же въ относительной противоположности къ обѣимъ крайнимъ. И если мы при своей оцѣнкѣ взглядовъ философскихъ стали бы руководиться не извѣстностью или безвѣстностью мыслителей, высказывавшихъ ихъ, а научнымъ значеніемъ самыхъ этихъ взглядовъ, то признаніе началомъ простаго средняго между стихіями бытія едва ли покажется намъ ничтожнымъ. Имъ уравнивалось достоинство фактически данныхъ стихій по крайней мѣрѣ съ стороны ихъ происхожденія: всѣ онѣ одинаково оказывались вторичнымъ, производнымъ бытіемъ. Въ мыслителѣ, который говорилъ объ этомъ началѣ, нельзя не признать способности, при уясненіи послѣднихъ основаній бытія, отрѣшаться отъ чувственно конкретныхъ представленій, и при составленіи понятія объ единой сущности разнообразнаго вещества полнѣе обстригировать специфическія свойства этого разнообразнаго бытія. Среднее между стихіями вещество, чуждое ихъ противоположныхъ качественностей, есть въ существѣ дѣла общее или родовое понятіе стихіи, поставленное только какъ предметъ способный къ обособленному существованію въ мірѣ чувственномъ; по первому своему признаку то-есть, по близости къ родовому понятію стихіи, оно все же родственно Аристотелеву понятію объ ὕλη [1]), поэтому-то онъ, какъ было уже сказано, и останавливаетъ на немъ особое вниманіе, когда хочетъ указать отличіе своего собственнаго понятія отъ мнѣній другихъ; поэтому-то для яснаго и вполнѣ опредѣленнаго отличенія своего взгляда на субстратъ отъ этого ученія о простомъ среднемъ онъ ставитъ только одинъ признакъ—признаваемую имъ самимъ неспособность ὕλη къ обособленному существованію, вѣчное соединеніе ея съ качественностями какъ субстрата этихъ качественностей [1]). И то основаніе, которое приводилось въ пользу чуждаго противоположностей простаго начала, именно мысль, что безконечное, имѣющее ту или другую изъ противоположныхъ качественностей, не допуститъ существованія качественности, себѣ противоположной, имѣло безспорно большее значеніе въ глазахъ Аристотеля: на него, какъ мы уже видѣли, онъ самъ ссылается при опроверженіи безконечнаго, имѣющаго составную природу, одна изъ частей которой была бы безконечна. Ясно, что философъ, говорившій о простомъ среднемъ началѣ, никакъ не можетъ быть названъ на столько ничтожнымъ мыслителемъ, чтобы можно было признать дѣломъ вполнѣ естественнымъ совершенную утрату даже имени его въ исторической традиціи, которая сохранила намъ не мало именъ дѣйствительно ничтожныхъ мыслителей.

Черты, которыми отличалось его ученіе, довольно опредѣленно, по видимому, указываютъ на періодъ, къ которому относится его жизнь. Выше мы уже сказали, что основаніе, которое приводилъ онъ противъ безконечности какой-либо изъ стихій, плохо мирится съ вѣкомъ гилозоизма; на позднѣйшее время указываетъ и слишкомъ абстрактное представленіе о веществѣ чуждомъ тѣхъ противоположныхъ качественностей, которыя для древнихъ состав-

[1]) Gen. et. corr. I. F. 324, b. 6—7: τὴν μὲν γὰρ ὕλην λέγομεν ὁμοίως ὡς εἰπεῖν τὴν αὐτὴν εἶναι τῶν ἀντικειμένων ὁποτερουοῦν, ὥσπερ γένος ὄν.

[1]) Ibid. II. 1. 329, a. 24—26: ἡμεῖς δὲ φαμὲν μὲν εἶναί τινα ὕλην τῶν σωμάτων τῶν αἰσθητῶν, ἀλλὰ ταύτην οὐ χωριστὴν ἀλλ' ἀεὶ μετ' ἐναντιώσεως, ἐξ ἧς γίνεται τὰ καλούμενα στοιχεῖα. Если въ Metaph. I, 8, 989, b., см. выше, онъ ставитъ особенно на видъ Анаксагорово вещество какъ ближайшее къ ученію о томъ же предметѣ позднѣйшихъ (а вмѣстѣ и къ своему собственному), то это, конечно, на томъ основаніи, что *при послѣдовательномъ проведеніи* Анаксагорова ученія о веществѣ (а не въ томъ видѣ, какъ развивалось оно самимъ Анаксагоромъ), абстракція должна была идти далѣе: ученіе о простомъ среднемъ веществѣ, отрицая въ немъ противоположности, которыми всего болѣе характеризовалось тѣло въ представленіи древнихъ, оставляло за нимъ извѣстную степень плотности, вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, протяженность и, будетъ ли то сознательно или несознательно, способность противодѣйствовать внѣшнему напору и давленію; вещество же Анаксагора въ идеализированномъ Аристотелевомъ пониманіи οὔτε γὰρ ποιόν τι οἷόν τε αὐτὸ εἶναι οὔτε ποσὸν οὔτε τι..... τὸ ἀόριστον πρὶν ὁρισθῆναι καὶ μετασχεῖν εἴδους τινός.

ляли существенные признаки тѣлеснаго бытія, а еще болѣе — близость этого представленія къ Платоно-Аристотелеву ученію о веществѣ, для котораго, оно, по видимому, представляетъ естественную переходную ступень отъ представленія вещества древними, то-есть, отъ отожествленія вещества или съ одною изъ стихій, или съ объединеніемъ ихъ, будетъ ли то въ смыслѣ Анаксимандра или Эмпедокла и Анаксагора. Есть еще и особыя основанія предполагать, что мы имѣемъ дѣло съ философомъ, слѣдовавшимъ уже за Эмпедокломъ и Анаксагоромъ. На это время указываетъ сложившееся уже ученіе о стихіяхъ, которое, какъ выше было сказано, предполагается приводимымъ у Аристотеля доказательствомъ его ученія. Еще рѣшительнѣе указываетъ на то же время то отношеніе, въ которомъ должно было стоять это ученіе о простомъ, особомъ отъ стихій, веществѣ къ Анаксагорову ученію о смѣшеніи. Что оно совершенно естественно могло выродиться изъ критики послѣдняго,—это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Аристотель, какъ мы видѣли, сводитъ Анаксагорово понятіе о смѣшеніи къ понятію безусловно неопредѣленнаго вещества, къ своему понятію ὕλη. Почему предшествующій ему мыслитель, не достигшій той высшей ступени абстракціи, на которой стоитъ Аристотель, не могъ бы сводить тоже понятіе о смѣшеніи къ понятію вещества чуждаго противоположныхъ качественностей? Понятіе о смѣшеніи въ первый разъ въ системахъ Анаксагора и Эмпедокла явилось въ качествѣ одного изъ важнѣйшихъ философскихъ понятій и было заимствовано изъ мысли обыденной, не критической. Удивительно ли, что при первой же попыткѣ анализа оно должно было обнаружить противорѣчія, въ немъ заключающіяся? И не было никакой нужды въ критическомъ талантѣ Аристотеля для того, чтобы всплыли наружу эти противорѣчія. Аристотель самъ извѣщаетъ насъ, что понятіе смѣшенія подвергалось уже критикѣ до него [1]). Критика эта говорила, что смѣшеніе разнообразнаго есть понятіе невозможное: если части разнообразнаго послѣ смѣшенія сохраняютъ свои качественности, то состояніе смѣшенія ничѣмъ не будетъ отличаться отъ состоянія не смѣшанности; если же разнообразное при смѣшеніи переходитъ въ иное

---

[1]) Gen. et corr. I. 10. 327. a. кон.: ἀδύνατον γάρ ἐστι μιχθῆναί τι ἕτερον ἑτέρῳ καθάπερ λέγουσί τινες· ὄντων μὲν γὰρ ἔτι τῶν μιχθέντων καὶ μὴ ἠλλοιωμένων οὐδὲν μᾶλλον νῦν μεμῖχθαί φασιν ἢ πρότερον, ἀλλ' ὁμοίως ἔχειν, θατέρου δὲ φθαρέντος οὐ μεμῖχθαι, ἀλλὰ τὸ μὲν εἶναι τὸ δ' οὐκ εἶναι, τὴν δὲ μίξιν ὁμοίως ἐχόντων εἶναι· τὸν αὐτὸν δὲ τρόπον κἂν εἰ ἀμφοτέρων συνελθόντων ἔφθαρται τῶν μιγνυμένων ἑκάτερον· οὐ γὰρ εἶναι μεμιγμένα τά γε ὅλως οὐκ ὄντα.

бытіе, то на дѣлѣ будетъ существовать это лишь послѣднее, а разнообразное уже не существуетъ, а слѣдовательно, и смѣси какъ смѣси въ наличности опять не будетъ. Кому бы ни принадлежала эта критика понятія смѣшенія [1]), она могла сдѣлаться извѣстною позднѣйшимъ физикамъ и въ такомъ случаѣ должна была, совершенно естественно, перевести у кого-либо изъ нихъ Анаксагорово понятіе смѣшенія, въ которомъ ничто не должно было выдѣляться по своей качественности, въ понятіе единаго простаго чуждаго противоположностей бытія. Но, на оборотъ, было бы совершенно невѣроятно предположить, чтобы Анаксагоръ остановился на своемъ двусмысленномъ понятіи о смѣшеніи, еслибы уже ранѣе его была высказана мысль о простомъ бытіи такого рода. Анаксагоръ могъ имѣть позади себя Анаксимандра съ его единымъ безконечнымъ, заключающимъ въ себѣ разнообразное. Такъ какъ яснаго различенія (сдѣланнаго лишь позднѣе Аристотелемъ) между потенціальнымъ и актуальнымъ существованіемъ быть въ то время не могло, то Анаксимандрово понятіе фактически даннаго однороднаго бытія, въ которомъ тѣмъ не менѣе предполагалось какимъ-то образомъ существующимъ или заключающимся разнородное, должно было казаться явно противорѣчивымъ и вызывать нужду поставить иначе разнородное, если считается желательнымъ сохранить мысль о его предсуществованіи въ первоначальномъ бытіи. Понятіе о смѣшеніи разнороднаго могло казаться подходящимъ для этой цѣли: оно давало дѣйствительную реальность разнообразному, и не примиримое, какъ казалось, съ этимъ разнообразіемъ понятіе единаго безконечнаго замѣняло понятіемъ нераздѣльности, слитности существованія этого разнообразнаго, не дѣлая изъ него прямо одной природы; въ то же самое время оно оставляло для міробразовательнаго процесса почти ту же задачу—превратить эту нераздѣльность или слитность существованія въ бытіе раздѣльное, обособившееся [2]). Такимъ образомъ Анаксагорово понятіе о

---

[1]) Прантль въ своемъ изданіи П. γεν. κ. φθ. въ примѣчаніи къ цитованному мѣсту относитъ эту критику понятія смѣшенія къ позднѣйшимъ элеатамъ и именно къ Зенону, или къ старшимъ Мегарцамъ. Первое изъ этихъ предположеній вполнѣ подходило бы къ высказываемому здѣсь взгляду: критика Зенона который немного моложе Анаксагора, могла касаться и Анаксагоровыхъ понятій и влiять на позднѣйшихъ физиковъ.

[2]) Эмпедоклъ и въ этомъ вопросѣ, какъ и во многихъ другихъ, обнаруживаетъ слабость своего философскаго таланта: давая субстанціальность разнообразному, онъ не перестаетъ въ то же время говорить объ единомъ, въ которомъ оно соединяется, никакъ не ослабляя, а дѣлая еще ярче то противорѣчіе, которое должно было обнаружиться у Анаксимандра.

рѣшеніи могло даже явиться въ качествѣ необходимой поправки къ Анаксимандрову понятію о безконечномъ, такъ какъ мысль о нераздѣльномъ, слитномъ существованіи разнообразнаго, имѣющаго субстанціальное бытіе, заключаетъ въ себѣ противорѣчіе все же менѣе очевидное, чѣмъ мысль объ однородной природѣ, выдѣляющей изъ себя разнородное. Другое дѣло представленіе о простомъ, чуждомъ противоположностей бытіи: оно должно было сдѣлать ясными неопредѣленность и противорѣчіе, заключающіяся въ самомъ Анаксагоровомъ понятіи о смѣшеніи. Это смѣшеніе въ одно и то же время и содержало въ себѣ разнородныя качественности, такъ какъ онѣ считались вѣчными и неизмѣнными, и не содержало ихъ, такъ какъ въ смѣшеніи онѣ признавались еще не выдѣлившимися, не обособившимися другъ отъ друга; оно было, слѣдовательно, въ одно и то же время и качественно опредѣленнымъ бытіемъ, такъ какъ полно было самаго разнообразнаго содержанія, и безусловно неопредѣленнымъ бытіемъ, такъ какъ въ дѣйствительности въ немъ не оказывалось ни одной качественности. И мы не видимъ у Анаксагора никакой попытки, никакого стремленія къ указанію выхода изъ этихъ противорѣчій. Все, что̀ даетъ онъ, ограничивается понятіемъ невыдѣленности качественностей. Но что̀ разумѣть подъ этою невыдѣленностью? Идетъ ли рѣчь о невыдѣленности только для зрителя вслѣдствіе ничтожности частицъ, на которыя дробится смѣшанное, тогда какъ все само въ себѣ опредѣлено? Но еслибы ясно было, что ученіе Анаксагора таково именно и есть, то Аристотель не могъ бы утверждать, что Анаксагоръ хочетъ сказать, что все само въ себѣ было безусловно неопредѣленно. Подразумѣвалась ли въ самомъ дѣлѣ подъ невыдѣленностью безусловная неопредѣленность всего самого въ себѣ, въ самомъ своемъ бытіи? Но въ такомъ случаѣ какъ можно было говорить о вѣчности и неизмѣнности всего, совсѣмъ не объясняя, въ какомъ смыслѣ можно приписывать эту вѣчность и неизмѣнность существованія тѣмъ качественностямъ, которыя оказываются рѣшительно не данными въ ихъ различіи другъ отъ друга? Ясно, что понятіе невыдѣленности поставлено было смутно въ его сознаніи, безъ раздѣльнаго представленія признаковъ, которые даны въ этомъ понятіи. Этого-то именно не могло бы случиться, еслибы уже до него было выработано понятіе о простомъ чуждомъ противоположностей бытіи. Послѣднее необходимо сопоставлялось бы тогда въ его мышленіи съ его понятіемъ о смѣшеніи, и это сопоставленіе не могло бы не вызывать въ немъ потребности точнѣе уяснить себѣ то, что̀ называетъ онъ общею невыдѣленностью качественностей, которая вѣдь

также превращала всю эту смѣсь во что-то единое и неопредѣленное, подобно тому какъ въ подобное же неопредѣленное бытіе превращало стихію лишеніе качественностей противоположныхъ качественностямъ другихъ стихій; его понятіе о невыдѣленности качественностей въ смѣси должно было бы въ такомъ случаѣ носить на себѣ явные слѣды отличія своего отъ неопредѣленности единаго и простаго бытія. Въ какомъ направленіи пошла бы мысль Анаксагора при такомъ различеніи смѣшенія отъ чуждаго противоположностей вещества, мы этого не знаемъ; можетъ быть, мы имѣли бы тогда качественный атомизмъ въ различіе отъ геометрическаго атомизма Левкиппа, то-есть, можетъ быть, Анаксагорово смѣшеніе превратилось бы въ хаотическое соединеніе качественно отличныхъ другъ отъ друга атомовъ, а изъ невыдѣленности вышла бы простая недоступность качественностей этихъ атомовъ человѣческому воспріятію вслѣдствіе незначительности ихъ объема и разсѣянности однородныхъ атомовъ между неоднородными; можетъ быть, его геній отличилъ бы фактическую неопредѣленность вещества отъ потенціальной его опредѣленности, и поэтому изъ его смѣси въ различіе отъ простаго чуждаго противоположностей бытія развилось бы понятіе фактически единаго, но потенціально разнообразнаго бытія, нѣчто въ родѣ Аристотелевой ὕλη; можетъ быть, какое-нибудь иное направленіе приняла бы его мысль; но рѣшительно не возможно, чтобы тогда его смѣшеніе не давало никакого отвѣта на вопросъ, чѣмъ его невыдѣленность отличается отъ простой неопредѣленности единаго вещества.

Дошедшія до насъ извѣстія древности говорятъ о двухъ физикахъ, младшихъ сравнительно съ Анаксагоромъ, которые, правда, судя по извѣстіямъ о нихъ, къ выдающимся мыслителямъ не относились, однако и не считались, очевидно, совершенно ничтожными мыслителями. Это были Діогенъ Аполлонійскій и Архелай, котораго называютъ ученикомъ Анаксагора. Мнѣніе Николая Дамаскена и Порфирія о томъ, что ученіе о τὸ μεταξὺ принадлежало первому изъ нихъ, было въ свое время съ достаточною основательностью опровергнуто уже Симпликіемъ [1]), а историко-философскія работы новаго времени ставятъ несостоятельность догадки Дамаскена и Порфирія внѣ всякаго сомнѣнія. Къ Архелаю ученіе о среднемъ веществѣ никто не относилъ, конечно, въ виду рѣшительнаго, повидимому, несоотвѣтствія подобнаго предположенія съ извѣстіями, какія мы имѣемъ о

[1]) Simpl. in Phys. 151. 20—153. 24.

принципахъ Архелая. Тѣмъ не менѣе я рѣшаюсь указать именно на Архелая какъ на представителя ученія о простомъ среднемъ веществѣ.

Если высказанныя выше соображенія доказываютъ, что философъ, принимавшій простое среднее вещество, не считался Аристотелемъ и не былъ дѣйствительно ничтожнымъ мыслителемъ; если поэтому дѣлается мало вѣроятнымъ, чтобы историческое преданіе совсѣмъ не сохранило его имени и какихъ-либо свѣдѣній объ его ученіи, то остается предположить, что эти свѣдѣнія постигла какая-то несчастная историческая случайность, вслѣдствіе которой они дошли до насъ въ слишкомъ искаженномъ видѣ. Внимательно всматриваясь въ свѣдѣнія, какія мы имѣемъ о принципахъ Архелая, мы несомнѣнно можемъ утверждать, что подобную же участь испытали и они. Совершенно справедливо не придаютъ значенія свидѣтельству Епифанія, по которому началомъ всего Архелай считалъ землю [1]), такъ какъ оно не только не согласно со всѣми другими извѣстіями объ Архелаѣ, но и явно противорѣчитъ словамъ Аристотеля [2]), который утверждаетъ, что не было философовъ, признававшихъ землю за единственную стихію, и между началами, принимавшимися физиками-монистами, перечисляетъ лишь огонь, воздухъ и воду. Всѣ остальныя свидѣтельства о началахъ, принимаемыхъ Архелаемъ, можно раздѣлить на три группы. Гипполитъ и Симплицій согласно говорятъ, что Архелай признавалъ тѣ же начала, какія и Анаксагоръ; Гипполитъ упоминаетъ при этомъ о смѣшеніи, Симплицій о гомойомеріяхъ [3]). Въ согласіи съ этими свидѣтельствами комментаторъ Александръ и Августинъ также говорятъ объ гомойомеріяхъ, признаваемыхъ Архелаемъ [4]). Другую группу свидѣтельствъ представляютъ извѣстія Plut.

[1]) Dox. *Diels*. 590. 1—3.

[2]) Metaph. I. 8. 989. a. 5—6.

[3]) Dox. *Diels*. Hippol. 563. 14—17: οὗτος ἔφη τὴν μίξιν τῆς ὕλης ὁμοίως ʼΑναξαγόρᾳ, τάς τε ἀρχὰς ὡσαύτως. Simpl. in Phys. 27. 23—28: καὶ ʼΑρχέλαος ὁ ʼΑθηναῖος.... τὰς ἀρχὰς δὲ τὰς αὐτὰς ἀποδίδωσιν ἅσπερ ʼΑναξαγόρας· οὗτοι μὲν οὖν ἀπείρους τῷ πλήθει καὶ ἀνομογενεῖς τὰς ἀρχὰς λέγουσι, τὰς ὁμοιομερείας τιθέντες ἀρχάς.

[4]) *Zeller*, Phil. d. Griech. 1. 927. № 1: „Alex. Aphr. De mixt. 141. b. m.: Анаксагоръ и Архелай были того мнѣнія ὁμοιομερῆ... τινα ἄπειρα εἶναι σώματα ἐξ ὧν ἡ τῶν αἰσθητῶν γένεσις σωμάτων γινομένη κατὰ σύγκρισιν καὶ σύνθεσιν, поэтому оба причисляются къ тѣмъ, которые считаютъ смѣшеніе за хаотическое соединеніе субстанціально раздѣльныхъ веществъ“. Dox. *Diels*. (August.) 174. 6—9: Anaxagorae successit auditor ejus Archelaus, etiam ipse de particulis inter se similibus, quibus singula quaeque fierent, ita putavit constare omnia, ut inesse etiam mentem diceret, quae corpora aeterna id est illas particulas conjungendo et dissipando ageret omnia.

Plac., Стобэя, Юстина и Секста Эмпирика [1]); всѣ они говорятъ о безконечномъ воздухѣ какъ началѣ всего по Архелаю. Въ отличіе отъ обѣихъ этихъ группъ Діогенъ Лаэртскій и Гермій указываютъ на два начала, и именно Діогенъ—на теплое и сырое, называя ихъ причинами рожденія, Гермій—на теплое и холодное, называя ихъ причинами всего [2]). Два послѣднія извѣстія можно, впрочемъ, растолковать въ такомъ смыслѣ, что они не будутъ стоять въ прямомъ противорѣчіи съ извѣстіями обѣихъ первыхъ группъ. Писатели второй группы говорятъ о происходящихъ, по Архелаю, изъ воздуха огнѣ и водѣ; въ извѣстіи Гипполита также дается значеніе водѣ и огню [3]); а поэтому, если предположить, что у Діогена и Гермія мы встрѣчаемся съ вторичными, а не первичными началами всего по ученію Архелая, то прямое противорѣчіе останется лишь между свидѣтельствами первыхъ двухъ группъ; неясными впрочемъ и въ отношеніи къ извѣстіямъ третьей группы останутся два обстоятельства: вслѣдствіе какихъ причинъ вторичныя, производныя начала заняли въ нихъ не подобающее имъ мѣсто началъ первыхъ, и какія извѣстія точнѣе выражаютъ мысль Архелая о вторичныхъ началахъ, огнѣ и водѣ, тѣ ли, которыя называютъ ихъ теплымъ и холоднымъ, или тѣ, которыя называютъ ихъ теплымъ и сырымъ [4]). Что касается свидѣтельствъ, принадлежащихъ къ обѣимъ первымъ группамъ, то, противорѣча одни другимъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ стоятъ въ противорѣчіи и съ тѣми свѣдѣніями, которыя мы имѣемъ о космогоніи Архелая. По свѣдѣніямъ о космогоническомъ процессѣ, довольно согласно передаваемымъ Гипполитомъ и Діогеномъ Лаэртскимъ, воздухъ у Ар-

[1]) Ibid. 280. 9—13. Plut. Plac. и Stob: ʼΑρχέλαος.... ἀέρα ἄπειρον. То же ibid. ниже изъ Юстина. Sext. Emp. adv. math. IX. 360: καὶ τῶν σώματα φαμένων (τὰ τῶν ὄντων στοιχεῖα) ....ἔλεξε πάντων εἶναι ἀρχὴν καὶ στοιγεῖον.... ʼΑρχέλαος ὁ ʼΑθηναῖος.... ἀέρα.

[2]) Diog. L. 11. 4. 37. 10—11: ἔλεγε (Архелай) δὲ δύο αἰτίας εἶναι γενέσεως, ερμὸν καὶ ὑγρόν. Dox. *Diels*. 653. 26—27. Herm: καὶ μὴν οὐκ εὐδοκομεῖ ʼΑρχέλαος ἀποφαινόμενος τῶν ὅλων ἀρχὰς θερμὸν καὶ ψυχρόν;

[3]) Цит. см. ниже.

[4]) Послѣднее обстоятельство имѣетъ еще и особый интересъ въ виду того, что упоминаніе вскользь Аристотелемъ о признававшихъ за начала сырое и сухое въ Phys. I. 5. 188. b. 33, очевидно, возбуждало недоумѣнія у комментаторовъ; Симплицій, in Phys. 188. 28—33, говоритъ: καὶ τὸ μὲν θερμὸν καὶ ψυχρὸν Παρμενίδης φησί, τὸ δὲ ὑγρὸν καὶ ξηρὸν ʼΑλέξανδρος μὲν ἤτοι αὐτόν φησι εἰρηκέναι τὸν τὸ θερμὸν καὶ ψυχρὸν εἰπόντα ἢ ʼΕμπεδοκλέα πρὸς τῷ νείκει καὶ τῇ φιλίᾳ τὰ τέτταρα ἀρχὰς θέμενον. ὁ μέντοι Πορφύριος οἰκειότερον εἰς ʼΑναξιμένην (по Philop. in Phys. 125 27—28: Ξενοφάνην) τὴν δόξαν ἀνέπεμψε ταύτην εἰπόντα.

хелая возникалъ изъ воды [1]); въ такомъ случаѣ, конечно, началомъ онъ быть не могъ. Еще рѣшительнѣе свѣдѣнія о космогоническихъ взглядахъ Архелая противорѣчатъ извѣстію о значеніи у него смѣшенія. Принимать первоначальное вещество за смѣшеніе разнообразныхъ качественностей, подобно Анаксагору, значитъ считать эти качественности непроизводными; отсюда мірообразовательный процессъ необходимо становится процессомъ выдѣленія изъ смѣшенія существующихъ въ немъ качественностей. Гипполитъ дѣйствительно, по видимому, говоритъ объ отдѣленіи у Архелая другъ отъ друга тепла и холода [2]). Но, вопервыхъ, писатели второй группы ясно и рѣшительно называютъ огонь и воду, то-есть, первое возникающее бытіе, которое должно соотвѣтствовать теплу и холоду этого извѣстія Гипполита, разрѣженіемъ и уплотненіемъ первичнаго вещества [3]); вовторыхъ, въ описаніи происхожденія земли и воздуха, которое даетъ самъ Гипполитъ а также и Діогенъ, ни понятія ἐκκρίνεσθαι, ни какихъ-либо другихъ соотвѣтствующихъ ему понятій совершенно нѣтъ; здѣсь, на оборотъ, идетъ рѣчь о расплавленіи тепломъ или огнемъ (τηκόμενον, ἀποκαιόμενον, κατακαιόμενον), то-есть, о чисто качественномъ измѣненіи, а у Діогена обусловливаемый этимъ измѣненіемъ самый процессъ перехода воды въ воздухъ характеризуется какъ растеченіе воды во всѣ стороны (περιρρεῖ), слѣдовательно, какъ разрѣженіе ея, а переходъ ея въ землю какъ тѣснѣйшее соединеніе ея, сплотненіе (συνίσταται). Наконецъ, втретьихъ, фраза, въ которой говорится у Гипполита объ отдѣленіи другъ отъ друга тепла и холода, лишена грамматическаго смысла, она, слѣдовательно, несомнѣнно, искажена; о свидѣтельствѣ же такого рода, особенно когда оно не согласуется съ подробностями космогоническаго процесса, имъ же самимъ сообщаемыми, всегда законенъ вопросъ: проблематически даваемый ему смыслъ, какъ бы онъ ни казался вѣроятнымъ по самому тексту, отвѣчаетъ ли все же дѣйствительно его первоначальному смыслу? Изъ всего этого ясно, что извѣстія, какія мы имѣемъ о началахъ, принимаемыхъ Архелаемъ, испытали

[1]) Dox. *Diels*. 563. 18—20. Hipp: Τηκόμενον δὲ τὸ ὕδωρ εἰς μέσον ρεῖν, ἐν ᾧ (καὶ) κατακαιόμενον ἀέρα γίνεσθαι καὶ γῆν. Diog. L. II. 4. 37. 14—16: τηκόμενόν φησι (Архелай) τὸ ὕδωρ ὑπὸ τοῦ θερμοῦ, καθὸ μὲν εἰς τὸ πυρῶδες συνίσταται, ποιεῖν γῆν· καθὸ δὲ περιρρεῖ, ἀέρα γεννᾶν. Этотъ же взглядъ, какъ мы видѣли выше имѣется въ виду и Аристотелемъ въ Meteor. II. 2.

[2]) Dox. *Diels*. 563. 16—17. Hipp: εἶναι δ' ἀρχὰς τῆς κινήσεως ἀποκρίνεσθαι ἀπ' ἀλλήλων τὸ θερμὸν καὶ τὸ ψυχρόν.

[3]) Въ Plut. Plac., у Стобэя и Юстина къ цитованнымъ выше словамъ прибавлено: καὶ τὴν περὶ αὐτὸν (ἀέρα) πυκνότητα καὶ μάνωσιν· τούτων δὲ τὸ μὲν πῦρ τὸ δὲ ὕδωρ.

какую-то печальную судьбу, и положиться на нихъ при установкѣ его ученія нельзя.

Сравнительно наиболѣе твердый пунктъ въ разнорѣчивыхъ извѣстіяхъ о философіи Архелая представляетъ послѣдовательное проведеніе теоріи разрѣженія и уплотненія въ важнѣйшихъ моментахъ космогоническаго процесса. Во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія фактъ, что на нее указываютъ извѣстія всѣхъ группъ иногда даже въ явное противорѣчіе съ тѣми началами, которыя они усвояютъ Архелаю. Plut. Plac. и другіе писатели той же группы прямо говорятъ объ огнѣ и водѣ какъ разрѣженіи и уплотненіи начала. Важнѣйшіе представители первой и третьей группъ Гипполитъ и Діогенъ описываютъ происхожденіе земли и воздуха такъ, что теорія выдѣленія прямо не подходитъ къ описанію; послѣднее, на оборотъ, ясно говоритъ о качественномъ измѣненіи, о разрѣженіи и уплотненіи. Симплицій, который о принципахъ Архелая говоритъ почти тѣми же словами, какъ и Гипполитъ, слѣдовательно, черпаетъ изъ источника близко родственнаго источнику, которымъ пользовался Гипполитъ, не только вполнѣ умалчиваетъ о выдѣленіи, но тутъ же употребляетъ такую фразу, которая какъ будто бы наводитъ на мысль о признаніи Архелаемъ теоріи противоположной теоріи выдѣленія. Онъ говоритъ, что въ ученіи о происхожденіи міра и въ остальномъ Архелай отличался отъ Анаксагора [1]); въ виду рѣшительнаго несогласія описаній космогоническихъ процессовъ съ теоріей выдѣленія невольно возникаетъ вопросъ: чтó разумѣетъ въ этихъ словахъ Симплицій подъ отличіемъ ученія Архелая отъ Анаксагорова ученія о происхожденіи міра, только ли детали мірообразовательнаго процесса или и самый способъ происхожденія разнообразнаго изъ первооснованія? Еслибы дѣло шло только о деталяхъ мірообразовательнаго процесса, почему бы Симплицію не ограничиться однимъ выраженіемъ ἐν τοῖς ἄλλοις? По крайней мѣрѣ когда онъ сообщаетъ и въ совершенно подобной же фразѣ о различіи Метродора отъ Демокрита, онъ ограничивается словами περὶ τῶν ἄλλων [2]), хотя въ подробностяхъ мірообразовательнаго процесса ученіе Метродора не мало отличалось отъ Демокритова. Еслибы мы захотѣли сдѣлать выводъ относительно началъ, принимаемыхъ Архелаемъ, на основаніи извѣстій объ ученіи его о происхожденіи остальнаго бытія, которыя по крайней мѣрѣ въ сво-

[1]) Simpl. in Phys. 27. 23—25: καὶ 'Αρχέλαος ὁ 'Αθηναῖος ....ἐν μὲν τῇ γενέσει τοῦ κόσμου καὶ τοῖς ἄλλοις πειρᾶταί τι φέρειν ἴδιον, τὰς ἀρχὰς δὲ κτλ., см. выше.

[2]) Ibid. 28. 27—30: καὶ Μητρόδωρος δὲ ὁ Χῖος ἀρχὰς σχεδόν τι τὰς αὐτὰς τοῖς περὶ Δημόκριτον ποιεῖ.... περὶ δὲ τῶν ἄλλων ἰδίαν τινὰ ποιεῖται τὴν μέθοδον·

ихъ общихъ чертахъ представляютъ болѣе согласія и, слѣдовательно, все же болѣе надежны, чѣмъ противорѣчащія имъ и другъ другу извѣстія о самихъ началахъ, то мы должны были бы разсуждать слѣдующимъ образомъ. Кто послѣдовательно проводитъ теорію уплотненія и разрѣженія въ космогоническомъ процессѣ, тотъ долженъ признавать принципомъ одно вещество, а не смѣшеніе разнороднаго. О предположеніи, что разнородныя качественности искони существуютъ, не можетъ быть и рѣчи, если считается возможнымъ и описывается происхожденіе ихъ чрезъ качественное измѣненіе. Если, далѣе, первыми произведеніями изъ первоначальнаго вещества признаются огонь и вода, и первый считается утонченіемъ, а вторая уплотненіемъ первичнаго вещества, то само оно, несомнѣнно, должно было быть плотнѣе огня и тоньше воды. Изъ четырехъ стихій есть стихія, которая занимаетъ по своей плотности промежуточное положеніе между огнемъ и водою, это воздухъ. Но въ Архелаевой космогоніи воздухъ происходилъ изъ взаимодѣйствія первыхъ порожденій начала, огня и воды, слѣдовательно, началомъ быть не могъ; отсюда слѣдуетъ, что само начало по своей плотности должно было занимать промежуточное мѣсто или между огнемъ и воздухомъ, или между воздухомъ и водою. Разнорѣчіе въ терминахъ, которыми обозначаются первыя возникшія изъ начала качественности то какъ теплое и холодное, то какъ теплое и сырое, очевидное продолженіе той спутанности, которую видѣли мы въ извѣстіяхъ о самомъ началѣ, затрудняютъ и рѣшеніе въ одну сторону вопроса о томъ, какое именно среднее между стихіями вещество должно было подразумѣваться Архелаемъ. Но среди этой сбивчивости опять есть пунктъ довольно опредѣленный. Сказавъ о происхожденіи воздуха и земли, Гипполитъ продолжаетъ: первый стремится вверхъ, послѣдняя становится подъ нимъ, внизу [1]). Но понятно само собою, и изъ Аристотеля мы знаемъ [2]), что за безконечное вещество, которое должно было распространяться безпредѣльно во всѣ стороны, признавали только такое вещество, которому не усвоялось стремленія вверхъ или внизъ. Если самъ воздухъ, по Архелаю, несется вверхъ, то и среднее по плотности вещество между нимъ и огнемъ, должно было бы также стремиться вверхъ, какъ болѣе тонкое сравнительно съ нимъ, и, слѣдо-

---

[1]) Dox. *Diels.* 563, 19—20. Hippol.: ἀέρα γίνεσθαι καὶ γῆν, ὧν τὸν μὲν ἄνω φέρεσθαι, τὴν δὲ ὑφίστασθαι κάτω. Это, какъ мы видѣли выше, отвѣчаетъ въ Arist. Meteor. II, 2 расширенію неба.

[2]) Arist. Phys. III, 5, 205, a 25—29.

вательно, началомъ оно также быть не могло [1]). Такъ, если опираться на космогоническіе взгляды Архелая, нужно, по видимому, придти къ выводу, что началомъ онъ считалъ промежуточное вещество между воздухомъ и водою, то-есть, упоминаемое Аристотелемъ простое вещество, особое отъ стихій. Можно указать на два обстоятельства, благопріятствующія этому выводу. Если мы сличимъ космологическій взглядъ Архелая съ подобнымъ же взглядомъ коголибо изъ другихъ древнихъ философовъ, напримѣръ, Анаксимандра, къ которому обыкновенно относятъ ученіе о простомъ, особомъ отъ стихій веществѣ, то увидимъ, что у перваго на первый планъ выступаетъ борьба стихій, огня и воды, такъ что у Гипполита очень мѣтко мірообразовательный процессъ, въ которомъ расплавленіе и раскаленіе играютъ первенствующую роль, называется πύρωσις [2]). Подобный взглядъ во всякомъ случаѣ очень хорошо подходилъ бы къ философу, который, по извѣстію Аристотеля, на разрушительныя дѣйствія стихій другъ въ отношеніи къ другу смотрѣлъ какъ на доказательство невозможности какую-либо изъ нихъ признать безконечною. Другое обстоятельство, которое можетъ также говорить въ пользу отожествленія Архелая съ философомъ, признававшимъ простое особое отъ стихій вещество, состоитъ въ томъ, что при такомъ пониманіи Архелаева взгляда само собою разрѣшается другое давнее историческое затрудненіе. Всегда казалось удивительнымъ, что Аристотель нигдѣ не упоминаетъ объ ученіи Архелая. Выше мы уже видѣли, что въ Meteor. II. 2 Аристотель имѣетъ въ виду космогонію Архелая; теперь приходимъ къ заключенію, что, если судить объ его

---

[1]) Ученіе объ образованіи стихій по двѣ одновременно, сначала огня и воды, потомъ воздуха и земли, также, по видимому, предполагаетъ отнесеніе воздуха къ стихіямъ тонкимъ: естественно, что сгущенію, сплотненію одной части начала, соотвѣтствуетъ разрѣженіе, уплотненіе другой. Съ этимъ согласно также и то, что Архелай, очевидно, тончайшему усвояетъ значеніе активнаго начала; какъ это видно на значеніи теплаго или огня въ міробразовательномъ процессѣ, но воздухъ, несомнѣнно, относился у него къ дѣятельнымъ началамъ; по Стобэю. Dox. *Diels.* 387: Ἀρχέλαος (τὴν ψυχὴν) ἀερώδη. По Діог. Л. 37, 16—17: ἡ μὲν (ἡ γῆ) ὑπὸ τοῦ ἀέρος, ὁ δὲ (ὁ ἀήρ) ὑπὸ τῆς τοῦ πυρὸς περιφορᾶς κρατεῖται. Отсюда же вышло, конечно, и неточное извѣстіе Стобэя Dox. *Diels.* 302. 9—10: Ἀρχέλαος ἀέρα καὶ νοῦν τὸν θεὸν οὐ μέντου κοσμοποιὸν τὸν νοῦν.

[2]) Dox. *Diels.* 563, 20—22. Hippol.: τὴν μὲν οὖν γῆν... κεῖσθαι δ' ἐν μέσῳ οὐδὲν μέρος οὖσαν, ὡς εἰπεῖν, τοῦ παντός, ἐκδεδομένον ἐκ τῆς πυρώσεως. Интересно передаваемое Стобэемъ объясненіе Архелая τῶν βροντῶν, ἀστραπῶν и пр. Ibid. 368, 22—24: Ἀρχέλαος ταὐτὸ λέγει παρατιθεὶς τὸ τῶν διαπύρων λίθων καθιεμένων εἰς ψυχρὸν ὕδωρ πάθος, такъ что и здѣсь исходнымъ пунктомъ при объясненіи берется явленіе, которое представляетъ борьбу противоположныхъ свойствъ.

ученіи о началахъ по извѣстіямъ о космогоническомъ процессѣ, то оказывается, что Аристотель обращаетъ вниманіе и на его метафизическіе взгляды соотвѣтственно тому значенію, какое придаетъ этимъ взглядамъ.

Однако что же мы станемъ дѣлать съ прямыми извѣстіями о началахъ, принимаемыхъ Архелаемъ? Пусть на нихъ нельзя положиться вслѣдствіе ихъ взаимнаго противорѣчія и вслѣдствіе несогласія ихъ съ извѣстіями о важнѣйшихъ космогоническихъ его взглядахъ; тѣмъ не менѣе въ концѣ концовъ они идутъ несомнѣнно изъ тѣхъ же самыхъ источниковъ, изъ которыхъ идутъ и свѣдѣнія объ его космогоническомъ ученіи, а поэтому, и сами по себѣ представляя любопытную загадку, въ то же время стоятъ на пути къ твердымъ выводамъ изъ послѣднихъ. Попробуемъ всмотрѣться въ нихъ повнимательнѣе. Дильсъ разъясняетъ важное значеніе тѣхъ главъ Philosophum. Гипполита, къ числу которыхъ относится и глава объ Архелаѣ. Совершенно вѣрно видитъ онъ въ тожественныхъ выраженіяхъ Гипполита и Симплиція о началахъ Архелая фрагментъ изъ Θеофраста. Мнѣ кажется, можно идти далѣе и указать то мѣсто въ сочиненіи Θеофраста, откуда ведутъ свое происхожденіе эти выраженія. Симплицій передаетъ извѣстную выписку изъ Θеофраста, въ которой сопоставляются Анаксагоръ съ Анаксимандромъ и съ которою намъ еще придется имѣть дѣло. Тожественныя выраженія Симплиція и Гипполита о принципахъ Архелая должны были слѣдовать у Θеофраста тотчасъ же за этимъ мѣстомъ. На это указываютъ слѣдующія три обстоятельства. 1) Симплицій сейчасъ же за этою выпиской говоритъ: καὶ 'Αρχέλαος и т. д., употребляя здѣсь и общія у него съ Гипполитомъ выраженія объ Архелаѣ. 2) Выписка оканчивается сведеніемъ μῖξις Анаксагора къ μία φύσις ἀόριστος κατ' εἶδος καὶ κατὰ μέγεθος, изъ чего выводится, что онъ принималъ δύο τὰς ἀρχάς и, слѣдовательно, вещественную стихію представлялъ сходно съ Анаксимандромъ. Гипполитъ разъясненіе принциповъ Архелая начинаетъ тѣмъ же понятіемъ μῖξις, за которымъ слѣдуетъ и ἀρχαί, и самое разъясненіе имѣетъ смыслъ также отожествленія но уже Архелаевыхъ принциповъ съ Анаксагоровыми; на понятіи μῖξις основано было у Θеофраста сближеніе Анаксагора съ Анаксимандромъ; совершенно естественно, что это понятіе тотчасъ же и употреблено было въ качествѣ исходнаго пункта для новаго сближенія Анаксагора съ Архелаемъ, и слѣдъ этого остался на фразѣ Гипполита, начинающаго съ μῖξις; вѣрность этого послѣдняго соображенія подтверждается и тѣмъ, что при изложеніи Гипполитомъ Анаксагорова ученія, непо-

средственно предшествующемъ у него изложенію Архелаева ученія, слово μῖξις не употреблено ни одного разу. Наконецъ, 3) Климентъ Александрійскій, перечисливъ и подвергнувъ критикѣ взгляды философовъ, признававшихъ за начала стихіи, продолжаетъ: τῶν δὲ ἄλλων φιλοσόφων ὅσοι δὲ στοιχεῖα ὑπερβάντες ἐπολυπραγμόνησάν τι ὑψυλότερον καὶ περιττότερον οἱ μὲν αὐτῶν τὸ ἄπειρον καθύμνησαν и перечисляетъ здѣсь Анаксимандра, Анаксагора и Архелая [1]). Ясно, что въ древнемъ источникѣ, изъ котораго заимствуетъ эти историко-философскія свѣдѣнія Климентъ, въ противоположность философамъ, говорившимъ объ опредѣленныхъ стихіяхъ, сопоставлялись Анаксимандръ, Анаксагоръ и Архелай, которымъ усвоялось ученіе о началѣ безконечномъ и отличномъ отъ стихій, которое могло обозначаться просто τὸ ἄπειρον; но Симплиціева выписка изъ Θеофраста содержитъ подобное же по существу сопоставленіе ученій о веществѣ Анаксагора и Анаксимандра, гдѣ недостаетъ только упоминанія объ Архелаѣ, которое Симплицій тотчасъ же дѣлаетъ отъ своего лица, отожествляя, какъ и Гипполитъ, его начала съ Анаксагоровыми, такъ что едва ли можно сомнѣваться, что первымъ образцомъ для сопоставленія всѣхъ трехъ философовъ служило это мѣсто Θеофраста въ его цѣльномъ видѣ, и изъ него оно перешло въ тотъ источникъ, которымъ пользовался Климентъ. Установивъ этотъ пунктъ, обратимся теперь къ свидѣтельству Гипполита. Оно для насъ цѣннѣе Симплиціева свидѣтельства и по тому, что оно полнѣе его, и по тому, что Гипполитъ обращается къ источнику, изъ котораго обильно черпаетъ историко-философскія свѣдѣнія, никакъ не для философски экзегетическихъ цѣлей, какъ Симплицій, или второе лицо, у котораго Симплицій заимствуетъ, а для цѣлей христіански-апологетическихъ; ему нѣтъ никакой нужды добираться до точнаго смысла того или другаго извѣстія, нѣтъ нужды опускать то, что показалось бы страннымъ или непонятнымъ, перетолковывать или исправлять текстъ, если онъ даже замѣтилъ бы въ немъ что-нибудь возбуждающее недоумѣніе; онъ прямо передаетъ то, что можетъ прочесть. И онъ передаетъ въ дѣйствительности вотъ что: οὗτος (Архелай) ἔφη τὴν μῖξιν τῆς ὕλης ὁμοίως 'Αναξαγόρᾳ τάς τε ἀρχὰς ὡσαύτως· οὗτος δὲ τῷ νῷ ἐνυπάρχειν τι εὐθέως μῖγμα, εἶναι δ' ἀρχὰς τῆς κινήσεως ἀποκρίνεσθαι ἀπ' ἀλλήλων τὸ θερμὸν καὶ τὸ ψυχρόν. Каждое изъ трехъ этихъ предложеній способно возбудить недоумѣніе. Никто не сомнѣвается, что послѣднее предложеніе лишено грамматическаго смысла, и существуетъ даже нѣсколько

[1]) Cohort. ad. gent. ed. *Migne*, VIII, p. 169, A.

опытовъ поправокъ его. Но я удивляюсь, какъ не останавливаетъ на себѣ вниманія среднее предложеніе; на него даже считаютъ возможнымъ ссылаться для доказательства того, что Архелай признавалъ, подобно Анаксагору, τὸν νοῦν, но не отдѣльный отъ вещества, какъ было то у Анаксагора, а примѣшенный къ веществу. Однако фраза Гипполита этого не говоритъ, она говоритъ не о томъ, что умъ примѣшанъ къ веществу, а о томъ, что вещество находится въ умѣ; а это такой взглядъ, котораго не только Архелаю, но и никому изъ величайшихъ философовъ классическаго времени мы приписать не можемъ. И, потомъ, если идетъ здѣсь дѣло объ отношеніи міроздиждительнаго ума къ веществу, то къ чему стоитъ здѣсь εὐθέως? Можно ли придать въ такомъ случаѣ этому предложенію какой-нибудь смыслъ, при которомъ было бы понятно существованіе этого εὐθέως? Представляется, по видимому, яснымъ по крайней мѣрѣ первое предложеніе Гипполита, которое прямо говоритъ о началахъ у Архелая и поэтому имѣетъ наибольшую важность. Однако на дѣлѣ возбуждаетъ недоумѣніе и оно, особенно если сличить его съ соотвѣтствующею фразой Симплиція. Симплицій говоритъ: Ἀρχέλαος... τὰς ἀρχὰς δὲ τὰς αὐτὰς ἀποδίδωσιν ἅς περ Ἀναξαγόρας. Подъ этими ἀρχάς Архелая мы, конечно, должны понимать одно изъ двухъ: или одни многочисленныя вещественныя начала, или ихъ вмѣстѣ съ дѣятельнымъ принципомъ, умомъ. Но Гипполитъ разрушаетъ нашу иллюзію. Когда онъ, также упоминая объ ἀρχάς, на первомъ мѣстѣ ставитъ τὴν μῖξιν, которое должно обнимать въ себѣ всѣ въ совокупности вещественныя начала, онъ тѣмъ самымъ лишаетъ насъ права понимать ихъ же и подъ слѣдующимъ затѣмъ τὰς ἀρχάς. Но кромѣ τὴν μῖξιν у Анаксагора, а слѣдовательно, и у Архелая, ученіе котораго здѣсь отождествляется съ Анаксагоровымъ, въ значеніи ἀρχῆς долженъ бы остаться лишь ὁ νοῦς, который одинъ, конечно, не можетъ быть названъ ἀρχαί. Между тѣмъ существованіе слова τὰς ἀρχάς въ древнемъ источникѣ и пониманіе подъ нимъ въ этомъ первомъ предложеніи Гипполита именно первыхъ началъ подтверждается не только фразой Симплиція, въ которой оно находится и несомнѣнно имѣетъ это значеніе, но и тѣмъ, что это предложеніе должно было, очевидно, у Θеофраста связывать предшествующее сличеніе началъ Анаксагора и Анаксимандра съ слѣдующимъ за тѣмъ сопоставленіемъ Анаксагора съ Архелаемъ, а въ первомъ сличеніи встрѣчается тоже слово ἀρχάς и въ смыслѣ первыхъ началъ. Съ другой стороны, и слово τὴν μῖξιν, какъ мы уже видѣли, также идетъ изъ древняго источника. Итакъ, въ древнемъ источникѣ то и другое слово было,

но они должны были быть поставлены тамъ въ какое-то иное соотношеніе, и вся фраза потерпѣла передѣлку. Что же именно говорилось въ этомъ источникѣ? Какая явилась нужда замѣнять фразу подлинника иною фразой? Въ чемъ, наконецъ, состоитъ дѣйствительный смыслъ дальнѣйшихъ двухъ предложеній, очевидно, подвергшихся какому-то случайному искаженію? Разъясненный выше взглядъ Архелая на начало въ связи съ тѣмъ, что было сказано о мѣстѣ, гдѣ говорилось у Θеофраста о принципѣ Архелая, даетъ намъ отвѣтъ на первые два вопроса, а исправленіе случайной и ничтожной ошибки, исказившей смыслъ дальнѣйшихъ двухъ предложеній, представитъ косвенное подтвержденіе сдѣланныхъ выводовъ. Критика понятія смѣшенія, какъ сказано было выше, явилась рано, вѣроятно, вскорѣ послѣ появленія системы Анаксагора. Она говорила, что если смѣшеніе перешло въ иное однородное бытіе, то оно уже не существуетъ на дѣлѣ, а существуетъ только это иное бытіе, а поэтому говорить о существованіи смѣшенія какъ смѣшенія уже будетъ нельзя. Если точнѣе примѣнить эту критику ко взгляду Анаксагора (она могла имѣть въ виду вмѣстѣ и другіе взгляды, напримѣръ, Эмпедокла), который говорилъ, что въ первоначальномъ смѣшеніи ни одна качественность не выдѣляется, то-есть, что смѣшеніе представляетъ что-то одинаково неопредѣленное на всемъ своемъ протяженіи, то выходило, что Анаксагорово вещество фактически не есть смѣшеніе, а чуждое противоположныхъ качественностей, то-есть, неопредѣленное со стороны этихъ качественностей бытіе. Убѣдительность этой критики нельзя было не признать, если не было выработано яснаго понятія о различіи между потенціальнымъ и актуальнымъ бытіемъ. Припомнимъ, что и Діогенъ Аполлонійскій смѣшенію уже не училъ. Но Діогенъ шелъ инымъ путемъ: онъ обратился къ Анаксименову воздуху. Ученикъ Анаксагора Архелай, который долженъ былъ сознавать силу этой критики, естественно искалъ выхода изъ затрудненія въ томъ направленіи, которое предуказано было самимъ Анаксагоромъ. Имѣя исходнымъ пунктомъ Анаксагорово ученіе о смѣшеніи, онъ долженъ былъ ясно и открыто высказать, что Анаксагорово смѣшеніе ничѣмъ инымъ и не могло быть кромѣ неопредѣленнаго бытія, и вмѣстѣ съ тѣмъ признать началомъ однородное и простое вещество, чуждое тѣхъ противоположностей, которыя у Анаксагора предполагались слитно въ немъ существующими и изъ него выдѣляющимися. Въ интересахъ сближенія сродныхъ философскихъ мнѣній (по большему отрывку De sens.

мы знаемъ, что Θеофрастъ охотно дѣлалъ сопоставленія мнѣній философовъ по ихъ сходству и противоположности) Θеофрастъ, указывая на Анаксагорово μῖξιν, сводилъ его къ μίαν φύσιν ἀόριστον κατ' εἶδος καὶ κατὰ μέγεθος; затѣмъ онъ, естественно, упоминалъ, что подобнымъ же образомъ говорилъ объ этомъ смѣшеніи Архелай, что̀, конечно, должно было означать, что Архелай прямо признавалъ, что это смѣшеніе ничѣмъ инымъ не можетъ быть кромѣ однородной природы, совсѣмъ чуждой противоположныхъ качественностей; отсюда Θеофрастъ, въ соотвѣтствіе съ тѣмъ, какъ это дѣлалъ онъ непосредственно передъ симъ относительно Анаксагора и Анаксимандра, долженъ былъ сдѣлать выводъ о тожествѣ началъ Анаксагора и Архелая. Когда древній компиляторъ дѣлалъ извлеченіе изъ Θеофраста мнѣній древнихъ физиковъ, онъ замѣнилъ Θеофрастовъ порядокъ изложенія своимъ; у Θеофраста мнѣнія различныхъ философовъ по одному и тому же вопросу были сгруппированы вмѣстѣ и излагались особо отъ мнѣній тѣхъ же философовъ по другимъ вопросамъ: компиляторъ хотѣлъ соединить всѣ вмѣстѣ мнѣнія каждаго философа и отдѣлить ихъ отъ мнѣній другихъ философовъ. Понятно, что изложеніе Архелаева мнѣнія о началахъ должно было быть вырвано изъ той связи, въ которой оно стояло у Θеофраста; начальныя слова Θеофраста ὁμοίως τὴν μῖξιν въ такомъ случаѣ потребовали поясненія, о какомъ именно сходствѣ шло дѣло; тотчасъ слѣдующее за тѣмъ утвержденіе о тожествѣ началъ Архелаевыхъ съ Анаксагоровыми, по видимому, ясно указывало на того философа, сближеніе съ которымъ Архелая имѣется въ виду у Θеофраста; для разъясненія ὁμοίως требовалось, казалось, лишь отнести 'Αναξαγόρᾳ не ко второму только предложенію, но и къ первому, а вмѣстѣ съ тѣмъ слить оба предложенія въ одно, поставивъ для нихъ одно общее подходящее сказуемое. Эту-то передѣлку фразы Θеофраста мы и имѣемъ въ первомъ изъ выше выписанныхъ предложеній Гипполита. Такъ явились другъ подлѣ друга въ качествѣ какъ будто особыхъ предметовъ τὴν μῖξιν и τὰς ἀρχάς и, однако, къ удивленію, каждое съ своимъ особымъ дополненіемъ одно съ ὁμοίως, другое съ ὡσαύτως. Смыслъ подлиннаго мѣста оказался совсѣмъ затемненнымъ. Виною этому, впрочемъ, могъ быть и не одинъ только недостатокъ сообразительности или даже просто внимательности у компилятора. Не имѣя возможности возстановить фразу Θеофраста въ точномъ ея видѣ, мы, конечно, не имѣемъ возможности и судить о томъ, на сколько допускала она сама, при бѣглой компиляціи, возможность

ея перетолкованія; но все же несомнѣнно, что дальнѣйшія два предложенія, если мы предположимъ, что ошибка, съ какой являются они у Гипполита и которая совсѣмъ исказила ихъ смыслъ, вкралась уже въ списокъ Θеофрастова сочиненія, никакъ не могли указать компилятору надлежащую дорогу, а скорѣе затемняли для него дѣло. Какъ бы это впрочемъ ни было, во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, есть возможность добраться до ихъ настоящаго смысла. Ихъ порчу едва ли ищутъ тамъ, гдѣ ее слѣдуетъ искать. Если имѣть въ виду, что непонятны они оба, а не одно только изъ нихъ, то всего естественнѣе, казалось бы, предположить, что порчѣ подверглось первое слово послѣдняго предложенія εἶναι δ', такъ какъ порча въ одномъ этомъ словѣ должна была сдѣлать безсмысленными оба предложенія заразъ: это εἶναι δ' даетъ второе, совершенно излишнее сказуемое въ томъ предложеніи, къ которому оно относится, оно же замѣнило собою и то выраженіе, которое должно было связывать съ этимъ предложеніемъ предшествующее ему, и вслѣдствіе того отняло смыслъ у послѣдняго. Мнѣ кажется, въ εἶναι δ' α образовалась изъ ος, а δ' есть несомнѣнно простая, древняя или позднѣйшая, вставка, которая оказалась необходимою, какъ скоро чрезъ указанное искаженіе порвана была естественная связь двухъ предложеній, и вслѣдствіе того потерянъ былъ ихъ смыслъ [1]). Предлагаемая поправка менѣе значительна, чѣмъ тѣ поправки, которыя предлагались къ этому мѣсту другими [2]); между тѣмъ она не только возстановляетъ грамматическій смыслъ послѣдняго предложенія, что̀ исключительно имѣютъ въ виду всѣ другія поправки, но и даетъ возможность понять смыслъ предложенія предшествующаго, о возстановленіи котораго эти поправки совсѣмъ не заботятся. Въ исправленномъ видѣ оба эти предложенія читались бы такъ: οὗτος δὲ (ἔφη) τῷ νῷ ἐνυπάρχειν τι εὐθέως

---

[1]) Въ старыхъ изданіяхъ Philosoph. δ', по видимому, не было: Брандисъ (Handb. d. Gesch. gr. röm. Phil. 1, 291. l.) читаетъ текстъ безъ δ'; его нѣтъ въ Orig. op. omn. ed. *Delur.*, Paris. 1739. Въ изданіи *Dunck.* et *Schneid.* и въ изданіи Cruic. при словѣ δ' ἀρχήν (вмѣсто δ' ἀρχάς) замѣчается: ἀρχήν Roep. ἀρχάς vulgo. Дильсъ въ Doxogr. читаетъ δ' ἀρχάς, но не указываетъ варіантовъ рукописей къ этому мѣсту; онъ подъ строкой даетъ лишь собственную его поправку и поправки другихъ, но здѣсь δ' какъ чья-либо поправка не отмѣчается. Слѣдуетъ ли отсюда заключать, что δ' есть въ рукописяхъ и во всѣхъ?

[2]) По самой позднѣйшей изъ поправокъ, именно, поправкѣ Дильса, мѣсто должно читаться: εἶναι δὲ (δύο) ἀρχὰς τῆς κινήσεως, (ἃς) ἀποκρίνεσθαι κτλ.

μῖγμα, εἰ νοεῖ ἀρχὰς τῆς κινήσεως ἀποκρίνεσθαι ἀπ' ἀλλήλων τὸ θερμὸν καὶ τὸ ψυχρόν. Совершенно естественное, но, какъ мнѣ кажется, совершенно ошибочное сближеніе τῷ νῷ, о которомъ говорится здѣсь, съ умомъ у Анаксагора вводило въ ошибку какъ древнихъ компиляторовъ, такъ и новыхъ ученыхъ. Не о мірозиждительномъ умѣ, а о человѣческой мысли, о необходимой связи въ мышленіи понятія о смѣшеніи съ понятіемъ о выдѣленіи шла рѣчь въ этомъ мѣстѣ. Сознавая необходимость свести Анаксагорово смѣшеніе къ понятію одной, чуждой противоположныхъ качественностей природы, Архелай естественно чувствовалъ потребность объяснить ту иллюзію, вслѣдствіе которой это чуждое противоположныхъ качественностей бытіе выступало у Анаксагора въ качествѣ смѣшенія, хотя уже Анаксимандръ училъ объ единомъ началѣ, отличномъ отъ непосредственно данныхъ въ мірѣ стихій. Эта иллюзія, по его мнѣнію, возникала изъ ученія о способѣ происхожденія производнаго бытія изъ первоначальнаго, во взглядѣ на продуктивный процессъ какъ на процессъ выдѣленія. На мѣсто одной неопредѣленной природы, говорилъ Архелай, тотчасъ оказывается налично даннымъ въ мышленіи какое-то смѣшеніе (то-есть, представленіе о какомъ-то смѣшеніи), если оно (мышленіе) представляетъ, что въ качествѣ началъ движенія отдѣляются другъ отъ друга теплое и холодное, какъ думалъ Анаксагоръ [1]). Θеофрастъ, высказавъ общую мысль, что Архелай подобнымъ же образомъ говорилъ о смѣшеніи, то-есть, смотрѣлъ на него какъ на одну неопредѣленную по виду природу, и сдѣлавъ отсюда

[1]) Отсюда ясно, что, говоря объ отдѣленіи другъ отъ друга теплаго и холоднаго, Архелай имѣлъ въ виду мысль Анаксагора (Simpl. in Phys. 156, 29—30 передаетъ слова Анаксагора ἀποκρίνεται... ἀπὸ τοῦ ψυχροῦ τὸ θερμόν); если теплое и холодное названы здѣсь началами движенія, то слѣдуетъ принять во вниманіе, что для Архелая, который отрицалъ обособленное существованіе ума, а между тѣмъ въ то же время во многомъ раздѣлялъ космогоническія воззрѣнія своего учителя, Анаксагора, должно было быть уже ясно то, на что указываетъ Plat. Phaed. 98. B, именно, что Анаксагоръ въ космогоническомъ процессѣ (за исключеніемъ перваго его акта) совсѣмъ не пользуется умомъ, и что дѣйствительными причинами у него служатъ воздухъ, огонь и пр. Въ виду этого Архелай, который, какъ было сказано, самъ признавалъ холодное и теплое активными стихіями, конечно, не чувствовалъ никакого затрудненія съ своей точки зрѣнія назвать первыя выдѣленія изъ Анаксагорова смѣшенія ἀρχὰς τῆς κινήσεως. Не понятое отношеніе ко взгляду Анаксагора терминовъ теплаго и холоднаго, которые упоминаются въ искаженныхъ предложеніяхъ, а вмѣстѣ и смѣшеніе дѣятельныхъ стихій по Архелаю (огня и воздуха) съ первыми возникшими, по его мнѣнію, стихіями (огнемъ и водою), вѣроятно, произвели и ту спутанность извѣстій о вторичныхъ началахъ, о которой говорено было выше.

общій выводъ о тожествѣ его ученія о началахъ съ Анаксагоровымъ, естественно, хотѣлъ разъяснить затѣмъ точнѣе отношеніе Архелая къ Анаксагорову понятію о смѣшеніи, чтобы дать представленіе объ особенностяхъ его взгляда, и съ этою цѣлью приводилъ его объясненіе смѣшенія какъ неизбѣжной иллюзіи, соединенной съ теоріей выдѣленія. Само собою понятно, что при этомъ Θеофрастъ долженъ былъ прибавить, что самъ Архелай объяснялъ уже инымъ образомъ происхожденіе міра изъ безконечнаго (Симплиціево ἐν μὲν γενέσει τοῦ κόσμου... πειρᾶταί τι φέρειν ἴδιον), точно такъ же, какъ и изъ другихъ мѣстъ его сочиненія, гдѣ говорилось о космогоническихъ мнѣніяхъ древнихъ, было ясно, что способъ происхожденія всего по Архелаю состоитъ въ разрѣженіи и уплотненіи первоначальнаго вещества. Этимъ объясняются другія двѣ редакціи извѣстій о началахъ у Архелая Симплиціева съ Александровой и Plat. Plac. съ сродными ей Стобэевой и др. Когда смыслъ главнаго извѣстія Θеофраста объ Архелаѣ въ древней компиляціи былъ затемненъ передѣлкой одной фразы и случайнымъ искаженіемъ другой, было совершенно естественно авторамъ, пользовавшимся этою компиляціей, изъ полнаго извѣстія брать только фразы, которыя не представляли сомнѣнія по своему смыслу, то-есть, фразы о тожествѣ началъ Архелая съ Анаксагоровыми и о какой-то особенности перваго въ ученіи о происхожденіи міра; а изъ тожества началъ съ Анаксагоровыми сдѣлалось затѣмъ и прямо ученіе о гомойомеріяхъ. Авторъ, извѣстія котораго объ Архелаѣ лежатъ въ основаніи извѣстій Plut. Plac. и пр., хотѣлъ, очевидно, выйдти изъ непріятнаго положенія, созданнаго мало-по-малу накопившимися уже противорѣчіями въ свѣдѣніяхъ объ Архелаѣ, сдѣлавъ самостоятельное заключеніе о началѣ, имъ принимаемомъ, на основаніи свѣдѣній объ его космогоніи, также, вѣроятно, шедшихъ первоначально отъ Θеофраста; изъ нихъ онъ узнавалъ, что первыя порожденія начала, огонь и вода возникали — первый чрезъ разрѣженіе, послѣдняя чрезъ уплотненіе начала, и отсюда онъ заключилъ, что само начало должно было быть воздухомъ, то-есть, стихіей среднею по плотности между огнемъ и водой; ясный слѣдъ такого именно происхожденія этого мнѣнія лежитъ на самомъ извѣстіи писателей, его сообщающихъ, такъ какъ они тотчасъ же за этимъ извѣстіемъ упоминаютъ объ огнѣ и водѣ какъ разрѣженіи и уплотненіи воздуха. Что касается, наконецъ, редакціи извѣстій объ Архелаевомъ началѣ, сообщаемыхъ у Діогена и Гермія, то происхожденіе ея совершенно объясняется стремленіемъ какого-либо древняго составителя біографій, какимъ между прочимъ несомнѣнно пользовался Діогенъ по вы-

водамъ Дильса, отдѣлаться отъ темнаго и запутаннаго вопроса, начавъ изложеніе ученія Архелая прямо со взгляда его на вторичныя начала. Однако и при всемъ разнорѣчіи извѣстій объ ἀρχή Архелая остается слѣдъ того пониманія его, по которому считалось удобнымъ вслѣдствіе его отличія отъ конкретно опредѣленныхъ, данныхъ въ опытѣ предметовъ, назвать его просто τὸ ἄπειρον подобно ἀρχή Анаксимандра. Этотъ слѣдъ живо чувствуется въ сведеніи у Климента принципа Архелая вмѣстѣ съ принципами Анаксимандра и Анаксагора къ τὸ ἄπειρον, которое противополагается опредѣленнымъ стихіямъ. Тотъ же слѣдъ, хотя и очень слабый, можно примѣтить въ извѣстіяхъ писателей второй группы, когда они къ ἀήρ, который они называютъ ἀρχή Архелая, прибавляютъ ἄπειρον, чего они не дѣлаютъ, говоря о воздухѣ Анаксимена, хотя несомнѣнно безконечнымъ считался и онъ. Совершенно особымъ образомъ проявляется подобный же слѣдъ у Діогена: очень не систематически изложивъ взгляды Архелая, касающіеся довольно разнообразныхъ предметовъ, онъ неожиданно прибавляетъ καὶ τὸ πᾶν ἄπειρον. Таковы ближайшія причины разнорѣчія и ошибочныхъ показаній позднѣйшихъ писателей о принципѣ Архелая. Этими ближайшими причинами не ограничивается все дѣло. Есть еще одно условіе, безъ котораго и эти причины не получили бы важнаго значенія и вся запутанность вопроса не объ Архелаѣ только, но и объ Анаксимандрѣ была бы не возможна. Это условіе станетъ для насъ ясно изъ слѣдующей главы.

Взглядъ Θеофраста на природу Анаксимандрова безконечнаго.

О взглядѣ Θеофраста на природу Анаксимандрова безконечнаго мы можемъ заключать, вопервыхъ, по той выпискѣ Симплиція изъ Θеофраста, въ которой сближается Анаксагорово ученіе съ Анаксимандровымъ, и, вовторыхъ, по извѣстіямъ позднѣйшихъ писателей объ Анаксимандровомъ безконечномъ, не упоминающихъ, правда, о Θеофрастѣ, но несомнѣнно зависящихъ отъ его сочиненія. Въ Симплиціевой выпискѣ мы имѣемъ подлинныя слова Θеофраста, однако взятыя не изъ того мѣста Θеофрастова сочиненія, гдѣ рѣчь шла прямо объ Анаксимандрѣ, но высказанныя по случаю изложенія Анаксагорова ученія. Въ основаніи позднѣйшихъ ученій лежитъ, конечно, извѣстіе Θеофраста, непосредственно касавшееся Анаксимандра, но оно прошло уже черезъ нѣсколько рукъ, прежде чѣмъ явилось въ сочиненіяхъ большинства дошедшихъ до насъ писателей.

Разъяснивъ, какъ обыкновенно полагаютъ, по Θеофрасту ученіе

о началахъ, принимаемыхъ Анаксагоромъ, то-есть, о гомойомеріяхъ и умѣ, Симплицій указываетъ между прочимъ на то, что по взгляду Анаксагора на вещество все существуетъ во всемъ, а частныя вещи получаютъ опредѣленность по частицамъ въ нихъ преобладающимъ. Подтвердивъ это ученіе собственными словами Анаксагора, Симплицій тотчасъ за тѣмъ продолжаетъ такъ [1]): и этому—говоритъ Θеофрастъ—сходно съ Анаксимандромъ учитъ Анаксагоръ, ибо первый (ἐκεῖνος) говоритъ, что при раздѣленіи безконечнаго сродное несется другъ къ другу, и такъ какъ во всемъ (ἐν τῷ παντί) [2]) существовало золото, возникаетъ золото, такъ какъ существовала земля, возникаетъ земля, равнымъ образомъ и все остальное, какъ бы оно не возникаетъ, а существовало ранѣе (въ томъ, изъ чего возрождалось вновь); въ качествѣ же причины движенія и рожденія прибавилъ (уже) Анаксагоръ умъ, чтобы (?) раздѣляемое имъ вещество породило

---

[1]) Simpl. in Phys. 27. 11—23: καὶ ταῦτά φησιν ὁ Θεόφραστος παραπλησίως τῷ Ἀναξιμάνδρῳ λέγειν τὸν Ἀναξαγόραν· ἐκεῖνος γάρ φησιν ἐν τῇ διακρίσει τοῦ ἀπείρου τὰ συγγενῆ φέρεσθαι πρὸς ἄλληλα, καὶ ὅτι μὲν ἐν τῷ παντὶ χρυσὸς ἦν, γίνεσθαι χρυσόν, ὅτι δὲ γῆ, γῆν· ὁμοίως δὲ καὶ τῶν ἄλλων ἕκαστον, ὡς οὐ γινομένων ἀλλ' ἐνυπαρχόντων πρότερον· τῆς δὲ κινήσεως καὶ τῆς γενέσεως αἴτιον ἐπέστησε τὸν νοῦν ὁ Ἀναξαγόρας, ὑφ' οὗ διακρινόμενα τούς τε κόσμους καὶ τὴν τῶν ἄλλων φύσιν ἐγέννησαν. (Дальнѣйшее Симплицій приводитъ также и въ другомъ мѣстѣ, ссылаясь на τὴν Φυσικὴν ἱστορίαν Θеофраста, ibid. 154. 15—24. Мы отмѣчаемъ варіанты въ скобкахъ) καὶ οὕτω μὲν (οὖν), φησί, λαμβανόντων δόξειεν ἂν ὁ Ἀναξαγόρας (ὁ Ἀναξ. нѣтъ, ибо имя Анаксагора упоминается въ словахъ, непосредственно предшествующихъ выпискѣ) τὰς μὲν ὑλικὰς ἀρχὰς ἀπείρους ποιεῖν (ὥσπερ εἴρηται), τὴν δὲ τῆς κινήσεως καὶ τῆς γενέσεως αἰτίαν μίαν τὸν νοῦν (τὸν νοῦν нѣтъ). εἰ δέ τις τὴν μῖξιν τῶν ἁπάντων ὑπολάβοι μίαν εἶναι φύσιν ἀόριστον καὶ κατ' εἶδος καὶ κατὰ μέγεθος (ὅπερ ἂν δόξειε βούλεσθαι λέγειν) συμβαίνει δύο τὰς ἀρχὰς αὐτὸν λέγειν τήν τε τοῦ ἀπείρου φύσιν καὶ τὸν νοῦν· ὥστε (πάντως) φαίνεται τὰ σωματικὰ στοιχεῖα παραπλησίως ποιῶν Ἀναξιμάνδρῳ.

[2]) Въ приведенныхъ Симплиціемъ передъ этою выпиской словахъ Анаксагора ἐν παντὶ παντὸς μοῖρα ἔνεστι „все" означаетъ всякое или каждое въ частности бытіе, но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы въ словахъ Θеофраста ὅτι ἐν τῷ παντὶ χρυσὸς ἦν „все" означало также каждое бытіе въ частности, а не τὸ πᾶν въ смыслѣ всеединаго: рѣчь идетъ у него о раздѣленіи не безчисленныхъ вещей, а (единаго) безконечнаго, изъ котораго онѣ возникаютъ, и которое есть, слѣдовательно, τὸ πᾶν, въ которомъ онѣ предсуществуютъ. Когда Симплицій предъ своею выпиской изъ Θеофраста характеризуетъ взглядъ Анаксагора даже не его собственными словами, а своими, заимствуя, конечно, свое объясненіе изъ Θеофраста, онъ говоритъ πάντων μὲν ἐν πᾶσιν (а не ἐν τῷ παντί) ὄντων. Въ *каждой* изъ частицъ τοῦ ἀπείρου содержится, конечно, все разнообразіе качественностей, только эти частицы не отличны одна отъ другой, а вполнѣ однородны.

міры и природу остальнаго бытія [1]). Правда [2]), говоритъ Θеофрастъ, даже когда такъ принимаютъ, казалось бы, что Анаксагоръ признаетъ вещественныя начала безчисленныя, единою же считаетъ причину движенія и рожденія—умъ; но если понять, что смѣшеніе всего есть единая природа неопредѣленная какъ по виду, такъ и по величинѣ, то выходитъ, что онъ говоритъ о двухъ (только) началахъ, о природѣ безконечнаго и объ умѣ, такъ что оказывается, что тѣлесныя (вещественныя) стихіи представляетъ онъ сходно съ Анаксимандромъ". Въ первой половинѣ этой выписки Анаксимандру приписывается ученіе о томъ, что раздѣленіе безконечнаго сопровождается возникновеніемъ разнообразнаго бытія, на которое поэтому нельзя смотрѣть какъ на возникающее въ собственномъ смыслѣ, такъ какъ оно предполагалось предсуществующимъ уже въ самомъ безконечномъ. Во второй сближеніе безчисленныхъ началъ Анаксагора съ безконечнымъ Анаксимандра, не смотря даже на предсуществованіе въ послѣднемъ разнообразнаго содержанія, признается возможнымъ лишь подъ условіемъ сведенія вещества Анаксагора къ μία φύσις. Этимъ показывается, что безконечное Анаксимандра, не смотря на предсуществовавшее въ

[1]) Вызываетъ недоумѣніе слово ἐγέννησαν въ фразѣ ὑφ' οὗ διακρινόμενα τούς τε κόσμους καὶ τὴν τῶν ἄλλων φύσιν ἐγέννησαν. Дильсъ въ Dox. 479 по нѣкоторымъ кодексамъ исправляетъ его въ ἐγέννησεν, но въ своемъ изданіи Simpl. in Phys. вновь ставитъ ἐγέννησαν, вѣроятно, въ виду того, что ἐγέννησεν нѣкоторыхъ кодексовъ обнаруживаетъ поправку изъ ἐγέννησαν. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ той же фразѣ страннымъ представляется слово τοὺς κόσμους, такъ какъ Анаксагоръ, по видимому, признавалъ единство міра, что̀ утверждаетъ и самъ Симплицій in Phys. 178. 25—26. По видимому, текстъ этой фразы испорченъ.

[2]) Во второй редакціи этого мѣста къ μέν присоединено οὖν. Если этому соединенію частицъ придавать здѣсь значеніе (какъ это встрѣчается не только при отвѣтахъ на вопросы въ діалогахъ Plat. Crit. 44. B. Gorg. 446. A. E, но и при монологической формѣ рѣчи, напримѣръ, Arist. Rhet. II. 23. 1399. 15. 23) поправки, ограниченія передъ тѣмъ высказанной мысли, то оно здѣсь было бы допустимо, предполагая, конечно, что далѣе слѣдующее δέ (εἰ δέ τις κτλ) имѣетъ смыслъ снятія этого ограниченія. Судя по большому отрывку изъ Θеофраста De sens., Θеофрастъ очень охотно употреблялъ μὲν οὖν при переходахъ отъ изложенія взглядовъ того или другаго философа къ ихъ опроверженію (см. Dox. *Diels*. 512. 11; 513. 28; 522. 26); во всякомъ случаѣ, хотя при этомъ употребленіи это соединеніе частицъ и можетъ быть толкуемо въ смыслѣ перехода къ новой мысли, въ немъ слышится все же нѣкоторое противоположеніе новаго предшествующему; это, по видимому, подтверждается и тѣмъ, что въ одномъ изъ подобныхъ случаевъ, гдѣ μὲν οὖν было употребить неудобно, такъ какъ это именно соединеніе частицъ употреблено было въ заключеніи изложенія взгляда, подлежавшаго критикѣ, оно замѣнено частицей δέ (528. 28).

немъ (до его раздѣленія) разнообразіе, было μία φύσις. Если выразить эти мысли въ Аристотелевыхъ терминахъ, то это будетъ означать, что безконечное Анаксимандра было ἓν ὁμοιομερές, хотя и σύνθετον. Самая связь мыслей въ этомъ отрывкѣ очень напоминаетъ связь мыслей въ важнѣйшемъ извѣстіи Аристотеля объ Анаксимандрѣ въ Phys. I. 4. Въ Phys. I. 4. ученіе ἐξ ἑνὸς ἐνούσας τὰς ἐναντιότητας ἐκκρίνεσθαι, приписываемое непосредственно Анаксиманду, переносится тотчасъ затѣмъ на (Эмпедокла и) Анаксагора: въ отрывкѣ Θеофраста также устанавливается сходство Анаксагорова ученія съ Анаксимандровымъ, понятымъ въ этомъ именно смыслѣ. Аристотель, перенося на Анаксагора Анаксимандрово ученіе о выдѣленіи изъ единаго, характеризуетъ при этомъ Анаксагора какъ философа, принимавшаго ἓν καὶ πολλά, то-есть, ставитъ на видъ, что онъ особо полагалъ единое и особо—многое и, слѣдовательно, вещество превратилъ въ многое, и эта черта ученія Анаксагора (и Эмпедокла) вызываетъ Аристотеля на разъясненіе права приписывать ему выдѣленіе изъ единаго: въ соотвѣтствіе съ этимъ Θеофрастъ говоритъ, что Анаксагоръ прибавилъ τὸν νοῦν (къ безконечному Анаксимандра), то-есть, Аристотелево ἕν, и также приводитъ возраженіе противъ сближенія ученія обоихъ философовъ, основанное на безчисленности вещественныхъ началъ у Анаксагора. Аристотель разъясняетъ возможное недоумѣніе, указывая на смѣшеніе вещества у Анаксагора: и Θеофрастъ разрѣшаетъ возраженіе, разъясняя, что смѣшеніе есть единая природа. На отрывокъ Θеофраста можно смотрѣть какъ на комментарій слишкомъ сжато выраженной мысли Аристотеля.

Въ борьбѣ мнѣній относительно природы Анаксимандрова безконечнаго слова Θеофраста, приводимыя Симплиціемъ, обращали на себя особенное вниманіе и подвергались разнообразнымъ толкованіямъ. Ученые, которые смотрѣли на это безконечное, какъ на хаотическое смѣшеніе, видѣли въ первой половинѣ Симплиціевой выписки рѣшительное подтвержденіе своего мнѣнія. Но этотъ взглядъ стоитъ въ рѣшительномъ противорѣчіи съ послѣднею половиной ея, въ которой сведеніе Анаксагорова вещества къ μία φύσις ставится условіемъ сближенія его съ началомъ Анаксимандра. Съ другой стороны, историки, ставившіе на видъ это противорѣчіе, признавая простоту этого начала, не могли не чувствовать затрудненія при объясненіи первой половины отрывка. Отсюда возникло и твердо поддерживается и доселѣ мнѣніе, что подъ ἐκεῖνος, которому въ этой половинѣ приписывается ученіе о раздѣленіи безконечнаго и о предсуществованіи въ

немъ всего остальнаго бытія, разумѣется не Анаксимандръ, а Анаксагоръ, хотя такое толкованіе ἐκεῖνος противорѣчитъ и обычному употребленію этого слова, и грамматическому правилу, опредѣляющему исключенія изъ этого обычнаго словоупотребленія, такъ какъ имя Анаксагора въ текстѣ стоитъ ближе имени Аниксимандра къ ἐκεῖνος и такъ какъ оно ближе и къ мысли Ѳеофраста какъ главный предметъ его рѣчи, въ которую Анаксимандръ вводится лишь для сравненія съ нимъ [1]). Важнѣйшій мотивъ, который долженъ оправдывать это удивительное, такъ сказать, исключеніе изъ исключенія состоитъ въ противорѣчіи понятія смѣшенія, которое будто бы въ этихъ словахъ приписывается ἐκείνῳ съ понятіемъ μία φύσις, упот-

[1]) Нейгэузеръ, An. M. 48—49, не отрицаетъ, что исключенія изъ обычнаго употребленія ἐκεῖνος встрѣчаются въ древней литературѣ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда ближайшее къ нему по мѣсту понятіе есть въ то же время болѣе отдаленное въ отношеніи къ мысли лица, употребляющаго въ своей рѣчи слово ἐκεῖνος; но онъ думаетъ, что представленіе объ Анаксимандрѣ, явившееся въ мысли Ѳеофраста для сравненія съ Анаксагоромъ, должно чрезъ это сдѣлаться болѣе близкимъ къ ней, чѣмъ представленіе объ Анаксагорѣ. Нейгэузеръ не представляетъ примѣровъ, подтверждающихъ его мысль; однако дѣйствительное употребленіе слова ἐκεῖνος при сравненіяхъ одного предмета съ другимъ никакъ не оправдываетъ его взгляда, сл. Arist. Metaph. I. 4. 985. a. 14—15; De Meliss. Xen. et Gorg. 11. 975. b. нач.; Plut. Quaest. conv. VIII. 8. 4. p. 981. 9—10; и вообще едва ли можно сомнѣваться, что главный предметъ рѣчи долженъ быть ближе къ мысли говорящаго, чѣмъ предметъ, упоминаемый для сравненія съ нимъ. Целлеръ Phil. d. Gr. 1. 193 № 3, отрицаетъ всеобщность самаго правила для исключеній изъ обычнаго употребленія слова ἐκεῖνος; въ подтвержденіе своей мысли онъ ссылается на Arist. Metaph. XII. 7. 1072. b. 23; ibid. X. 2. нач. Plat. Phaedr. 233. E. Но всѣ эти примѣры не на столько ясны и рѣшительны, чтобы на основаніи ихъ можно было отрицать правильность обобщенія, оправдываемаго многочисленными примѣрами. Въ Plat. Phaedr. 233. E. προσαιτοῦντες, на которое указываетъ ἐκεῖνοι, стоитъ, правда, ближе къ ἐκεῖνοι, чѣмъ φίλους, и составляетъ ближайшій предметъ рѣчи; но оба эти понятія вводятся лишь за тѣмъ, чтобы приравнять къ нимъ—именно къ προσαιτοῦντες испытывающихъ страстное влеченіе, къ φίλους не испытывающихъ такого влеченія, а къ послѣднимъ относитъ себя лицо говорящее, и это составляетъ причину, по которой προσαιτοῦντες оказываются далѣе отъ него, такъ что примѣненіе къ нимъ ἐκεῖνοι не нарушаетъ правила. Это случай въ существѣ дѣла аналогичный съ Plat. Phaedr. 233. A. и съ Sext. Pyrr. 1. 213, а на оба послѣднія мѣста, извѣстныя Целлеру, онъ не считаетъ возможнымъ сослаться для подтвержденія своей мысли. Что касается Metaph. XII. 7. 1072. b. 23, то это мѣсто относится къ такимъ неяснымъ мѣстамъ, на которыя едва ли можно ссылаться при установленіи грамматическихъ правилъ и исключеній изъ нихъ; во всякомъ случаѣ мнѣ представляется болѣе вѣроятнымъ, что ἐκεῖνο здѣсь указываетъ не на какое-либо изъ понятій предшествующаго

требленнымъ Ѳеофрастомъ во второй половинѣ цитаты [1]). Однако на самомъ дѣлѣ ни о какомъ смѣшеніи, а тѣмъ болѣе о смѣшеніи въ

этому слову предложенія, а на общій предметъ изслѣдованія этой главы, на неподвижнаго двигателя, который обозначается этимъ же словомъ нѣсколько строкъ выше (οὕτω γὰρ ἀεὶ ἐκεῖνό ἐστιν); какъ тамъ ему приписывается вѣчная, такъ здѣсь ему же приписывается совершеннѣйшая энергія мысли сравнительно съ человѣческою мыслью; непосредственно же предшествующее слову ἐκεῖνο предложеніе, устанавливающее различіе между τὸ δεκτικὸν τοῦ νοητοῦ и ἐνεργεῖ, кажется мнѣ однимъ изъ вводныхъ разъясненій посылки, изъ которой выводится совершенство энергіи ἐκείνου. Въ Metaph. X. 11 послѣ установленія дилеммы между взглядами на единое Пиѳагорейцевъ и Платона съ одной стороны и физиковъ—съ другой и послѣ краткаго указанія на частныя разногласія послѣднихъ между собою, Аристотель имѣетъ непосредственно дѣло со взглядами первыхъ и въ связи съ опроверженіемъ ихъ развиваетъ свое собственное мнѣніе; это показываетъ, что вниманіе Аристотеля во всемъ этомъ разсужденіи обращено на опроверженіе Пиѳагорейско-Платонова взгляда, который и составляетъ главный предметъ его мысли, а физики введены при установкѣ вопроса лишь какъ историческіе представители неизбѣжнаго втораго члена дилеммы, которые теперь не останавливаютъ на себѣ его вниманія со стороны спеціальныхъ особенностей въ развитіи принадлежащаго имъ взгляда, а поэтому, конечно, они для него ἐκεῖνοι. Дильсъ въ своемъ изданіи Simpl. in Phys. въ примѣчаніи къ Симплиціевой выпискѣ изъ Ѳеофраста указываетъ на одинъ случай у Симплиція (ibid. 131. 16), гдѣ ἐκεῖνος отнесено къ ближайшему понятію. Но самое значеніе этого примѣра, слишкомъ поздняго, если дѣло идетъ о времени Ѳеофраста, обусловливается принятіемъ Дильсова предположенія, что слово τὸν Ἀναξαγόραν, стоящее непосредственно передъ ἐκεῖνος, есть вставка самого Симплиція въ слова Ѳеофраста. Впрочемъ и сходство между примѣромъ, приводимымъ Дильсомъ, и случаемъ, о которомъ идетъ рѣчь, возбуждаетъ большое сомнѣніе: Александръ, къ которому отнесено ἐκεῖνος въ этомъ примѣрѣ, правда, ближайшее по мѣсту къ ἐκεῖνος понятіе, но не главный предметъ рѣчи въ этомъ мѣстѣ Симплиція, а находится въ придаточномъ предложеніи, которое къ тому же не стоитъ въ прямой логической связи съ предложеніемъ, содержащимъ ἐκεῖνος. У Симплиція встрѣчаются мѣста, гдѣ при изложеніи мнѣнія того или другаго философа въ интересахъ разъясненія его указывается на мнѣнія другихъ философовъ, подобно какъ въ отрывкѣ Ѳеофраста; когда тотчасъ за предложеніемъ, высказывающимъ такое сопоставленіе, является необходимость указать на философа, привлеченнаго лишь для сопоставленія съ другимъ, у него встрѣчается ἐκεῖνος даже въ такихъ случаяхъ, гдѣ этотъ философъ поименованъ былъ послѣ того лица, для сличенія съ которымъ упоминался, слѣдовательно, ближе по мѣсту къ ἐκεῖνος, Simpl. in Phys. 28. 7; 34. 5; но когда за предложеніемъ, содержащимъ сопоставленіе, должно слѣдовать указаніе на главный предметъ рѣчи, является οὗτος даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этотъ предметъ болѣе удаленъ отъ οὗτος, чѣмъ привлеченный для сравненія съ нимъ, ibid. 25. 4 и 21, а равно оба предш. цит., гдѣ οὗτος слѣдуетъ за ἐκεῖνος.

[1]) Это доводъ общій, который или прямо высказывается, или подразумѣвается всѣми, относящими первую часть Ѳеофрастова отрывка къ Анаксагору.

Анаксагоровомъ смыслѣ Θеофрастъ здѣсь не говоритъ; онъ говоритъ о безконечномъ, въ которомъ предсуществуетъ (ἐνυπαρχόντων πρότερον) разнородное, возникающее при его раздѣленіи, точно также какъ Аристотель, характеризуя взглядъ Анаксимандра, говоритъ объ единомъ, изъ котораго возникаютъ существующія въ немъ противоположности. Важнѣйшее различіе между тѣмъ и другимъ извѣстіемъ сводится къ тому, что названное у Аристотеля противоположностями у Θеофраста обозначается какъ земля, золото и остальное. Но, съ одной стороны, несомнѣнно, что Аристотель во всемъ своемъ разсужденіи о числѣ началъ, къ которому относится и это извѣстіе, и даже въ самомъ этомъ извѣстіи употребляетъ понятіе противоположности въ такомъ широкомъ смыслѣ, что тѣмъ же словомъ называются не только стихіи Эмпедокла, но и гомойомеріи Анаксагора, то-есть, все качественно отличное другъ отъ друга. Съ другой стороны, при разъясненіи Анаксимандрова ученія о выдѣленіи мы уже видѣли, что Анаксимандръ понятіе выдѣленія примѣнялъ не къ теплому только и холодному, а пользовался имъ вообще въ космологическомъ процессѣ, такъ что теплое и холодное также должны были, по его

Но приводились различными лицами и особыя основанія для доказательства той мысли, что взгляды, приписываемые ἐκείνῳ не могутъ принадлежать Анаксимандру. Лютце, Ueb. Apeir. An. 70. № 5, ссылался между прочимъ на то, что Симплицій въ словахъ, предшествующихъ выпискѣ изъ Θеофраста, говоритъ (конечно, по Θеофрасту же), что Анаксагоръ первый высказалъ тотъ взглядъ, который долженъ быть отнесенъ къ Анаксимандру, если отожествлять послѣдняго съ ἐκεῖνος. Но Симплицій ясно опредѣляетъ, чѣмъ Анаксагоръ отличался отъ предшественниковъ; Sympl. in Phys. 27. 2—5: Ἀναξαγόρας... πρῶτος μετέστησε τὰς περὶ τῶν ἀρχῶν δόξας καὶ τὴν ἐλλείπουσαν αἰτίαν ἀνεπλήρωσε (то-есть, τὸν νοῦν), τὰς μὲν σωματικὰς ἀπείρους ποιήσας, а ἐκείνῳ не приписывается ни ученія о νοῦς, ни ученія о безчисленности вещественныхъ началъ. Лютце ibid., и Нейгэузеръ, An. M. 48—49, вообще указываютъ на слишкомъ полное совпаденіе взгляда разъясненнаго въ первой части отрывка съ тѣмъ, что̀ извѣстно объ ученіи Анаксагора; но въ то же время они вынуждены особо объяснять возможность отнести къ веществу Анаксагора употребленный тамъ терминъ τὸ ἄπειρον, а не τὰς ἀπείρους ἀρχάς, сознавая, что первое названіе точнѣе подходило бы къ безконечному Анаксимандра; сходство между обоими взглядами, конечно, было, объ этомъ можно заключать не изъ Θеофраста только, но и изъ Аристотеля, и если оно простиралось и на нѣкоторыя частности, то это совершенно естественно, такъ какъ взгляды позднѣйшихъ философовъ всегда развивались на почвѣ, подготовленной ихъ предшественниками. Целлеръ, Phil. d. Gr. 1. 197. № 3, находитъ отрывокъ безсвязнымъ, если подъ ἐκεῖνος понимать Анаксимандра, но это лишь потому, что онъ на предложеніе καὶ οὕτω μέν κτλ. смотритъ не какъ на ограниченіе предшествующаго, а какъ на выводъ изъ него.

взгляду, содержать въ себѣ много разнороднаго, слитаго въ нихъ къ единству, подобно тому какъ они сами сливались въ единствѣ природы безконечнаго. Отсюда указанное различіе въ извѣстіяхъ Аристотеля и Θеофраста теряетъ значеніе, и разумѣть подъ ἐκεῖνος Анаксагора не оказывается никакого повода. На оборотъ, относить ἐκεῖνος къ Анаксагору, помимо грамматической несообразности, запрещаютъ и другія соображенія. Относя ἐκεῖνος къ Анаксагору, мы должны на фразу καὶ οὕτω μὲν... μίαν τὸν νοῦν, въ которой устанавливается возраженіе противъ отожествленія началъ Анаксагора и Анаксимандра, смотрѣть какъ на выводъ изъ первой половины отрывка, а слѣдовательно, должны думать, что эта половина имѣетъ своею цѣлью разъяснить или мотивировать это возраженіе, какъ это и дѣлается авторами, относящими ἐκεῖνος къ Анаксагору. Но это мотивированіе представляется совершенно излишнимъ, такъ какъ непосредственно передъ тѣмъ Симплицій и, какъ обыкновенно полагаютъ по Θеофрасту же, дѣлалъ изложеніе Анаксагорова ученія, которое разъясняетъ эти затрудненія гораздо яснѣе и точнѣе, чѣмъ разъясняетъ ихъ то, что̀ приписано ἐκείνῳ; тамъ не только опредѣленнѣе и рѣшительнѣе говорилось о нерожденности и неразрушимости составныхъ элементовъ всякаго бытія по ученію Анаксагора и о призрачности рожденія и гибели, но прямо приписывалось ему ученіе о τὰς σωματικὰς ἀρχὰς ἀπείρους [1]) (какъ это дѣлается въ извѣстіяхъ объ Анаксагорѣ у всѣхъ доксографовъ), тогда какъ ἐκείνῳ приписывается лишь ученіе о τὸ ἄπειρον — терминъ очень неточный для обозначенія Анаксагорова вещества. Послѣднее обстоятельство имѣетъ особое самостоятельное значеніе. Выше мы видѣли, что есть случаи (при критикѣ теоріи безконечнаго), гдѣ Аристотель считаетъ возможнымъ въ извѣстномъ относительномъ смыслѣ назвать вещество Анаксагора ἄπειρον, и нѣтъ ничего невозможнаго, что подобнымъ же терминомъ въ томъ же, конечно, смыслѣ могъ бы въ какомъ-либо исключительномъ случаѣ воспользоваться и Θеофрастъ. Но предположить, что Θеофрастъ употребилъ этотъ терминъ въ этомъ именно мѣстѣ, всего неудобнѣе. Удобно ли предположить, чтобы, мотивируя, то-есть, имѣя цѣлью особенно поставить на видъ различіе ученія Анаксагорова о веществѣ отъ Анаксимандрова, онъ назвалъ первое τὸ ἄπειρον, то-есть, терминомъ,

[1]) 27. 4—7: τὰς μὲν σωματικὰς (ἀρχὰς) ἀπείρους ποιήσας· πάντα γὰρ τὰ ὁμοιομερῆ... ἀγένητα μὲν εἶναι καὶ ἄφθαρτα, φαίνεσθαι δὲ γινόμενα καὶ ἀπολλύμενα συγκρίσει καὶ διακρίσει μόνον.

который прямо скрадываетъ это различіе? Вѣдь это различіе въ томъ и состоитъ, что одинъ признаетъ τὸ ἄπειρον, а другой τὰς ἀπείρους ἀρχάς, и такъ именно его формулируетъ Θеофрастъ: δόξειεν ἂν ποιεῖν τὰς μὲν ὑλικὰς ἀρχὰς ἀπείρους. Разъясняя тотчасъ затѣмъ, что при пониманіи смѣшенія у Анаксагора, какъ μίαν φύσιν, этого различія не оказывается, Θеофрастъ эту мысль формулируетъ такъ: Анаксагоръ принималъ два начала, природу безконечнаго и умъ, и отсюда именно онъ выводитъ сходство вещества Анаксимандрова и Анаксагорова. Но еслибы возраженіемъ уже предполагалось, что Анаксагоръ училъ о τὸ ἄπειρον, то, конечно, рѣшеніе его нельзя было бы сводить къ тому, что онъ училъ о τὴν φύσιν ἀπείρου. Если, сведя Анаксагорово смѣшеніе къ одной природѣ, Θеофрастъ не выводитъ отсюда, что Анаксагоръ признавалъ единую природу въ безконечномъ, а довольствуется выводомъ, что онъ признавалъ природу безконечнаго, то значитъ, природа безконечнаго или безконечное обозначаетъ для него строго единый предметъ, и, слѣдовательно, желая поставить на видъ безчисленность началъ у Анаксагора, онъ не могъ назвать ихъ τὸ ἄπειρον.

Болѣе, по видимому, можно найдти среди данныхъ, относящихся къ Θеофрастовой серіи, такихъ, которыя можно было бы противопоставить разъясненному выше точнѣйшему опредѣленію природы Анаксимандрова безконечнаго какъ начала средняго по плотности между опредѣленными стихіями. Въ Симплиціевой выпискѣ изъ Θеофраста, когда въ интересахъ сближенія Анаксагора съ Анаксимандромъ, Анаксагорово мнѣніе сводится къ понятію одной природы, эта природа называется неопредѣленною по виду и величинѣ. Съ понятіемъ „неопредѣленнаго“ мы также встрѣчаемся, по видимому, и въ позднѣйшихъ извѣстіяхъ объ Анаксимандровомъ безконечномъ [1]), въ основаніи которыхъ, конечно, лежитъ высказанное Θеофрастомъ же сужденіе о немъ, до насъ не дошедшее. Эти именно данныя со времени сочиненія Шлейермахера и играли не маловажную роль при обоснованіи наиболѣе распространеннаго взгляда на безконечное Анаксимандра какъ на совершенно неопредѣленную природу; у писателей послѣ Шлейермахера они получили даже болѣе значенія, чѣмъ у самого Шлейермахера [2]). Представите-

1) Цитаты будутъ приведены далѣе.

2) *Schleierm.* Ueb. Anax. 175. 190—191. *Brand.* Handb. d. Gesch d. gr.-röm Phil. 126—127. 128. c. *Zell.* Phil. d. Griech. 1. 201—102. *Notorp.* Ueb. d. Princ und d. Kosm. Anax. 373—374.

лями этого взгляда эта неопредѣленность толкуется въ такомъ безусловномъ смыслѣ, что ею вполнѣ исключается всякое чувственно постигаемое свойство, такъ что безконечное Анаксимандра является чѣмъ-то вполнѣ сходнымъ съ ὕλη Аристотеля, лишь съ тѣмъ неизбѣжнымъ отличіемъ отъ послѣдней, что ему приписывалась способность къ обособленному существованію. Такой взглядъ искалъ себѣ основаній даже не въ извѣстіяхъ только Θеофрастовой серіи, но и у Аристотеля. Однако мы уже видѣли, что Аристотель исключительно Анаксагору приписываетъ приближеніе къ позднѣйшену понятію о безусловно неопредѣленномъ веществѣ и у самого Анаксагора видитъ лишь стремленіе къ этому понятію. Притомъ же, когда онъ въ своемъ возраженіи противъ того доказательства безконечнаго начала, которое принадлежитъ Анаксимандру, называетъ принимаемое на основаніи этого доказательства безконечное начало тѣломъ, постигаемымъ чувствами (σῶμα αἰσθητόν) (Phys. III. 8. 208. a. 9), то этимъ онъ достаточно ясно показываетъ, что онъ никакъ не предполагаетъ въ этомъ безконечномъ тѣлѣ совершеннаго отсутствія чувственно воспринимаемыхъ свойствъ. Наконецъ и все, что выше сказано было въ доказательство той мысли, что по взгляду Аристотеля это безконечное есть вещество среднее по плотности между огнемъ и воздухомъ, ведетъ, конечно, къ тому же заключенію. Ясно, такимъ образомъ, что мнѣніе о безусловной неопредѣленности Анаксимандрова безконечнаго у Аристотеля найдти себѣ опоры не можетъ. Но если это такъ, то это во всякомъ случаѣ обязываетъ насъ самымъ внимательнымъ образомъ разсмотрѣть и идущія отъ Θеофраста извѣстія прежде чѣмъ рѣшиться утверждать, что Θеофрастъ дѣйствительно говорилъ о такой безусловной неопредѣленности. Эту же осторожность несомнѣнно внушаютъ и соображенія болѣе общаго характера. Анаксимандръ не разрываетъ связи между физикой и метафизикой, какъ дѣлаетъ это, напримѣръ, Парменидъ; его безконечное не стоитъ внѣ всякаго отношенія къ конечному какъ τὸ νοητόν Парменида съ τὸ αἰσθητόν; для него его безконечное даже не истинная только природа вещей, какъ для Пиθагорейцевъ ихъ число; оно для него начало въ самомъ физикальномъ смыслѣ этого слова, то-есть, тѣло, изъ котораго все выдѣляется и въ которое все разрушается. Какимъ образомъ можно было бы мыслить себѣ тѣло, связанное такими тѣсными физическими связями съ остальными тѣлами, безусловно чуждымъ всякой физической опредѣленности,—это во всякомъ случаѣ представляется неяснымъ. Чтобы представить себѣ это затрудненіе яснѣе, обратимся къ тому

свойству тѣла, которое Аристотель предполагаетъ въ среднихъ между стихіями началахъ, къ плотности. Съ представленіемъ плотности тѣла соединена всякая наша мысль о способности тѣла при соприкосновеніи испытывать и оказывать противодѣйствіе, слѣдовательно, всякая мысль о непосредственномъ физическомъ взаимодѣйствіи между тѣлами. Какъ же могъ бы представить себѣ Анаксимандръ безъ этого свойства свое безконечное, которое, облегая со всѣхъ сторонъ міръ, стоитъ въ непосредственномъ физическомъ взаимодѣйствіи съ нимъ уже потому, что направляетъ его движенія, и еще болѣе потому, что все изъ него возникаетъ и въ него возвращается? Съ представленіемъ плотности тѣла неразрывно соединена мысль о наполненіи его реальностью, о фактически данномъ въ немъ содержаніи. Какъ же можно было представить безъ плотности тѣло, изъ котораго извлекаются, по выраженію Аристотеля, остальныя тѣла, въ которомъ, слѣдовательно, мыслится реальное содержаніе, расходующееся на міровую жизнь? Несомнѣнно, что Анаксимандрово безконечное должно было содержать въ себѣ разнообразныя качественности. Представляя себѣ слитыми въ одну природу теплое и холодное, влажное и сухое, стремящееся вверхъ (то-есть, легкое, какъ понимаютъ его Аристотель и большинство древнихъ) и стремящееся внизъ (тяжелое), мы, конечно, можемъ легко вообразить, что нейтрализація этихъ качественностей дастъ не относительное тепло или холодъ и пр. под., какъ думалъ Аристотель, но ихъ στέρησιν, чистое ихъ лишеніе. Но если мы мысленно соединимъ въ одну природу тонкое и плотное, то достанетъ ли у насъ воображенія представить себѣ нейтрализацію этихъ свойствъ какъ чистый нуль опредѣленности тѣла съ той стороны, какой касаются эти свойства, и не явится ли у насъ неизбѣжно положительное представленіе о средней плотности? Какую же опору въ опытѣ, да и какой поводъ могъ бы найдти мыслитель, говорившій о выдѣленіи всего изъ начала, представлять себѣ это начало лишеннымъ всякой плотности? Еще менѣе, конечно, удобно отрицать въ немъ всѣ сполна качественности: иллюзія предсуществованія разнообразнаго содержанія въ первоначальномъ бытіи едва ли можетъ возникнуть и держаться при представленіи этого бытія лишеннымъ всякой качественности. Если само безконечное признается лишеннымъ всякаго содержанія, въ которомъ мысль смутно могла бы полагать какимъ-то образомъ даннымъ другое содержаніе, то идея предсуществованія въ такомъ случаѣ должна или ясно перейдти въ понятіе бытія только потенціальнаго, чистой возмож-

ности, или вовсе исчезнуть [1]). Но обратимся къ самымъ извѣстіямъ о природѣ Анаксимандрова безконечнаго, которыя, какъ нужно полагать, стоятъ въ зависимости отъ Θеофрастова сочиненія о мнѣніяхъ физиковъ.

Порфирій, Діогенъ, Plut. Plac. съ Стобэемъ почти тѣми же словами выражаютъ одну и ту же мысль, что Анаксимандръ опредѣленно не высказался относительно природы безконечнаго, что онъ опредѣленно не говорилъ, есть ли оно вода, воздухъ, огонь или что-нибудь другое [2]). Въ этихъ свидѣтельствахъ искали подтвержденія мысли о совершенной неопредѣленности въ смыслѣ совершенной безкачественности Анаксимандрова безконечнаго. Но Нейгэузеръ [3]) совершенно справедливо поставилъ на видъ, что опредѣленно не высказаться о природѣ безконечнаго еще никакъ не значитъ отрицать въ немъ всякую качественность. По существу ту же самую мысль нужно предполагать у тѣхъ свидѣтелей, которые ограничиваются названіемъ безконечнаго Анаксимандра τὸ ἄπειρον [4]). Такъ какъ при наименованіи началъ другихъ философовъ-монистовъ, они называютъ эти начала воздухомъ, водою и т. д., то самое естественное объяс-

---

[1]) Безусловно неопредѣленное безконечное дѣйствительно слилось бы до неразличимости съ безконечнымъ бытіемъ Мелисса, какъ думаетъ Михелисъ, De Anax. Infin. Ind. lect. Bransber. 1874, p. 11. Но затрудненіе, не разъясненное Михелисомъ и потому не затронутое Целлеромъ въ его отвѣтѣ, Phil. d. Gr. 1, 196, № 1, состоитъ здѣсь не въ томъ, что вообще мыслители разныхъ школъ пришли къ одному и тому же понятію, а въ томъ, что іоніецъ, ставившій все бытіе въ генетическую зависимость и въ физическую связь съ безконечнымъ, пришелъ ко взгляду на него, который могъ бы принадлежать только элеату, порвавшему всякую связь между истинно сущимъ и явленіемъ.

[2]) Simpl. in Phys. 149; 13—17: ὁ μέντοι Πορφύριος... σῶμα μὲν τὸ ὑποκείμενον ἀδιορίστως 'Αναξίμανδρον λέγειν φησὶν ἄπειρον οὐ διορίσαντα τὸ εἶδος εἴτε πῦρ εἴτε ὕδωρ, εἴτε ἀήρ. Diog. L. 33. 2—4: 'Αναξίμανδρος... ἔφασκεν ἀρχὴν καὶ στοιχεῖον τὸ ἄπειρον, οὐ διορίζων ἀέρα ἢ ὕδωρ ἢ ἄλλο τι. *Diels*. Dox. 277. 7—278, 2. Plut. Plac. и Stob.): 'Αναξίμανδρός... φησι τῶν ὄντων τὴν ἀρχὴν εἶναι τὸ ἄπειρον... ἁμαρτάνει δὲ οὗτος μὴ λέγων τί ἐστι τὸ ἄπειρον (только Plut. Plac.) πότερον ἀήρ ἐστιν ἢ ὕδωρ ἢ γῆ ἢ ἄλλα τινὰ σώματα.

[3]) An. M. 232—234. Ноторпъ, Ueb. d. Princ. etc. 384—385, призналъ справедливость этой мысли Нейгэузера; Целлеръ въ своей рецензіи на сочиненіе послѣдняго о ней совсѣмъ не высказывается.

[4]) Такія свидѣтельства часто встрѣчаются у отцевъ церкви и у другихъ писателей. Важнѣйшее изъ нихъ по близости къ общему ихъ первоисточнику есть свидѣтельство Plut. Strom. *Diels*. Dox. 579. 7—9: 'Αναξίμανδρον... τὸ ἄπειρον φάναι τὴν πᾶσαν αἰτίαν ἔχειν τοῦ παντὸς γενέσεως καὶ φθορᾶς.

неніе употребленія у нихъ термина, не дающаго понятія о природѣ Анаксимандрова безконечнаго, будетъ, конечно, состоять въ томъ, что Анаксимандръ ограничивался самъ этимъ терминомъ при упоминаніяхъ о началѣ, и поэтому онъ сдѣлался техническимъ у писателей болѣе древнихъ, говорившихъ о немъ. Симплицій въ томъ мѣстѣ его комментарія на Аристотелеву Физику, гдѣ видны слѣды Өеофрастовыхъ данныхъ, утверждаетъ, что Анаксимандръ говорилъ, что начало не есть ни вода, ни какая-нибудь другая изъ такъ-называемыхъ стихій, но нѣкоторая природа безконечная [1]). Нѣкоторою природой безконечнаго называлъ Анаксимандръ начало, и по словамъ Гипполита [2]). Совершенной безкачественности этого начала, конечно, нельзя вывести и изъ этихъ двухъ свидѣтельствъ: нѣкоторая природа безконечнаго или безконечная не одно и то же, что̀ природа совершенно безкачественная; скорѣе это указываетъ на природу, о которой философъ опредѣленно не высказался, опредѣленнаго понятія о которой не дано. Можно подмѣтить нѣкоторое противорѣчіе между свидѣтельствомъ Симплиція и извѣстіями Plut. Plac., Порфирія и Діогена. Послѣдніе говорятъ, что Анаксимандръ опредѣленно не высказался даже о томъ, есть ли безконечное вода и пр., тогда какъ, по словамъ Симплиція, Анаксимандръ говорилъ, что оно не есть вода и пр. Но если мы примемъ во вниманіе, съ одной стороны, что безконечное Анаксимандра на самомъ дѣлѣ внѣ всякаго сомнѣнія не было ни одною изъ опредѣленныхъ стихій, съ другой стороны, что это обыкновенная неточность извѣстій о мнѣніяхъ философовъ передавать мысль философа съ добавленіемъ фразы „говоритъ“ и под., когда дѣло идетъ не о передачѣ подлинныхъ выраженій, а лишь такого взгляда, который ему несомнѣнно можно приписать [3]), то всѣ приведенныя свидѣтельства можно признать согласными между собою [4]). И еслибы мы сочли возможнымъ на основаніи ихъ составить предположеніе о

[1]) Simpl. in Phys. 24, 16—17: λέγει δ' ('Αναξίμανδρος) αὐτὴν (ἀρχήν) μήτε ὕδωρ μήτε ἄλλο τι τῶν καλουμένων εἶναι στοιχείων, ἀλλ' ἑτέραν τινὰ φύσιν ἄπειρον.

[2]) Doxogr. *Diels*. 559, 16: οὗτος ('Αναξ.) ἀρχὴν ἔφη τῶν ὄντων φύσιν τινὰ τοῦ ἀπείρου.

[3]) Подобнаго рода неточности встрѣчаются не рѣдко уже у Аристотеля.

[4]) Различіе представляютъ, кромѣ вышеупомянутаго свидѣтельства книжки de Mel. Xen. et Gorg., извѣстія Иринея (Dox. *Diels*. 171), Августина (ibid., 173) и Сидон. Аполл. (*Ritter*. Gesch. d. Phil. 1, 276. № 3); но особенность свидѣтельства Иринея къ данному вопросу не относится, а извѣстія Августина и Сид. Аполл. имѣютъ вообще мало значенія.

томъ, что̀ говорилось въ первоначальномъ источникѣ (отъ котораго всѣ они, вѣроятно, зависятъ) о природѣ Анаксимандрова безконечнаго, когда прямо шла рѣчь о немъ, то мы должны бы придти къ заключенію, что тамъ утверждалось, что Анаксимандръ называлъ начало безконечнымъ, что о природѣ этого начала онъ опредѣленно не высказался, но что тѣмъ не менѣе было совершенно ясно (конечно, изъ описываемаго у него космогоническаго процесса), что его безконечное не есть ни вода, ни огонь и вообще ни одна изъ такъ называемыхъ стихій, а какая-то особая природа. На основаніи этихъ свидѣтельствъ не только нельзя предполагать въ ихъ первоисточникѣ рѣшительнаго сужденія о совершенной неопредѣленности Анаксимандрова безконечнаго, но нельзя утверждать даже, чтобы терминъ ἀόριστος въ какомъ-либо болѣе широкомъ значеніи прилагался къ самой природѣ этого безконечнаго, а не къ характеристикѣ этой природы у Анаксимандра.

Съ этимъ терминомъ мы дѣйствительно встрѣчаемся лишь въ двухъ случаяхъ: въ Симплиціевой выпискѣ изъ Өеофраста, гдѣ вещество Анаксагора сводится къ единой неопредѣленной по виду и величинѣ природѣ въ интересахъ сближенія его съ Анаксимандровымъ безконечнымъ, и въ словахъ самого Симплиція, когда онъ, переходя отъ изложенія ученія о началѣ Анаксимандра къ Анаксимену, говоритъ о послѣднемъ: „подлежащую природу (субстратъ) и онъ признаетъ единою и безконечною подобно Анаксимандру, но не неопредѣленною какъ тотъ, а опредѣленною, такъ какъ говоритъ, что она есть воздухъ“ [1]). Оба эти свидѣтельства отличаются тѣмъ, что въ нихъ дано сопоставленіе Анаксимандрова начала съ началомъ другаго философа, въ одномъ случаѣ Анаксагора, въ другомъ—Анаксимена. Этотъ фактъ внушаетъ особую осторожность при ихъ толкованіи. Это очень обыкновенный случай, что, при сопоставленіи мнѣній съ цѣлью поставить на видъ ихъ сходство или различіе, особенно рельефно обрисовываются черты, которыя наиболѣе пригодны для этой цѣли и стушевываются черты, которыя ей не отвѣчаютъ. Мы видѣли, какъ у Аристотеля одно и то же вещество Анаксагора въ интересахъ разнообразныхъ сближеній называется то смѣшеніемъ въ смыслѣ равночастнаго бытія на ряду съ веществомъ Эмпедокла, то единымъ въ различіе отъ того же смѣ-

[1]) Simpl. in Phys. 24. 26—28: 'Αναξιμένης δὲ... μίαν μὲν καὶ αὐτὸς τὴν ὑποκειμένην φύσιν καὶ ἄπειρόν φησιν, ὥσπερ ἐκεῖνος ('Αναξίμανδρος), οὐκ ἀόριστον δὲ ὥσπερ ἐκεῖνος, ἀλλὰ ὡρισμένην, ἀέρα λγέων αὐτήν.

шенія, приписываемаго Эмпедоклу и Анаксимандру, то многимъ безконечнымъ по числу на ряду съ атомами Демокрита. Напрасно было бы думать, что такая особенность сопоставленій встрѣчается лишь у Аристотеля и ея не было у Өеофраста. Несомнѣнно, что и Өеофрастъ не избѣгалъ такого рода условныхъ характеристикъ: единственный очень значительный по объему отрывокъ, какой мы имѣемъ изъ его сочиненія, Fragmentum de sensibus, представляетъ примѣры такого рода, не обращающіе на себя вниманія лишь потому, что, къ счастію, онъ сохранился въ цѣломъ видѣ и поэтому вмѣстѣ съ сопоставленіями мнѣній мы имѣемъ тотчасъ слѣдующія за ними подробныя разъясненія каждаго изъ нихъ порознь. Въ самомъ началѣ отрывка Өеофрастъ различаетъ два взгляда на воспріятіе, и одинъ изъ нихъ, по которому сходное воспринимается сходнымъ, приписываетъ Пармениду, Эмпедоклу и Платону; тотчасъ за этимъ онъ приписываетъ всѣмъ имъ въ совокупности такія основанія убѣжденія въ этомъ взглядѣ [1]), которыя ни въ какомъ случаѣ Парменидомъ, по крайней мѣрѣ всѣ, быть высказаны не могли, и слѣдующее за тѣмъ изложеніе у самого Өеофраста Парменидова ученія достаточно показываетъ, что взглядъ Парменида на чувственное воспріятіе не былъ ни подробно развитъ, ни даже точно формулированъ. Въ одномъ изъ дальнѣйшихъ мѣстъ того же отрывка Өеофрастъ дѣлаетъ противоположеніе взглядовъ Платона и Демокрита на чувственное воспріятіе и по этому поводу говоритъ о Демокритѣ, что онъ все (чувственно воспринимаемое) дѣлаетъ состояніями воспріятія [2]); но изъ его же подробнаго изложенія Демокритова ученія и изъ его критики этого ученія оказывается, что, по его собственному мнѣнію, не все чувственно воспринимаемое имѣетъ у Демокрита значеніе простыхъ состояній воспріятія [3]).

Въ важнѣйшемъ свидѣтельствѣ, въ которомъ встрѣчается терминъ ἀόριστος, въ Симплиціевой выпискѣ изъ Өеофраста, говорится о природѣ неопредѣленной какъ по виду, такъ и по величинѣ. Сущность дѣла здѣсь, конечно, не въ неопредѣленности по величинѣ,—неопредѣленнымъ по величинѣ могло быть названо безконечное вслѣдствіе самой безпредѣльности своей по протяженію,—а въ неопредѣленности по виду, которая, нужно полагать, разумѣется и во второмъ

[1]) Dox. *Diels.* 499. 2—7.
[2]) Ibid. 516. 15.
[3]) Ibid. 517. 7—10; 519. 8—11.

менѣе важномъ свидѣтельствѣ самого Симплиція. Что же должна означать эта неопредѣленность по виду? Плотность, которая несомнѣнно должна была принадлежать среднему между стихіями веществу, о которомъ говоритъ Аристотель, столь же несомнѣнно, конечно, должна была, по мнѣнію принимавшихъ такое вещество, быть свойствомъ и всѣхъ остальныхъ тѣлъ; различіе по плотности, которое должно было существовать между нимъ и этими тѣлами, хотя бы оно разсматривалось какъ чисто качественное различіе, а не какъ различіе распредѣленія одного и того же вещества въ пространствѣ, не представлялось все же переходомъ изъ одной качественности въ иную, совершенно новую; въ постепенности различій по плотности, если брать плотность безъ отношенія къ другимъ свойствамъ, которыя могли быть поставлены въ связь съ нею, нельзя указать такого пункта, отъ котораго въ двѣ противоположныя стороны начинали бы возвышаться такъ рѣзко отличныя другъ отъ друга для нашего ощущенія качественности, какъ теплое и холодное, сухое и влажное; поэтому не различія по плотности выдвигала перипатетическая школа какъ существенныя видоразличія тѣлъ. Для перипатетика характерными свойствами стихій, опредѣляющими ихъ виды, были у каждой стихіи два свойства, вопервыхъ, теплота или холодъ, вовторыхъ, сухость или влажность, и притомъ эти четыре свойства распредѣлялись по стихіямъ такъ, что каждая стихія въ сличеніи съ каждою другою имѣла непремѣнно хотя одно свойство, отсутствующее у послѣдней [1]); элементарное тѣло, имѣвшее одни и тѣ же свойства съ другимъ, хотя бы эти свойства даны были и въ другой степени, должно было считаться тѣломъ одного съ нимъ вида. Отсюда тѣло, въ которомъ совсѣмъ не предполагалось бы этихъ противоположныхъ свойствъ, опредѣляющихъ видоразличіе стихій, должно было оказаться въ глазахъ перипатетика неспособнымъ имѣть видовой разности, неопредѣленнымъ по виду: оно должно было казаться ему абстрактомъ, которому недостаетъ не совершенной только конкретности данныхъ въ опытѣ предметовъ, но и видовой опредѣленности, которая съ его точки зрѣнія необходима была для установки самой сущности предмета. Вещество Архелая, то-есть, простое среднее по плотности между двумя стихіями вещество, въ которомъ открыто отрицались

[1]) Къ этимъ свойствамъ присоединялись еще также абсолютная или относительная легкость или тяжесть въ смыслѣ противоположныхъ стремленій вверхъ и

противоположныя свойства, опредѣляющія сущность стихій, неизбѣжно было въ указанномъ смыслѣ неопредѣленнымъ по виду веществомъ. Тотчасъ послѣ сопоставленія Анаксимандрова безконечнаго съ веществомъ Анаксагоровымъ, отожествляя съ послѣднимъ вещество Архелая, Ѳеофрастъ не только не становился бы въ противорѣчіе съ Аристотелемъ, но лишь формулировалъ бы въ точныхъ терминахъ то, что въ иныхъ только словахъ высказывалъ о немъ Аристотель. Ученію о простомъ среднемъ Аристотель прямо ставитъ въ упрекъ въ Phys. I. 5, что такого тѣла, стоящаго внѣ противоположностей, не существуетъ, и въ Gen. et corr. II. 1., что не можетъ быть чувственно постигаемаго тѣла, которое не было бы ни теплымъ, ни холоднымъ, ни легкимъ, ни тяжелымъ; все это такъ хорошо подходитъ къ Ѳеофрастову ἀόριστος κατ' εἶδος, что даже авторы, отрицающіе безусловно всякую качественность въ Анаксимандровомъ безконечномъ, безъ всякаго колебанія относили къ нему эти критическія замѣчанія Аристотеля, хотя объ отрицаніи плотности въ нихъ не говорится. Иначе, по видимому, ставится этотъ вопросъ въ отношеніи къ составному среднему веществу. Конечно, Анаксимандру, признававшему въ своемъ безконечномъ общія свойства тѣлеснаго бытія, то-есть, плотность вмѣстѣ съ способностью чрезъ соприкосновеніе съ другимъ бытіемъ испытывать и оказывать противодѣйствіе, не было уже никакой необходимости предполагать, что это безконечное, способное разлагаться на теплое и холодное и пр., заключаетъ также и ихъ въ себѣ не въ смыслѣ только равновѣсія этихъ качественностей, предполагающаго отсутствіе ихъ проявленій. Но Аристотель по крайней мѣрѣ прямо и открыто нигдѣ не дѣлаетъ упрека ученію о среднемъ составномъ веществѣ подобнаго тому, какой онъ дѣлаетъ ученію о простомъ; очевидно, онъ не знаетъ у Анаксимандра ученія объ отсутствіи въ его безконечномъ свойствъ, соотвѣтствующихъ свойствамъ, опредѣляющимъ видовыя разности стихій. Однако отсюда было бы слишкомъ поспѣшно заключать, что Аристотель былъ убѣжденъ въ существованіи въ немъ этихъ свойствъ. Возражая противъ отожествленія субстрата древними физиками съ однимъ изъ тѣлъ, онъ не считаетъ, очевидно, возможнымъ, когда говоритъ о среднемъ между огнемъ и воздухомъ веществѣ, то-есть, о веществѣ среднемъ составномъ, сослаться на его качественную опредѣленность, на видовое отличіе его отъ другаго бытія, какъ это дѣлаетъ онъ въ отношеніи къ стихіямъ; возраженіе противъ средняго составнаго вещества онъ соединяетъ не съ возраженіями противъ стихій, прямо указывающими на ихъ

опредѣленность, а съ возраженіями противъ вещества средняго простаго, разъясняющими (безъ всякихъ ссылокъ на свойства этихъ среднихъ началъ), что при отожествленіи съ субстратомъ они явно должны быть признаны за чистое στέρησις, неспособное къ обособленному существованію [1]). Когда въ Phys. I. 6. 189. b. нач., при разъясненіи своего собственнаго ученія о субстратѣ, Аристотель ссылается на физиковъ-монистовъ, онъ указываетъ на оба среднія вещества какъ на не вплетенныя въ противоположности (съ другимъ бытіемъ) и въ этомъ видитъ преимущество ихъ передъ стихіями, сравнительно большее право на названіе субстрата. Съ другой стороны, нигдѣ ни однимъ словомъ не намекаетъ онъ на то, чтобы признающіе среднее между огнемъ и воздухомъ начало дѣйствительно приписывали ему въ положительномъ смыслѣ среднія качественности между тѣми противоположностями, которыя, по его собственному мнѣнію, опредѣляютъ видоразличія стихій; когда онъ характеризуетъ среднія начала указаніемъ на ихъ свойство, всегда безъ исключенія указывается на сравнительную ихъ плотность, все равно идетъ ли дѣло о среднемъ простомъ или составномъ, хотя иная характеристика, напримѣръ, какъ вещества промежуточнаго между извѣстными стихіями по теплотѣ или холоду, по сухости или влажности, по стремленію вверхъ или внизъ, — характеристика, предполагающая извѣстную опредѣленность ихъ въ тѣхъ отношеніяхъ, какихъ касаются эти противоположныя качественности, указывала бы точнѣе съ его точки зрѣнія на ихъ сущность. Все это очень ясно доказываетъ, что, хотя Аристотель не находитъ у Анаксимандра ученія объ отсутствіи подобныхъ свойствъ въ его безконечномъ и въ виду своего собственнаго ученія о среднемъ составномъ бытіи не рѣшается приписать ему такой взглядъ, не имѣя твердыхъ и рѣшительныхъ данныхъ, однако онъ предполагаетъ или подозрѣваетъ у него этотъ именно взглядъ. Отсюда ясно, что Ѳеофрастъ, въ интересахъ сближенія Анаксагорова веще-

---

[1]) Возраженія противъ отожествленія субстрата съ какою-либо изъ стихій развиваются въ Gen. et corr. 11. 5. 332. a. 9—12 изъ мысли: οὐδ' οὕτω δοκεῖ, ὥστε ὕδωρ εἶναι ἅμα καὶ ἀέρα ἢ ἄλλο τι ὁτιοῦν. ἔσται δή τις ἐναντίωσις καὶ διαφορὰ ἧς ἕξε τι θάτερον μόριον τὸ πῦρ, οἷον θερμότητα κτλ. Сказавъ въ заключеніе, что это возраженіе приложимо ко всѣмъ стихіямъ (τούτων, то-есть, къ выше перечисленнымъ ἀέρα ἢ ὕδωρ ἢ πῦρ ἢ γῆν), Аристотель продолжаетъ, ibid. 20—24: οὐ μὴν οὐδ' ἄλλο τι παρὰ ταῦτα, οἷον μέσον τι ἀέρος καὶ ὕδατος ἢ ἀέρος καὶ πυρός . . . ἔσται γὰρ ἀὴρ καὶ πῦρ ἐκεῖνο μετ' ἐναντιότητος, ἀλλὰ στέρησις τὸ ἕτερον τῶν ἐναντίων, ὥστε οὐκ ἐνδέχεται μονοῦσθαι ἐκεῖνο οὐδέποτε.

ства съ Анаксимандровымъ безконечнымъ, характеризуя первое не какъ единую только, но и какъ неопредѣленную по виду природу и такимъ образомъ, правда, косвенно, но достаточно ясно относя эту характеристику и къ послѣднему, не становится при этомъ ни въ какое противорѣчіе съ Аристотелемъ. Плотность при его характеристикѣ также подразумѣвается какъ и при Аристотелевыхъ упрекахъ ученію о простомъ среднемъ веществѣ. Что же касается видовыхъ особенностей стихій, то Ѳеофрастъ только прямо и рѣшительно усвояетъ Анаксимандрову безконечному то, что, очевидно, подозрѣваетъ въ немъ, но не считаетъ себя въ правѣ утверждать о немъ Аристотель. Такаго рода различіе въ сужденіи, конечно, не представляло бы ничего удивительнаго. Но въ виду того, что во всѣхъ извѣстіяхъ доксографовъ, которыя ведутъ свою генеалогію изъ Ѳеофраста же, нѣтъ никакого упоминанія объ этой неопредѣленности по виду, мнѣ кажется, мы не имѣемъ права по крайней мѣрѣ съ полною увѣренностію утверждать даже и это различіе. Въ интересахъ сопоставленія трехъ философовъ, которыхъ взгляды на вещество, очевидно, развивались одинъ изъ другаго и фактически завершились въ до-сократовскій періодъ ученіемъ Архелая о веществѣ, которое вполнѣ можно было назвать относительно неопредѣленнымъ или неопредѣленнымъ по виду, Ѳеофрастъ, конечно, могъ при сжатомъ указаніи на эту связь допустить неточность въ сужденіи объ Анаксимандрѣ, и эту неточность едва ли можно назвать болѣе значительною чѣмъ тѣ неточности, примѣры которыхъ представляетъ, какъ мы видѣли, единственный большой отрывокъ изъ его сочиненія. Но какъ бы это ни было, во всякомъ случаѣ ясно, что ни о какой совершенной неопредѣленности въ смыслѣ полной безкачественности Анаксимандрова безконечнаго нѣтъ никакого права говорить на основаніи Симплиціевой выдержки изъ Ѳеофраста. И совершенно понятно, что ни Симплицій, ни Порфирій, который едва ли менѣе точно зналъ взглядъ Ѳеофраста на это безконечное, чѣмъ Симплицій, не видѣли въ терминѣ ἀόριστον никакой помѣхи къ отожествленію Анаксимандрова начала съ τὸ μεταξύ. Оспаривая это тожество, Порфирій ссылался не на неопредѣленность по виду этого начала, а лишь на то, что Анаксимандръ опредѣленно не высказался объ его природѣ. И Симплицій, отстаивающій это тожество противъ Порфирія, не затрудняется безъ всякаго дальнѣйшаго объясненія приводить цитованную выписку изъ Ѳеофраста, не затрудняется и отъ своего собственнаго лица, хотя, вѣроятно, вслѣдъ за болѣе древнимъ авторомъ, Анаксимандрово начало отличать отъ Анаксименова какъ ἀόριστον отъ ὡρισμένον [1]).

[1]) Не одинъ разъ защитники мнѣнія о совершенной безкачественности Анаксимандрова безконечнаго особенно ставили на видъ, что сведеніе въ Ѳеофрастовомъ отрывкѣ Анаксагорова смѣшенія къ единой неопредѣленной природѣ напоминаетъ Аристотелево сведеніе этого же смѣшенія къ своему понятію объ ὕλη въ Metaph. I. 8. Порядокъ и связь мыслей отрывка, какъ мы видѣли, соотвѣтствуетъ Phys. I. 4. Въ той же книгѣ и главѣ Физики Аристотель, разсуждая объ Анаксагоровомъ веществѣ, между прочимъ, говоритъ, 187. b. 8—13: εἰ δὴ τὸ μὲν ἄπειρον ᾗ ἄπειρον ἄγνωστον, τὸ μὲν κατὰ πλῆθος ἢ κατὰ μέγεθος ἄπειρον ἄγνωστον πόσον τι, τὸ δὲ κατ᾽ εἶδος ἄπειρον ἄγνωστον ποῖόν τι. Τῶν δ᾽ ἀρχῶν ἀπείρων οὐσῶν καὶ κατὰ πλῆθος καὶ κατ᾽ εἶδος, ἀδύνατον εἰδέναι τὰ ἐκ τούτων. οὕτω γὰρ εἰδέναι τὸ σύνθετον ὑπολαμβάνομεν, ὅταν εἰδῶμεν ἐκ τίνων καὶ πόσων ἐστίν. Отсюда слѣдовала непознаваемость, слѣдовательно, недоступность научному опредѣленію Анаксагорова смѣшенія, которое возводилось къ Анаксимандрову единому и которое дало μίαν φύσιν Ѳеофраста. Metaph. I. 8 могло облегчить, конечно, для Ѳеофраста переходъ отъ понятія ἄγνωστον къ понятію ἀόριστον, которое, однако, въ той или другой формѣ было дано уже у Архелая; изъ Metaph. I. 8 также могло быть взято ὅπερ ἂν δόξειε (Анаксагоръ) βούλεσθαι λέγειν—фраза, встрѣчающаяся во второй редакціи Ѳеофрастова отрывка, хотя опять никакъ не невозможно, что прототипомъ для Аристотеля и Ѳеофраста могло послужить подобное выраженіе Архелая, когда онъ сводилъ смѣшеніе Анаксагора къ чуждому противоположностей бытію и разъяснялъ иллюзію смѣшенія. Но отъ этихъ возможныхъ заимствованій изъ Metaph. I. 8 до тожества характеристики Анаксагорова смѣшенія у Ѳеофраста и въ Metaph. очень далеко. То, что въ Metaph. названо ἀόριστον πρὶν ὁρισθῆναι καὶ μετασχεῖν εἴδους τινός, у Ѳеофраста является какъ ἀόριστον καὶ κατ᾽ εἶδος καὶ κατὰ μέγεθος. Выраженіе κατὰ μέγεθος, котораго совсѣмъ нѣтъ въ разсужденіяхъ Metaph. по этому предмету (тамъ встрѣчается лишь болѣе общее πόσον и съ прямымъ отрицаніемъ οὔτε πόσον οὔτε τι), рельефно выступаетъ въ цитованномъ мѣстѣ Phys. въ прямомъ соотношеніи съ κατὰ εἶδος; и это отступленіе отъ Metaph., и сближеніе съ Phys. не лишено значенія: ἀόριστος κατὰ μέγεθος можетъ указывать на безпредѣльность по протяженію, тогда какъ Metaph., слишкомъ сближая Анаксагорово вещество съ Аристотелевой ὕλη, едва ли оставляетъ мѣсто для представленія его безпредѣльно протяженнымъ. Тѣмъ болѣе имѣетъ значенія замѣна слишкомъ рѣшительнаго выраженія Metaph. ἀόριστον πρὶν ὁρισθῆναι καὶ μετασχεῖν εἴδους τινός болѣе сглаженнымъ ἀόριστος κατὰ εἶδος: послѣднее выраженіе, какъ показано, весьма удобно можетъ быть толкуемо въ смыслѣ неопредѣленности по виду въ собственномъ смыслѣ, тогда какъ первое исключаетъ всякую къ тому возможность, предполагая безусловную неприложимость какого бы то ни было понятія, отсутствіе всякой формы. Поэтому, если мы и предположимъ, что Ѳеофрастъ имѣлъ въ виду въ данномъ мѣстѣ Metaph. I. 8 (что очень вѣроятно), то заключеніе отсюда выйдетъ все же прямо обратное тому, какое обыкновенно дѣлаютъ. Если, имѣя въ виду Metaph. I. 8, Ѳеофрастъ тѣмъ не менѣе не пользуется данною тамъ точною характеристикой совершенно неопредѣленной природы, а пользуется терминами, подъ которыми безъ всякаго

Въ извѣстіяхъ Ѳеофрастовой серіи есть одна особенность, указывающая на фактъ, имѣющій существенное значеніе въ нашемъ вопросѣ, такъ какъ безъ него едва ли возможны были бы всѣ споры о природѣ Анаксимандрова безконечнаго, точно также какъ и разногласіе извѣстій о веществѣ у Архелая. Во всей совокупности извѣстій, которыя, какъ нужно предполагать, не стоятъ въ непосредственной зависимости отъ Аристотелевыхъ сочиненій, а чрезъ разнообразныя посредства ведутъ свою генеалогію отъ свѣдѣній, сообщавшихся въ Ѳеофрастовомъ сочиненіи, нигдѣ не встрѣчаемъ мы отнесенія τὸ μεταξύ ни къ Анаксимандру, ни къ Архелаю. Эта особенность извѣстій Ѳеофрастовой серіи завѣряетъ насъ въ томъ фактѣ, что Ѳеофрастъ не называлъ ни безконечное Анаксимандра, ни вещество Архелая этимъ терминомъ [1]). Въ самомъ дѣлѣ такое сподручное названіе едва ли не перешло бы къ кому-нибудь изъ древнѣйшихъ доксографовъ и біографовъ, и слѣдъ его едва ли исчезъ бы въ этого рода литературѣ, еслибы этотъ терминъ былъ употребленъ Ѳеофрастомъ для обозначенія природы начала у обоихъ этихъ философовъ. Не разъясненнымъ въ такомъ случаѣ долженъ бы остаться и тотъ фактъ, что Симплицій, который прямо ссылается на Ѳеофраста при опроверженіи мнѣнія Николая Дамаскена, приписывавшаго Діогену Аполлонійскому ученіе о среднемъ веществѣ между огнемъ и воздухомъ [2]), молчитъ о Ѳеофрастѣ при опроверженіи другой стороны того же мнѣнія, защищаемой Порфиріемъ, отрицавшимъ принадлежность ученія о томъ же среднемъ веществѣ Анаксимандру, и находитъ возможнымъ сослаться только на Александра: Симплицію, очевидно, ни откуда не

затрудненія можно понимать и такую природу, которая могла бы назваться неопредѣленною въ указанномъ выше относительномъ смыслѣ, то это едва ли можно объяснить иначе какъ тѣмъ, что на это вызываетъ его сближеніе съ Анаксимандромъ, которое онъ здѣсь дѣлаетъ и котораго Аристотель не дѣлаетъ въ Metaph. Если о смѣшеніи Анаксагора, при сведеніи его къ μία φύσις, можно сказать, что оно не только ἀόριστος κατ' εἶδος, но и вообще ἀόριστος πρὶν ὁρισθῆνα καὶ μετασχεῖν εἴδους τινός (къ чему могъ свести его уже никакъ не Архелай, а дальнѣйшій анализъ вещества, прошедшій чрезъ Платона), то Ѳеофрастъ, конечно, хорошо знаетъ это и здѣсь же ясно даетъ понять, что дѣло идетъ о сближеніи допускающемъ рзличіе между сближаемыми предметами: и въ началѣ, и въ концѣ своей рѣчи онъ ясно говоритъ, что устанавливается (лишь) сходство (παραπλησίως) обоихъ взглядовъ (а не тожество ихъ).

[1]) Нейгэузеръ, An. M. 144—151, старается доказать, что Ѳеофрастъ приписывалъ Анаксимандру τὸ μεταξύ, разборъ его доказательствъ см. *Notorp.* Ueb. d. Pr. etc., 385—386.

[2]) Simpl. in Phys. 25, 6—7.

было извѣстно, чтобы Ѳеофрастъ относилъ ученіе о τὸ μεταξύ къ Анаксимандру. Самые споры о природѣ Анаксимандрова безконечнаго, начавшіеся уже въ первые періоды комментаторской литературы, когда еще имѣли или Ѳеофрастово сочиненіе, или древнихъ авторовъ, изъ него черпавшихъ и на него ссылавшихся, едва ли были бы возможны, еслибы въ сочиненіи Ѳеофраста было высказано ясное и рѣшительное сужденіе объ этомъ; точно также была бы не возможна и очевидная растерянность компиляторовъ при указаніи на принципъ Архелая, еслибы ясно было отнесено къ нему τὸ μεταξύ у Ѳеофраста. Однако какъ важно ни было для исторіи самаго вопроса о началахъ Анаксимандра и Архелая отсутствіе у Ѳеофраста примѣненія къ нимъ термина τὸ μεταξύ, оно, если всмотрѣться въ этотъ фактъ внимательнѣе, не только не заключаетъ въ себѣ чего-нибудь удивительнаго, но, на оборотъ, должно быть признано дѣломъ самымъ естественнымъ и понятнымъ. Не отнесенія только термина τὸ μεταξύ къ началамъ Анаксимандра и Архелая, но и вообще этого термина какъ названія для начала какого бы то ни было философа, очевидно, не встрѣчалось у Ѳеофраста: его нѣтъ вообще въ извѣстіяхъ Ѳеофрастовой серіи, хотя въ ней встрѣчаются извѣстія о самыхъ ничтожныхъ мыслителяхъ древности; и, еслибы оно было пріурочено Ѳеофрастомъ къ веществу какого-либо мыслителя древности, Николаю Дамаскену и Порфирію не было бы нужды въ прямое противорѣчіе извѣстіямъ не Ѳеофраста только, но и Аристотеля [1]) о Діогенѣ Аполлонійскомъ пріурочивать этотъ терминъ къ веществу послѣдняго; не оказалось бы нужды и другимъ комментаторамъ оба τὸ μεταξύ страннымъ образомъ соединять съ безконечнымъ Анаксимандра; а между тѣмъ Аристотелевы упоминанія о принимавшихъ τὸ μεταξύ такъ обычны и такъ ясно показываютъ, что философы, принимавшіе среднія начала, имѣли въ его глазахъ свое значеніе, что было бы совсѣмъ невѣроятно предположеніе, что Ѳеофрастъ въ спеціальномъ историко-критическомъ изслѣдованіи мнѣній физиковъ совсѣмъ не упоминалъ о нихъ. Это уже показываетъ, что самое предположеніе, будто бы у Ѳеофраста безконечное Анаксимандра и вещество Архелая должны были быть названы τὸ μεταξύ, если этимъ терминомъ названы они у Аристотеля, заключаетъ въ себѣ какое-то недоумѣніе. Здѣсь и въ самомъ дѣлѣ есть недоумѣніе. Начнемъ съ Анаксимандра. Мы видѣли, что по яснымъ извѣстіямъ нѣсколькихъ позднѣйшихъ писателей, которымъ

[1]) Metaph. I. 3. 984. a. 5—6.

никакъ не противорѣчатъ извѣстія и другихъ писателей о безконечномъ Анаксимандра, самъ Анаксимандръ называлъ свое начало τὸ ἄπειρον, не высказываясь далѣе и болѣе опредѣленно объ его природѣ. Отсюда слѣдуетъ, что названіе τὸ μεταξύ ему не принадлежитъ, а образовано Аристотелемъ, конечно, въ видахъ того удобства, которое представлялъ этотъ терминъ при нерѣдкихъ у него краткихъ перечняхъ началъ древнихъ философовъ безъ обозначенія именъ ихъ и вообще при краткихъ указаніяхъ на него. Θеофрастъ, при случайныхъ упоминаніяхъ о началѣ Анаксимандра называвшій, конечно, всегда имя философа, въ искусственномъ терминѣ не нуждался. Особо заявлять, что это начало, то-есть, тѣлесная масса, изъ которой возникаютъ всѣ вещи и въ которую онѣ разрѣшаются, имѣетъ плотность, ему не могло придти даже на мысль; ему должно было казаться это столь же очевиднымъ, какъ существованіе плотности у воды, воздуха или какого бы то ни было другаго тѣла, изъ котораго тѣмъ или другимъ путемъ объясняютъ происхожденіе другихъ тѣлъ; онъ могъ констатировать особенности, которыя находилъ въ представленіи о такого рода началахъ, а не свойства, которыя сами собою подразумѣваются въ понятіи о какомъ угодно изъ нихъ. Конечно, то или другое отношеніе Анаксимандрова безконечнаго со стороны его плотности къ другимъ стихіямъ уже не было очевидно само по себѣ. Но оно, какъ мы видѣли, не должно было давать ему въ глазахъ Θеофраста видовой опредѣленности, не ставило его въ рядъ съ другими тѣлами, имѣющими эту опредѣленность, и, слѣдовательно, не вносило ничего существеннаго въ самое понятіе о немъ; какъ мало важности представляла сравнительная степень плотности для философскаго ученія о началѣ, будетъ ли то вообще или съ точки зрѣнія перипатетиковъ, ясно изъ того, что Аристотелю, съ различныхъ сторонъ обсуждавшему принципы древнихъ философовъ, ни одного разу не приходится отдѣлять въ своихъ сужденіяхъ одно среднее начало отъ другаго единственно вслѣдствіе того, что они представляютъ промежуточныя по плотности вещества не между однѣми и тѣми же стихіями. Отношеніе начала по плотности къ стихіямъ должно было выражаться лишь въ разнообразныхъ особенностяхъ космогоническаго процесса, но при описаніяхъ этого процесса, которыя дѣлалъ Θеофрастъ, это, конечно, и было вполнѣ очевидно. Названіе Анаксимандрова начала веществомъ среднимъ по плотности между опредѣленными стихіями могло быть очень удобнымъ, даже единственно возможнымъ описательнымъ терминомъ для этого безконечнаго, но оно теряло всякое значеніе для того, кто не чув-

ствовалъ нужды въ такомъ терминѣ. Тѣмъ не менѣе совершенно понятно, что отсутствіе этого термина у Θеофраста оказалось фактомъ капитальной важности для возникшей послѣ Андроникова изданія сочиненій Аристотеля комментаторской литературы. Такъ какъ у Θеофраста не оказалось именъ, которыя можно было бы безъ дальнѣйшаго разсужденія подставить ко взглядамъ на вещество какъ на τὸ μεταξύ, то приходилось самостоятельно опредѣлять представителей этого ученія. Между тѣмъ космогоническія представленія древнихъ, которыя могли бы содѣйствовать разрѣшенію темнаго вопроса, разсматривались какъ простая прибавка къ философскимъ взглядамъ, не стоявшая съ ними ни въ какой существенной связи; никому не приходило на мысль для опредѣленія начала подробнѣе изслѣдовать по даннымъ, которыя тогда, можетъ быть, еще и можно было найдти, въ какомъ порядкѣ послѣдовательности развивалось изъ него остальное бытіе, чему изъ этого остальнаго бытія приписывались бо́льшая легкость, стремленіе къ периферіи цѣлаго и пр. Естественно возникли недоумѣнія и споры. Большинство, опираясь, конечно, на то значеніе, которое придается въ сочиненіяхъ Аристотеля представителямъ ученія о τὸ μεταξύ, съ одной стороны, и не находя объясненія слишкомъ рѣдкому упоминанію у него объ Анаксимандрѣ съ обозначеніемъ его имени, съ другой, пришло къ вѣрному заключенію о тожествѣ начала Анаксимандра съ τὸ μεταξύ, но въ то же время не сумѣло различить два существенно неодинаковые взгляда на самое τὸ μεταξύ и пришло къ странному убѣжденію, что одно и то же начало разумѣется и подъ веществомъ среднимъ по плотности между огнемъ и воздухомъ, и подъ веществомъ среднимъ между воздухомъ и водою. Другіе, раздѣляя, по видимому, послѣднее убѣжденіе первыхъ, ухватились за тотъ фактъ, что по Θеофрастову извѣстію Анаксимандръ оставилъ безъ дальнѣйшаго опредѣленія свое безконечное и, не могши примирить его съ Аристотелевымъ названіемъ этого же безконечнаго τὸ μεταξύ, искали иного представителя для ученія о послѣднемъ. Что̀ сказано объ Анаксимандрѣ, почти то же приложимо и къ Архелаю. Онъ, правда, говорилъ о началѣ много опредѣленнѣе Анаксимандра; онъ ясно говорилъ, что безконечное, изъ котораго все происходитъ и въ которое все возвращается, не можетъ быть ни одною изъ стихій, данныхъ въ нашемъ мірѣ, что оно не можетъ имѣть тѣхъ противоположныхъ свойствъ, тепла и холода, легкости и тяжести и пр., которыми онѣ отличаются другъ отъ друга, что эти свойства составляютъ простой результатъ процессовъ уплотненія и разрѣженія; онъ

ясно давалъ то, что Θеофрастъ назвалъ ἀόριστον κατ' εἶδος, обобщая въ этомъ понятіи вмѣстѣ съ веществомъ Архелая и вещество Анаксимандра и Анаксагора. Но говоря о безконечномъ, различномъ отъ стихій, порождающемъ все чрезъ процессы уплотненія и разрѣженія, описывая самый процессъ возникновенія изъ него стихій, Архелай, конечно, не чувствовалъ никакой потребности разъяснять, что оно имѣетъ плотность и что оно по плотности занимаетъ среднее мѣсто между тою стихіей, происхожденіе которой онъ прямо описывалъ какъ его уплотненіе, и тою, которая, по его космогоніи, стремилась вверхъ вслѣдствіе своей разрѣженности и легкости. Что̀ могло бы прибавить такое опредѣленіе для разъясненія начала, сущность котораго полагалась въ возвышенности надъ ограничительными опредѣленіями возникавшаго изъ него конечнаго бытія? Или что̀ могло бы дать это опредѣленіе такого, что̀ не было бы ясно изъ самаго космогоническаго процесса? Θеофрастъ точно также не нуждался въ искусственномъ терминѣ для обозначенія Архелаева безконечнаго, какъ не нуждался въ немъ для обозначенія безконечнаго Анаксимандра. Все это совершенно понятно и естественно. Но результатъ оказался неожиданный: достаточно было незначительной неисправности въ текстѣ древняго извѣстія объ Архелаѣ и отсутствія острой сообразительности у древнихъ компиляторовъ, чтобы его безконечное превратилось и въ воздухъ, и во вторичныя начала, огонь и воду, и даже въ то Анаксагорово смѣшеніе, которое онъ нѣкогда превратилъ въ свое единое, чуждое противоположностей начало. И если эта путаница древнихъ извѣстій не вызвала такихъ же упорныхъ споровъ въ новой историко-философской литературѣ, то это случилось исключительно благодаря скромному мѣсту и значенію, какое Архелаю усвоялось въ ней, можетъ быть, впрочемъ, болѣе скромному, чѣмъ какое принадлежало ему на дѣлѣ.

Вѣчное движеніе въ безконечномъ.

Другую сторону во взглядѣ Анаксимандра на безконечное составляютъ ученіе о вѣчномъ движеніи въ немъ и представленіе о самой его безконечности.

Извѣстія позднѣйшихъ писателей усвояютъ Анаксимандру ученіе о вѣчномъ движеніи, съ которымъ ставятся въ связь міробразовательные процессы. На это вѣчное движеніе существуетъ два взгляда.

Одни отожествляютъ его съ самымъ процессомъ выдѣленія, другіе съ круговращательнымъ движеніемъ неба, которое, по ихъ мнѣнію, должно служить условіемъ самаго процесса выдѣленія.

Нейгэузеръ [1]), который защищаетъ первый изъ этихъ взглядовъ, ссылается въ подтвержденіе его даже на два мѣста Аристотеля Metaph. I. 5. 986. b. 14—17 и Phys. I. 4. Въ первомъ Аристотель противополагаетъ элеатовъ, признающихъ единое и неподвижное бытіе, физикамъ, также признававшимъ единое бытіе, но подвижное, такъ какъ они изъ него порождаютъ вселенную [2]). Изъ этого мѣста Нейгэузеръ заключаетъ, что Аристотель приписывалъ физикамъ-монистамъ ученіе о подвижности начала только потому, что они говорили о порожденіи изъ него разнообразнаго бытія, а слѣдовательно подъ подвижностью начала онъ разумѣлъ самый способъ этого порожденія, который по Анаксимандру есть выдѣленіе. Но Аристотель хочетъ сказать только, что съ признаніемъ космогоническаго процесса, которое отличало іонійскихъ физиковъ отъ элеатовъ, неизбѣжно соединяется признаніе движенія [3]), и изъ его словъ не слѣдуетъ, чтобы всѣ физики-монисты или нѣкоторые изъ нихъ сами не говорили о движеніи въ принимаемомъ ими началѣ, и чтобы нельзя было приписать кому-нибудь изъ нихъ ученіе о движеніи иначе какъ путемъ вывода изъ ученія ихъ о способѣ возникновенія многаго изъ единаго; никакъ не слѣдуетъ изъ словъ Аристотеля и того, чтобы кто-нибудь изъ самыхъ физиковъ-монистовъ не признавалъ особаго, напримѣръ, вращательнаго движенія условіемъ самыхъ процессовъ выдѣленія. Также мало можно вывести что нибудь въ пользу взгляда, защищаемаго Нейгэузеромъ, изъ Phys. I. 4. Нейгэузеръ указываетъ на то, что ранѣе въ Phys. I. 2 нач. Аристотель дѣлилъ признающихъ единое на элеатовъ, которые считаютъ его неподвижнымъ, и физиковъ, которые признаютъ его подвижнымъ; такъ какъ затѣмъ послѣ опроверженія первыхъ онъ дѣлитъ въ I. 4 послѣднихъ на

---

[1]) *Neuh.* An. M. 305—306 сл. 282.

[2]) οὐ γὰρ ὥσπερ ἔνιοι τῶν φυσιολόγων ἓν ὑποθέμενοι τὸ ὄν ὅμως γεννῶσιν ὡς ἐξ ὕλης τοῦ ἑνός, ἀλλ' ἕτερον τρόπον οὗτοι λέγουσιν (то-есть, элеаты) ἐκεῖνοι μὲν γὰρ προστιθέασι κίνησιν, γεννῶντές γε τὸ πᾶν, οὗτοι δὲ ἀκίνητον εἶναί φασιν.

[3]) Это еще яснѣе изъ параллельнаго мѣста Phys. VIII. 1. 250. b. 15—18: εἶναι μὲν οὖν κίνησιν πάντες φασὶν οἱ περὶ φύσεώς τι λέγοντες διὰ τὸ κοσμοποιεῖν καὶ περὶ γενέσεως καὶ φθορᾶς εἶναι τὴν θεωρίαν πᾶσαν αὐτοῖς, ἣν ἀδύνατον ὑπάρχειν μὴ κινήσεως οὔσης.

порождающихъ остальное бытіе чрезъ уплотненіе и разрѣженіе и на порождающихъ его чрезъ выдѣленіе, то, по мнѣнію Нейгэузера, отсюда должно слѣдовать, что эти процессы выдѣленія и уплотненія и разрѣженія суть виды того самаго движенія, которымъ подвижное бытіе физиковъ отличается отъ неподвижнаго бытія элеатовъ. Однако, еслибы всѣ или нѣкоторые физики-монисты признавали условіемъ возникновенія многаго изъ единаго какое-либо особое движеніе и послѣднее считали и называли вѣчнымъ движеніемъ, это нисколько не препятствовало бы имъ отличаться другъ отъ друга своимъ ученіемъ о самомъ способѣ происхожденія многаго изъ единаго, и это различіе и само по себѣ не перестало бы быть очень важнымъ различіемъ и не потеряло бы своего значенія для той цѣли, съ которой Аристотель въ этомъ мѣстѣ на него указываетъ, то-есть, для разъясненія отношенія между единымъ и многимъ у двухъ группъ физиковъ; а потому, какого бы взгляда на вѣчное движеніе Анаксимандръ ни держался, Аристотель могъ бы сказать то же самое. Кромѣ этихъ двухъ ссылокъ на Аристотеля, Нейгэузеръ въ подтвержденіе своей мысли ссылается также на сличеніе позднѣйшихъ извѣстій о порожденіи многаго у Анаксимандра. Изъ этого сличенія оказывается, что въ двухъ свидѣтельствахъ, именно у Филопона [1]) и Симплиція [2]), рожденіе остальнаго бытія соединяется съ выдѣленіемъ противоположностей, въ другихъ же свидѣтельствахъ, Гипполита [3]), Гермія [4])

---

[1]) In Phys. 87. 1—10: 'Αναξίμανδρος δὲ τὸ μεταξύ... λέγων στοιχεῖον τὰ ἄλλα ἐκ τούτου ἐκκρίνεσθαι ἔλεγεν· ἐνυπάρχειν γὰρ ἐν τούτῳ ἀπείρῳ ὄντι τὰς ἐναντιότητας, εἶτα ἐκκρινομένας ἐξ αὐτοῦ ποιεῖν τὰ λοιπά... 'Αναξίμανδρος δὲ οὐκ ἀλλοιώσει τοῦ μεταξὺ γεννᾷ τὰ ἄλλα, ἀλλ' ἐκκρίσει ἐνυπαρχόντων ἐν αὐτῷ. 88. 24—29: ὃν τρόπον οὖν, φησίν (Аристотель), οἱ περὶ 'Αναξαγόραν καὶ 'Εμπεδοκλέα ἐκκρίσει τὴν γένεσιν γίνεσθαι λεγουσιν, οὕτω καί ὁ 'Αναξίμανδρος ἐκ τοῦ κατ' αὐτὸν στοιχείου... τὰ ἄλλα γίνεσθαι, μᾶλλον δὲ ἐκκρίνεσθαι. τὴν γὰρ γένεσιν οὐδὲν εἶναι ἄλλο ἢ ἔκκρισιν καὶ ἔκφανσιν.

[2]) In Phys. 150. 20—23: ἕτερος δὲ τρόπος (γενέσεως) καθ' ὃν οὐκέτι τὴν μεταβολὴν τῆς ὕλης αἰτιῶνται οὐδὲ κατὰ ἀλλοίωσιν τοῦ ὑποκειμένου τὰς γενέσεις ἀποδιδόασιν, ἀλλὰ κατὰ ἔκκρισιν· ἐνούσας γὰρ τὰς ἐναντιότητας ἐν τῷ ὑποκειμένῳ ἀπείρῳ ὄντι σώματι, ἐκκρίνεσθαί φησιν 'Αναξίμανδρος.

[3]) Dox. *Diels*. 559. 20—22 (Hippol.): οὗτος (Анаксимандръ) μὲν οὖν ἀρχὴν καὶ στοιχεῖον εἴρηκε τῶν ὄντων τὸ ἄπειρον... πρὸς δὲ τούτῳ κίνησιν ἀίδιον εἶναι, ἐν ᾗ συμβαίνειν γίνεσθαι τοὺς οὐρανούς.

[4]) Ibid. 653. 23—25 (Herm.): 'Αναξίμανδρος τοῦ ὑγροῦ πρεσβυτέραν ἀρχὴν εἶναι λέγει τὴν ἀίδιον κίνησιν καὶ ταύτῃ τὰ μὲν γεννᾶσθαι, τὰ δὲ φθείρεσθαι.

и также Симплиція [1]), оно соединяется съ вѣчнымъ движеніемъ; это соединеніе продуктивнаго процесса то съ понятіемъ вѣчнаго движенія то съ понятіемъ выдѣленія, должно, по мнѣнію Нейгэузера, доказывать тожество обоихъ послѣднихъ понятій. Однако и съ этимъ выводомъ согласиться нельзя. Тѣ, которые отожествляютъ вѣчное движеніе у Анаксимандра съ вращательнымъ движеніемъ неба, никакъ не отрицаютъ, что рожденіе совершается по Анаксимандру чрезъ процессъ выдѣленія; они думаютъ только, что выдѣленіе не есть актъ первоначальный, а обусловлено особымъ вращательнымъ движеніемъ неба. А поэтому и съ ихъ точки зрѣнія нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что рожденіе въ извѣстіяхъ позднѣйшихъ писателей соединяется то съ понятіемъ выдѣленія, то съ понятіемъ вѣчнаго движенія: въ первомъ случаѣ извѣстія могли бы имѣть въ виду разъясненіе самаго акта рожденія, описаніе способа, какимъ оно совершается, во второмъ—разъясненіе условія его или производящей его причины; и текстъ самыхъ свидѣтельствъ не противорѣчитъ такому предположенію; по крайней мѣрѣ одно изъ свидѣтельствъ, говорящихъ о вѣчномъ движеніи, ясно называетъ его причиной рожденія (Simpl.), тогда какъ свидѣтели, говорящіе о выдѣленіи, прямо называютъ его или способомъ рожденія (тотъ же Simpl.) или даже просто отожествляютъ его съ рожденіемъ (Philop.). Въ комментаріѣ Симплиція, сверхъ того, встрѣчается такое мѣсто, гдѣ въ одномъ предложеніи соединяются оба понятія и выдѣленія, и вѣчнаго движенія и притомъ въ такомъ сочетаніи, которое заставляетъ предполагать, что они отличаются другъ отъ друга; по Анаксимандру, говорится въ этомъ мѣстѣ, рожденіе происходитъ не чрезъ качественное измѣненіе стихіи, а черезъ выдѣленіе противоположностей посредствомъ вѣчнаго движенія [2]). Это мѣсто, по видимому, довольно рѣшительно говоритъ противъ взгляда Нейгэузера.

Мысль о тожествѣ вѣчнаго движенія у Анаксимандра съ враща-

---

[1]) In Phys. 41. 17—19: 'Αναξίμανδρος... ἄπειρόν τινα φύσιν, ἧς τὴν ἀίδιον κίνησιν εἶναι αἰτίαν τῆς τῶν οὐρανῶν γενέσεως.

[2]) Simpl. in Phys. 24. 23—25: οὗτος δὲ (Анаксимандръ) οὐκ ἀλλοιουμένου τοῦ στοιχείου τὴν γένεσιν ποιεῖ, ἀλλ' ἀποκρινομένων τῶν ἐναντίων διὰ τῆς ἀιδίου κινήσεως. Нейгэузеръ хочетъ, правда, толковать это мѣсто въ томъ смыслѣ, что здѣсь подъ вѣчнымъ движеніемъ разумѣется движеніе самаго выдѣленія; но онъ самъ уже замѣчаетъ недостаточную убѣдительность своей аргументаціи 307. № 7.

тельнымъ движеніемъ неба высказалъ и развилъ Тейхмюллеръ. Мнѣ кажется не заслуженнымъ то неблагопріятное отношеніе, съ какимъ встрѣчена она была въ нѣмецкой литературѣ. Во всякомъ случаѣ въ ней есть стороны, которыя имѣютъ вѣроятность. Сюда прежде всего относится общее представленіе о вѣчномъ движеніи какъ о движеніи пространственномъ, то-есть, какъ о перемѣнѣ мѣста. Если мы сейчасъ видѣли, что вѣчное движеніе въ извѣстіяхъ позднѣйшихъ писателей играетъ, по видимому, роль особаго отъ процесса выдѣленія условія его, если съ другой стороны несомнѣнно, что лишь съ процессомъ выдѣленія можетъ начаться качественная смѣна въ безконечномъ, то движенію, которое предшествуетъ выдѣленію, не остается, казалось бы, быть ничѣмъ инымъ кромѣ чисто пространственнаго движенія. Самъ Тейхмюллеръ [1]) искалъ доказательства этой общей мысли въ томъ, что извѣстія, говорящія о вѣчномъ движеніи, употребляютъ терминъ κίνησις, который въ собственномъ смыслѣ означаетъ пространственное движеніе и лишь въ смыслѣ метафорическомъ могъ бы быть употребленъ о процессѣ качественной смѣны. Конечно, при этомъ доказательствѣ подразумѣвалось, что позднѣйшія извѣстія передаютъ мысль Анаксимандра въ его собственныхъ терминахъ, а не въ терминахъ дальнѣйшаго періода греческой философіи, когда термину κίνησις усвоялось не частное только, но часто и общее значеніе [2]). Тейхмюллеръ предполагалъ это, но не доказывалъ, и на это обстоятельство указывали какъ на слабый пунктъ въ его аргументаціи [3]). Однако она съ этой стороны можетъ быть дополнена. Гипполитъ и Симплицій, извѣщающіе о вѣчномъ движеніи у Анаксимандра, извѣщаютъ также и о вѣчномъ движеніи у Анаксимена; въ послѣднемъ случаѣ они ставятъ это движеніе причиной или условіемъ качественнаго измѣненія первичнаго вещества [4]), слѣдо-

[1]) *Teichm*. Stud. Z. Gesch. d. Begr. 23.

[2]) Однако Аристотель, который часто усвояетъ ему общее значеніе процесса вообще, все же замѣчаетъ въ Phys. VIII. 9. 266. a. нач.: καὶ κυρίως δὲ κινεῖσθαι φαμεν μόνον τὸ κινούμενον τὴν κατὰ τόπον κίνησιν.

[3]) *Neuh*. An. M. 286.

[4]) Dox. *Diels*. 560. 18—19 (Hippol. о воздухѣ Анаксимена): κινεῖσθαι δὲ ἀεί. οὐ γὰρ μεταβάλλειν, ὅσα μεταβάλλει, εἰ μὴ κινοῖτο. πυκνούμενον γὰρ καὶ ἀραιούμενον διάφορον φαίνεσθαι. Simpl. in Phys. 24. 31—25. 1 (объ Анаксименѣ): κίνησιν δὲ καὶ οὗτος ἀίδιον ποιεῖ, δι' ἣν καὶ τὴν μεταβολὴν γίνεσθαι. Рядомъ съ этими извѣстіями у Гипполита и Симплиція дается тожественный перечень метаморфозъ воздуха.

вательно, отличаютъ его отъ самаго этого измѣненія и понимаютъ подъ нимъ перемѣну мѣста. Но несомнѣнно, что извѣстія каждаго изъ этихъ писателей объ Анаксимандрѣ идутъ изъ того же самаго источника, изъ котораго идутъ извѣстія ихъ и объ Анаксименѣ, а сходство свидѣтельствъ обоихъ этихъ писателей относительно этого пункта ученія обоихъ философовъ даетъ право Дильсу указать на сочиненіе Ѳеофраста какъ на первоисточникъ, изъ котораго вытекли эти извѣстія. Отсюда слѣдуетъ, что въ этомъ первоисточникѣ, когда говорилось о вѣчномъ движеніи у Анаксимена, терминъ κίνησις употребленъ былъ въ собственномъ значеніи пространственнаго движенія. Но въ такомъ случаѣ не вѣроятно, чтобы тотъ же терминъ при разъясненіи ученія Анаксимандра былъ употребленъ тѣмъ же первоисточникомъ въ иномъ значеніи, въ смыслѣ обозначенія для процесса качественнаго измѣненія; такая неустойчивость терминологіи была бы тѣмъ менѣе понятна, что самъ Анаксимандръ не могъ дать къ тому повода, такъ какъ онъ не могъ обозначить терминомъ κίνησις процессъ качественной смѣны. Есть и еще обстоятельство, которое указываетъ по крайней мѣрѣ на то, что Анаксимандрово вѣчное движеніе должно было обнимать въ себѣ процессы движенія пространственнаго. Оно, по извѣстіямъ, есть движеніе, порождающее міры. Но Strom. Plut. извѣщаетъ насъ о такомъ движеніи въ безконечномъ при порожденіи нашего міра, которое имѣетъ всѣ признаки перваго мірозиждительнаго акта, но которое мы можемъ растолковать только въ смыслѣ пространственнаго движенія. Разказъ о мірообразовательномъ процессѣ здѣсь начинается извѣстіемъ объ отдѣленіи (конечно, отъ цѣлости безконечнаго) того первовещества міра, которое здѣсь называется τὸ ἐκ τοῦ ἀιδίου γόνιμον θερμοῦ τε καὶ ψυχροῦ. Такъ какъ основная качественная противоположность теплаго и холоднаго въ этомъ τὸ γόνιμον мыслится, очевидно, еще связанною, то-есть, самыя противоположныя качественности еще не обособившимися, то о какомъ-либо качественномъ видоразличіи, возникающемъ чрезъ отдѣленіе τοῦ γονίμου, слѣдовательно, и о пониманіи самаго отдѣленія въ смыслѣ качественной смѣны едва ли можно говорить; поэтому этотъ процессъ отдѣленія, очевидно, долженъ пониматься какъ какой-то видъ пространственнаго обособленія [1]).

[1]) Въ Arist. Phys. VIII. 9. 265. b. 17—19 говорится: ὅτι δ' ἡ κατὰ τόπον φορὰ πρώτη τῶν κινήσεων, μαρτυροῦσι πάντες ὅσοι περὶ κινήσεως πεποίηνται μνείαν· τὰς γὰρ

Что касается вращательнаго движенія неба, то, еслибы Тейхмюллеръ вмѣсто прямаго отожествленія движенія одного нашего неба съ вѣчнымъ движеніемъ, утверждалъ лишь, что первое относится къ послѣднему, входитъ въ составъ его, то его взглядъ также имѣлъ бы большую вѣроятность. Тейхмюллеръ совершенно справедливо ставилъ на видъ, что ни одно изъ непосредственно наблюдаемыхъ нами въ мірѣ движеній не имѣетъ такого универсальнаго характера какъ вращательное движеніе неба [1]), что оно одно можетъ быть представлено независимымъ и отъ другихъ движеній въ мірѣ, и отъ природы частныхъ элементовъ [2]), что древнія философскія космогоніи всегда придавали огромное значеніе этому движенію въ мірообразовательномъ процессѣ [3]), и что по Аристотелю (De coel. II. 13) всѣ, признававшіе космогоническій процессъ, смотрѣли на вихрь какъ на причину положенія земли къ срединѣ міра по аналогіи съ вихрями въ водѣ и воздухѣ, при которыхъ болѣе тяжелыя части всегда собираются въ средину вихря [4]); онъ наконецъ старался показать, что при признаніи вращательнаго движенія неба за актъ первоначальный хорошо объясняется многое въ космогоническомъ процессѣ у Анаксимандра: распредѣленіе элементовъ во вселенной, воздушные вихри, разрывающіе огненную оболочку міра, и закругленная форма земли [5]). Для разрѣшенія вопроса о томъ, относится ли вращательное движеніе неба къ актамъ, которые подразумѣваются подъ вѣчнымъ движеніемъ, созидающимъ и разрушающимъ міры, нужно собственно опредѣлить отношеніе его къ выдѣлительному процессу, то-есть, разъяснить, есть ли оно то условіе процесса выдѣленія (а слѣдовательно

ἀρχὰς αὐτῆς ἀποδιδόασι τοῖς κινοῦσι τοιαύτην κίνησιν. Однако при тотчасъ слѣдующемъ за тѣмъ разъясненіи этой мысли на древнихъ философскихъ системахъ объ Анаксимандрѣ не упоминается, и, слѣдовательно, не исключена возможность предположенія, что обобщеніе сдѣлано лишь приблизительное.

[1]) Stud. z. Gesch. d. Begr. 9—10.

[2]) Ibid. 25—26.

[3]) Ibid. 29—30. Эту мысль усвояетъ и развиваетъ и Нейгэйузеръ, An. M. 412—415.

[4]) Stud. z. Gech. d. Begr. 83—84. Это признаетъ и Нейгэузеръ, An. M. 409—412.

[5]) Stud. z. Gesch. d. Begr. 26—27. Частію подобное же значеніе усвояетъ и Нейгэузеръ вращенію неба, производимому, по его мнѣнію, вихремъ отъ испареній воды, An. M. 421.

и обратнаго процесса погруженія въ безконечное), которое, какъ мы видѣли, подразумѣвается при процессѣ выдѣленія позднѣйшими извѣстіями, или, на оборотъ, оно само условливается какимъ-либо изъ актовъ выдѣленія; въ первомъ случаѣ, оно, очевидно, будетъ порождающимъ міръ актомъ, въ послѣднемъ за нимъ нельзя будетъ признать общаго космогоническаго характера. Но извѣстій, которыя давали бы прямой отвѣтъ на этотъ вопросъ, нѣтъ. И если Целлеръ [2]) въ Arist. Meteor. II. 1. думаетъ найдти подтвержденіе мысли, что вращеніе неба выводилъ Анаксимандръ уже изъ движеній воздуха, то позднѣйшими изслѣдованіями достаточно было разъяснено, что тамъ идетъ рѣчь исключительно о τὰς τροπὰς солнца и луны, о такъ-называемыхъ поворотахъ, то-есть, о тѣхъ движеніяхъ, которыми обусловливается различіе мѣстъ восхода и заката этихъ свѣтилъ въ различныя времена года [3]). Такимъ образомъ дилемма между предположеніемъ о происхожденіи вращательнаго движенія неба, какъ обыкновенно думаютъ, отъ вѣтровъ, то-есть, уже послѣ цѣлаго ряда процессовъ выдѣленія, и предположеніемъ о первоначальности этого движенія сравнительно съ процессами выдѣленія и о зависимости отъ него послѣднихъ можетъ быть рѣшена лишь на основаніи косвенныхъ соображеній. Но первое предположеніе могло возникнуть лишь подъ вліяніемъ предвзятаго убѣжденія, что выдѣлительный процессъ у Анаксимандра безусловенъ, само же оно никакъ не изъ такихъ, которое можно было бы приписать философу на основаніи внутренняго его правдоподобія. Что же касается послѣдняго предположенія, то здѣсь-то именно и получаетъ свое значеніе все то, что высказано Тейхмюллеромъ о значеніи вращательнаго движенія неба. Чѣмъ болѣе это движеніе должно было представляться древнему мыслителю всеобъемлющимъ, устойчивымъ и закономѣрнымъ, чѣмъ легче было ему представить его независимымъ отъ разнообразія свойствъ частныхъ предметовъ, тѣмъ естественнѣе было ему смотрѣть на него какъ на основной актъ мірообразовательнаго процесса. Чѣмъ яснѣе опытъ говорилъ, по видимому, что вращательное движеніе раздѣляетъ другъ отъ друга неодинаковые по плотности элементы и распредѣляетъ ихъ въ опредѣленномъ порядкѣ, тѣмъ легче было прійдти къ мысли, что враща-

[2]) Phil. d. Griech. 1. 208.

[5]) *Neuh.* An. M. 402—405.

тельное движеніе опредѣленной части безконечнаго производитъ въ ней раздѣленіе на противоположные по качественности элементы и распредѣляетъ послѣдніе по различнымъ мѣстамъ вращающейся сферы. Какъ естественна была подобная мысль для древняго міра, это доказывается не только вообще значеніемъ, которое имѣло вращательное движеніе неба въ космогоніяхъ философовъ, но и тѣмъ фактомъ, что другіе философы, признававшіе также процессъ выдѣленія, именно Анаксагоръ и атомисты, прямо связывали этотъ процессъ съ круговоротнымъ движеніемъ [1]). И если дѣйствительно Аристотель относитъ Анаксимандра къ философамъ, которые объясняли появленіе земли въ рединѣ цѣлаго вращаніемъ этого цѣлаго [2]), то въ этомъ свидѣтельствѣ почти уже прямо дана зависимость выдѣлительнаго процесса отъ процесса вращательнаго, потому что процессъ выдѣленія разнороднаго и стремленіе выдѣляющихся элементовъ соединиться въ отличныя одна отъ другой массы суть въ существѣ дѣла только два момента одного и того же процесса: выдѣленіе разнороднаго изъ первоначальнаго единства есть, очевидно, движеніе слитыхъ во-едино разнородныхъ элементовъ къ разъединенію, къ разобщенію другъ съ другомъ, а это разобщеніе, конечно, всего полнѣе достигается, когда они собираются въ большія отличныя одна отъ другой массы; при раздѣленіи безконечнаго, говорилось въ отрывкѣ Θеофраста, однородное стремится другъ къ другу: въ этихъ

---

1) Simpl. in Phys. 156. 21—29 (слова Анаксагора): καὶ τῆς περὶ χωρήσιος τῆς συμπάσης νοῦς ἐκράτησεν, ὥστε περιχωρῆσαι τὴν ἀρχήν. καὶ πρῶτον ἀπὸ τοῦ σμικροῦ ἤρξατο περιχωρεῖν, ἐπεὶ δὲ πλεῖον περιχωρεῖ, καὶ περιχωρήσει ἐπὶ πλέον... ἡ δὲ περιχώρησις αὕτη ἐποίησεν ἀποκρίνεσθαι. καὶ ἀποκρίνεται ἀπό τε τοῦ ἀραιοῦ τὸ πυκνὸν κτλ. Аристотель Phys. II. 4. 196. a. 24—27, по толкованію Симплиція къ этому мѣсту, объ атомистахъ: εἰσὶ δέ τινες οἳ καὶ τοὐρανοῦ τοῦδε καὶ τῶν κοσμικῶν πάντων αἰτιῶνται τὸ αὐτόματον· ἀπὸ ταὐτομάτου γὰρ γίγνεσθαι τὴν δίνην καὶ τὴν κίνησιν τὴν διακρίνασαν καὶ καταστήσασαν εἰς ταύτην τὴν τάξιν τὸ πᾶν.

2) Целлеръ, Phil. d. Griech. 225. № 3, указываетъ на то, что общее извѣстіе Аристотеля De coel. II. 13 о томъ, что всѣ, допускающіе космогоническій процессъ, объясняли положеніе земли въ рединѣ вращательнымъ движеніемъ цѣлаго, есть только приблизительное обобщеніе и допускаетъ исключенія. Однако Нейгэузеръ, An. M. 410—411, справедливо ставитъ на видъ, что Анаксимандръ здѣсь же Аристотелемъ прямо отнесенъ къ тѣмъ, которые ищутъ особаго объясненія пребыванія земли въ рединѣ міра, а ищущіе такого объясненія представляются у Аристотеля тѣми же самыми философами, которые учили, что земля собралась въ центрѣ міра вслѣдствіе вихря или круговоротнаго движенія.

словахъ выдѣленіе и образованіе однородныхъ массъ прямо ставятся какъ двѣ стороны одного и того же акта. Въ формѣ круговращательнаго движенія всего удобнѣе, по видимому, мы можемъ представить себѣ первый актъ мірообразовательной дѣятельности, то-есть, отдѣленіе отъ безконечнаго основы будущаго міра, которую Strom. Plut. называетъ τὸ ἐκ ἀιδίου γόνιμον κτλ.; такъ какъ никакое отдѣленіе отъ безконечнаго въ смыслѣ удаленія отъ него, конечно, не мыслимо, то только вращательное движеніе этой части безконечнаго, мнѣ кажется, можетъ дать ясный образъ обособленія ея отъ ничѣмъ невозмутимаго покоя безконечнаго бытія, охватывающаго ее со всѣхъ сторонъ; постоянно и видимо для насъ продолжаясь во время мірового процесса, это вращательное движеніе за все это время очень рельефно выдѣляетъ ее изъ неподвижнаго цѣлаго. На то же, по видимому, указываетъ и изумительное молчаніе всѣхъ извѣстій о возникновеніи движенія неба у древнѣйшихъ физиковъ, крупнѣйшаго факта въ генесисѣ вселенной, хотя эти извѣстія говорятъ о сравнительно менѣе значительныхъ подробностяхъ ученія о тѣлахъ небесныхъ. Это молчаніе всего естественнѣе объясняется тѣмъ, что возникновеніе небеснаго движенія подразумѣвается уже въ другомъ извѣстіи, въ извѣстіи о вѣчномъ движеніи, то-есть, что оно есть актъ самаго этого движенія. Если мы примемъ, что Анаксимандръ, а за нимъ и Анаксименъ, считали вращательное движеніе первичнымъ мірозиждительнымъ актомъ, то философы-физики V вѣка окажутся тѣсно примыкающими къ этимъ древнимъ своимъ предшественникамъ: ихъ задача относительно возникновенія мірообразовательнаго процесса сводится въ такомъ случаѣ къ тому, чтобы найдти естественное объясненіе этому круговоротному движенію, которое и у нихъ остается въ собственномъ смыслѣ первымъ мірозиждительнымъ актомъ, но актомъ, не возникающимъ у нихъ безусловно, не остающимся безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій, но вызывающимъ съ ихъ стороны попытки сдѣлать понятнымъ для мысли его возникновеніе. Анаксагоръ даетъ это объясненіе, говоря, что круговоротное движеніе въ веществѣ производитъ умъ; и если Θеофрастъ сводитъ различіе между нимъ и Анаксимандромъ къ тому, что онъ присоединилъ умъ къ безконечному Анаксимандра; если, съ другой стороны, мы знаемъ, что этотъ умъ, давъ круговращательное движеніе веществу, остается затѣмъ у Анаксагора празднымъ зрителемъ мірообразовательнаго процесса, то не возникаетъ ли само собою предпо-

ложеніе, что ближайшая нужда, вызвавшая ученіе о немъ, состояла въ потребности объяснить оставшійся безъ объясненія у древнихъ первый мірозиждительный актъ? [1]) Атомисты вводятъ первичное движеніе всѣхъ атомовъ внизъ, и это движеніе также предназначается для той же цѣли—изъ неизбѣжнаго столкновенія атомовъ другъ съ другомъ вслѣдствіе различія въ скорости ихъ паденія разъяснить тотъ круговоротъ, съ котораго и у нихъ начинается созиданіе міра [2]). И Эмпедоклъ знаетъ вращательное движеніе, которое и у него, какъ кажется, составляетъ первый актъ по крайней мѣрѣ объединяющей дѣятельности, которымъ объясняется у него не только соединеніе частицъ земли въ центрѣ цѣлаго, но и дальнѣйшее пребываніе ея тамъ [3]); новая мысль и у него состоитъ во введеніи особыхъ объясняющихъ первичные акты факторовъ, которыми у него являются силы. Если всѣ эти философы первой половины V вѣка, какъ ни отличны другъ отъ друга ихъ космогоническія системы, одинаково признаютъ первичность вращательнаго движенія какъ мірообразовательнаго акта, то это указываетъ на традиціонный характеръ такого ученія о немъ; и если они расходятся тотчасъ затѣмъ въ объясненіи его, то это свидѣтельствуетъ, что это объясненіе—новая проблемма, сосредоточившая на себѣ научное сознаніе ихъ времени.

Самъ Тейхмюллеръ, однако, имѣлъ въ виду доказать не то только, что къ актамъ вѣчнаго движенія должны относиться у Анаксимандра акты вращательнаго движенія, порождающіе и разрушающіе міры,

---

[1]) Этимъ, конечно, никакъ не отрицается, что отожествить начало, дающее вращательное движеніе веществу, именно съ умомъ побуждало Анаксагора стремленіе объяснить вселенную съ эстетической точки зрѣнія и указать источникъ для психическихъ явленій.

[2]) Diog. L. IX. 6. 235. 4—13 (о Левкиппѣ): γίνεσθαι δὲ τοὺς κόσμους οὕτω· φέρεσθαι κατ' ἀποτομὴν ἐκ τῆς ἀπείρου πολλὰ σώματα παντοῖα τοῖς σχήμασιν εἰς μέγα κενόν, ἅπερ ἀθροισθέντα δίνην ἀπεργάζεσθαι μίαν, καθ' ἣν προσκρούοντα καὶ παντοδαπῶς κυκλούμενα διακρίνεσθαι χωρὶς τὰ ὅμοια πρὸς τὰ ὅμοια. ἰσορρόπων δὲ διὰ τὸ πλῆθος μηκέτι δυναμένων περιφέρεσθαι, τὰ μὲν λεπτὰ χωρεῖν εἰς τὸ ἔξω κενόν, ὥσπερ διαττόμενα· τὰ δὲ λοιπὰ συμμένειν καὶ περιπλεκόμενα συγκατατρέχειν ἀλλήλοις καὶ ποιεῖν πρῶτόν τι σύστημα σφαιροειδές.

[3]) Arist. De coel. II. 13. 295. a. 14—19. Сказавъ, что всѣ, принимавшіе космогоническій процессъ, объясняютъ собраніе земли въ центрѣ вращательнымъ движеніемъ, Аристотель здѣсь продолжаетъ такъ: ὅτι δὲ μένει (то-есть, земля), ζητοῦσι τὴν αἰτίαν, καὶ λέγουσιν οἱ μὲν... οἱ δ' ὥσπερ Ἐμπεδοκλῆς, τὴν τοῦ οὐρανοῦ φορὰν κύκλῳ περιθέουσαν καὶ θᾶττον φερομένην τὴν τῆς γῆς φορὰν κωλύειν, καθάπερ τὸ ἐν τοῖς κυάθοις ὕδωρ.

онъ хотѣлъ доказать, что его безконечное во всей своей цѣлости обнято однимъ вращательнымъ движеніемъ. Само собою понятно, что все, что̀ говорилъ онъ и что̀ можетъ быть сказано о значеніи вращательнаго движенія какъ первичнаго акта, нисколько не доказываетъ этой мысли о погруженіи въ процессъ всего безконечнаго, а поэтому Тейхмюллеръ [1]) искалъ особыхъ прямыхъ ея доказательствъ и искалъ тщетно. Онъ ссылался на Arist. De coel. III. 5, гдѣ Аристотель, критически обсуждая взгляды философовъ, признававшихъ одну стихію, говоритъ между прочимъ и объ единствѣ и тожествѣ движенія, которое должно предполагаться этимъ ученіемъ [2]). Но мы уже видѣли, что къ признающимъ одну стихію Аристотель Анаксимандра не причисляетъ, а потому все, сказанное здѣсь Аристотелемъ, къ нему относиться не можетъ. Кромѣ того, уже самъ Тейхмюллеръ замѣчалъ, что нѣтъ необходимости приводимое имъ мѣсто толковать въ томъ смыслѣ, какъ будто бы въ немъ приписывалось признаніе единства движенія самимъ философамъ, учившимъ объ одной стихіи; оно можетъ указывать только на то слѣдствіе, которое должно бы, по мнѣнію Аристотеля, соединяться съ этимъ ученіемъ [3]); но въ такомъ случаѣ, конечно, изъ него нельзя сдѣлать никакихъ выводовъ относительно ученія о движеніи у какого бы то ни было философа. Наконецъ, для доказательства мысли Тейхмюллера слишкомъ мало было бы убѣдиться даже въ томъ, что Анаксимандръ признавалъ возможность возникать въ безконечномъ въ качествѣ акта первоначальнаго и соотвѣтствующаго природѣ только одному извѣстному движенію, напримѣръ, вращательному; даже и признавая это, Анаксимандръ могъ въ то же время быть убѣжденъ, что безконечное во всей безпредѣльности своей никогда не можетъ быть обнято однимъ вращательнымъ движеніемъ; Аристотель и въ этомъ случаѣ могъ бы говорить о признаніи имъ единаго соотвѣтствующаго природѣ движенія, одного и того же для всѣхъ вещей, возникающихъ изъ безконечнаго. Еще менѣе могла доказывать взглядъ Тейхмюллера ссылка его на De

---

[1]) Stud. Z. Gesch. de Begr., 575.

[2]) De coel. III. 5. 304. b. 11 — 13: κοινὸν δὲ πᾶσιν ἁμάρτημα τοῖς ἓν τὸ στοιχεῖον ὑποτιθεμένοις τὸ μίαν μόνην κίνησιν ποιεῖν φυσικήν, καὶ πάντων τὴν αὐτήν.

[3]) По контексту ясна необходимость этого послѣдняго толкованія; въ объясненіе высказанной мысли Аристотель прибавляетъ: ὁρῶμεν γὰρ πᾶν τὸ φυσικὸν σῶμα κινήσεως ἔχον ἀρχήν. εἰ οὖν ἅπαντα τὰ σώματα ἕν τί ἐστι, πάντων ἂν εἴη μία κίνησις.

coel. II. 1, хотя самъ онъ смотрѣлъ на нее какъ на самое твердое доказательство своей мысли [1]). Въ этомъ мѣстѣ Аристотель, установивъ свой взглядъ на вѣчность міра, вспоминаетъ тотчасъ затѣмъ о τοὺς ἀρχαίους καὶ μάλιστα πατρίους ἡμῶν λόγους, по которымъ есть нѣчто безсмертное и божественное изъ того, что̀ имѣетъ, правда, движеніе, но движеніе такого рода, что ему нѣтъ никакой границы, а скорѣе оно служитъ границею для остального [2]). Подъ этими ἀρχαίους καὶ μάλιστα πατρίους λόγους Тейхмюллеръ хотѣлъ разумѣть ученіе Анаксимандра какъ происходившаго изъ Милета, родственнаго аѳинянамъ по племени. Противники Тейхмюллера совершенно вѣрно возражали, что терминомъ πάτριοι λόγοι могли обозначаться лишь сказанія, перешедшія отъ предковъ, и поэтому къ ученію Анаксимандра этотъ терминъ не подходитъ; онъ обозначаетъ здѣсь, конечно, религіозныя сказанія подобно какъ ἡ πάτριος δόξα въ Metaph. IV. 8. 1014. b. 13. Относя это мѣсто къ Анаксимандру, Тейхмюллеръ имѣетъ въ виду слѣдующія за нимъ слова Аристотеля, въ которыхъ говорится о круговращеніи, не имѣющемъ ни начала, ни окончанія, продолжающемся безконечное время [3]); для доказательства его взгляда на вѣчное движеніе у Анаксимандра ему нужна именно эта послѣдняя мысль. Но эта мысль въ словахъ Аристотеля не отнесена прямо къ древнимъ сказаніямъ; она высказана только въ качествѣ объясненія того, почему Аристотель признаетъ истиннымъ ученіе о безсмертіи и божественности движущейся границы міра, заключающееся въ этихъ сказаніяхъ, и ничто не препятствуетъ думать, что это объясненіе дѣлается Аристотелемъ съ своей собственной точки зрѣнія на движеніе міровой границы. Считалось ли самими древними это движеніе вѣчнымъ или оно ими считалось, напримѣръ, только безконечнымъ, а не вмѣстѣ и безначальнымъ, онъ во всякомъ случаѣ могъ

[1]) Stud. z. Gesch. d. Begr. 575—581.

[2]) De coel. II. 1. 284. a. 2—6: διόπερ καλῶς ἔχει συμπείθειν ἑαυτὸν τοὺς ἀρχαίους καὶ μάλιστα πατρίους ἡμῶν ἀληθεῖς εἶναι λόγους, ὡς ἔστιν ἀθάνατόν τι καὶ θεῖον τῶν ἐχόντων μὲν κίνησιν, ἐχόντων δὲ τοιαύτην ὥστε μηθὲν εἶναι πέρας αὐτῆς, ἀλλὰ μᾶλλον ταύτην τῶν ἄλλων πέρας.

[3]) Вслѣдъ за цитованными словами Аристотель говоритъ: τό τε γὰρ πέρας τῶν περιεχόντων ἐστί, καὶ αὕτη ἡ κυκλοφορία τέλειος οὖσα περιέχει τὰς ἀτελεῖς καὶ τὰς ἐχούσας πέρας καὶ παῦλαν, αὐτὴ μὲν οὐδεμίαν οὔτ' ἀρχὴν ἔχουσα οὔτε τελευτήν, ἄλλ' ἄπαυστος οὖσα τον ἄπειρον χρόνον, τῶν δ' ἄλλων τῶν μὲν αἰτία τῆς ἀρχῆς, τῶν δὲ δεχομένη τὴν παῦλαν.

одобрительно отнестись къ религіозному ученію о безсмертіи и божественности движущейся границы міра и всегда могъ въ объясненіе своего одобренія сослаться на несомнѣнную съ его точки зрѣнія научную истину, что граница принадлежитъ бытію, обнимающему все остальное бытіе, и что круговое движеніе, которое принадлежитъ ей, есть движеніе вѣчное, условливающее собою все, а само не условливаемое ничѣмъ другимъ. И въ общей связи этого мѣста есть черты, несомнѣнно доказывающія, что такова именно и есть мысль Аристотеля, въ τοῖς ἀρχαίοις πατρίοις λόγοις подвижное бытіе названо ἀθάνατον, но безъ прибавки ἀγένητον или ἀΐδιον, хотя передъ самыми этими словами Аристотель говорилъ о τῆς ἀθανασίας καὶ τῆς ἀϊδιότητος неба; и послѣ того какъ онъ разъяснилъ, почему перешедшее отъ предковъ мнѣніе онъ считаетъ истиннымъ, онъ тотчасъ же опять ясно указываетъ границы, въ которыхъ можно сближать мнѣніе древнихъ съ его собственнымъ мнѣніемъ: говоря о взглядѣ древнихъ на небо, онъ опять ограничивается для неба эпитетомъ ἀθάνατον, и при этомъ прибавляетъ, что представляемое имъ самимъ доказательство свидѣтельствуетъ, что оно ἄφθαρτος καὶ ἀγένητος [1]). Изъ всего этого ясно, что здѣсь дѣло идетъ о такомъ древнемъ ученіи, по которому божественное подвижное бытіе считалось, правда, безсмертнымъ, но не считалось не происшедшимъ, какъ это и должно было быть по миѳологическому взгляду на небо. Но подобное ученіе, очевидно, даже совсѣмъ не подходило бы къ тому воззрѣнію, которое Тейхмюллеръ хочетъ приписать Анаксимандру.

Есть положительное препятствіе приписывать Анаксимандру ученіе о вращаніи безконечнаго во всей его цѣлости. Противники взгляда Тейхмюллера совершенно справедливо говорили, что въ понятіи вращающагося безконечнаго заключается слишкомъ явное противорѣчіе, чтобы мы сочли себя въ правѣ приписать его философу, не имѣя ясныхъ и рѣшительныхъ свидѣтельствъ, усвояющихъ ему подобное вопіющее противорѣчіе. Правда, Тейхмюллеръ [2]) и Таннери [3]), позднѣе отстаивавшій мысль Тейхмюллера, старались сгладить это противорѣчіе, толкуя понятіе τὸ ἄπειρον не въ смыслѣ пространственной

[1]) Тотчасъ за предш. цит.: τὸν δ' οὐρανὸν καὶ τὸν ἄνω τόπον οἱ μὲν ἀρχαῖοι τοῖς θεοῖς ἀπένειμαν ὡς ὄντα μόνον ἀθάνατον. ὁ δὲ νῦν μαρτυρεῖ λόγος ὡς ἄφθαρτος καὶ ἀγένητος.

[2]) Stud. z. Gesch. de Begr. 5. 56.

[3]) *Tannery*. Pour hist. de la seien. hellen. 1887. 94—95. 97—98.

безпредѣльности, а въ смыслѣ (не безусловной, а относительной) неопредѣленности или неразграниченности его содержанія; не рѣшаясь утверждать, чтобы Анаксимандръ ясно принималъ протяженіе за границами своего безконечнаго, то-есть, прямо утверждалъ его пространственную ограниченность (противорѣчіе такого представленія съ терминомъ ἄπειρον было бы слишкомъ очевидно), они говорили о неразвитости въ то время представленія о пространственной безпредѣльности или объ отсутствіи у Анаксимандра какой-либо мысли, которая переходила бы предѣлы огненной коры міра. Таннери ищетъ даже прямого доказательства невозможности приписать Анаксимандру представленіе о пространственной безпредѣльности и ссылается на его объясненіе неподвижности земли въ центрѣ цѣлаго изъ равенства повсюду разстояній ея отъ его границъ: если преемники Анаксимандра отказываются отъ этого объясненія, то это, по его мнѣнію, признакъ прогресса въ развитіи представленій о безконечномъ протяженіи, не имѣющемъ ни центра, ни границъ. Однако, когда Аристотель [1]) говоритъ объ Анаксимандровомъ объясненіи неподвижности земли, онъ ни однимъ словомъ не даетъ понять, что дѣло идетъ о границахъ безконечнаго, а не образовавшагося въ немъ міра, въ которомъ только (а не въ одновидномъ безконечномъ) и можетъ различаться земля отъ другихъ предметовъ. И едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, о какихъ краяхъ или границахъ могла въ этомъ случаѣ идти рѣчь у Анаксимандра: какъ бы мало развитымъ мы ни предположили у Анаксимандра представленіе о неизмѣримомъ протяженіи, все же говорить о границахъ неограниченнаго едва ли ему могло бы придти на мысль; и Аристотель, который очень обстоятельно опровергаетъ его объясненіе неподвижности земли, не преминулъ бы, конечно, указать на такое явное противорѣчіе, еслибы оно дѣйствительно было. Что же касается причинъ, заставившихъ преемниковъ Анаксимандра отказаться отъ его объясненія неподвижности земли, то онѣ слишкомъ ясны: каждый брошенный вверхъ, слѣдовательно удаленный отъ центра камень, возвращаясь на землю, служилъ опроверженіемъ Анаксимандровой мысли; сказать, что земля не двигается ни въ какую сторону вслѣдствіе равенства разстоянія своего отъ предѣловъ міра,

---

[1]) Arist. De coel. II. 13. 295. b. 10—296. a. 23. Встрѣчающееся у Гипполита, Dox. *Diels* 559. 23, подобное же извѣстіе отличается совершенною неопредѣленностью и большою неточностью (διὰ τὴν ὁμοίαν πάντων ἀποστασιν, говоритъ Гипполитъ).

это значило перенести понятіе о низѣ, то-есть, объ естественномъ направленіи паденія тѣлъ, оставленныхъ безъ поддержки, на сферическую поверхность вселенной, а такое представленіе, какъ оно ни было смѣло и какъ ни казалось съ перваго взгляда остроумнымъ, слишкомъ противорѣчило всему человѣческому опыту, чтобы была нужда отыскивать какія-нибудь чрезвычайныя причины, по которымъ отъ него отказались непосредственно слѣдовавшіе за Анаксимандромъ философы. Эти непосредственно слѣдовавшіе за Анаксимандромъ философы всѣ безъ исключенія понимаютъ подъ ἄπειρον пространственно безпредѣльное бытіе; если Пиѳагорейцы привносятъ въ это понятіе признакъ качественной неопредѣленности, то ихъ безконечное все же не перестаетъ быть отъ того и пространственно безпредѣльнымъ; Анаксимандръ съ его понятіемъ о τὸ ἄπειρον какъ о бытіи только качественно неопредѣленномъ былъ бы исключеніемъ. Но такого исключенія на дѣлѣ не было. Когда онъ мотивировалъ признаніе безконечности начала неизсякаемостью рожденія, то, конечно, разумѣлъ подъ нею не качественную неопредѣленность, которая обезпечить неоскудѣваемости рожденія не могла. Когда извѣстія о немъ говорятъ, что его безконечное обнимаетъ все или обнимаетъ міры [1]), то они, конечно, расширяютъ его во всѣ стороны далѣе предѣловъ бытія, находящагося въ космогоническомъ процессѣ; и Аристотель, упрекая признающихъ субстратъ помимо стихій въ томъ, что ихъ τὸ ἄπειρον καὶ τὸ περιέχον не можетъ существовать обособленно отъ другихъ предметовъ, предполагаетъ, конечно, что въ качествѣ τὸ ἄπειρον καὶ τὸ περιέχον этотъ субстратъ признается способнымъ къ такому существованію, то-есть, простирающимся за границы міра [2]). Говорить о неспособности Анаксимандра ставить протяженіе за границами вращающейся міровой сферы неудобно уже потому, что жившій за цѣлыя столѣтія до него поэтъ-миѳологъ Гезіодъ оказывается уже очевидно способнымъ ставить особыя подземныя протяженія, которыя лежатъ уже за предѣлами того протяженія, которое подъ землею соотвѣтствуетъ разстоянію земли до небеснаго свода; тѣмъ менѣе удобно приписать такую неспособность философу, который ясно сознавалъ ограниченность міра, такъ какъ при объясненіи неподвижности земли прямо говорилъ о краяхъ вселенной и опредѣлялъ по-

---

[1]) Dox. *Diels*. 559. 18 (Гипполитъ о безконечномъ Анаксимандра): πάντας περιέχειν τοὺς κόσμους, сл. Arist. Phys. III. 4. 11—15.

[2]) Gen. et. corr. II. 5. 332. a. 20—25.

рядокъ небесныхъ тѣлъ до самыхъ высшихъ небесныхъ пространствъ [1]).

Болѣе ясное представленіе о вѣчномъ движеніи по взгляду Анаксимандра, мнѣ кажется, можно составить себѣ лишь уяснивъ связь между этимъ движеніемъ и самою безпредѣльностью начала.

Безпредѣльность Анаксимандрова начала по протяженію какъ постулатъ вѣчнаго движенія.

Вѣчное движеніе есть причина рожденія и разрушенія; съ вѣчностью движенія, слѣдовательно, ставится и вѣчность процессовъ рожденія и разрушенія. Несомнѣнно, по ученію Анаксимандра, нашъ міръ нѣкогда возникъ: онъ описывалъ его происхожденіе. Если движеніе существовало вѣчно, то до возникновенія нашего міра долженъ былъ существовать другой міръ или другіе міры. Одно извѣстіе говоритъ, что онъ, по его мнѣнію, и разрушимъ [2]); мы не имѣемъ основанія не довѣрять этому извѣстію; сама прошедшая исторія міра указываетъ на его будущую судьбу: въ началѣ вода облегала вокругъ всей земли, огненная сфера облегала его снаружи какъ кора дерево, то-есть, однородныя массы земли, воды, потомъ, вѣроятно, воздуха и поверхъ всего огненной стихіи концентрическими сферами обнимали одна другую; теперь вода осталась не смѣшанною только въ земныхъ углубленіяхъ, остальная испарилась и въ качествѣ тончайшихъ паровъ перемѣшалась съ воздухомъ; массы воздуха разорвали огненную сферу, охватили разорванныя части, такъ что пламя можетъ прорываться только изъ отверстій, которыя и составляютъ то, что̀ называемъ мы солнцемъ, луною и звѣздами; и здѣсь, такимъ образомъ, произошло перемѣшеніе огненной стихіи съ воздухомъ подобно тому, какъ съ нимъ перемѣшалась вода; впереди, слѣдовательно, нужно ожидать продолженія этого процесса, а вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно болѣе и болѣе полнаго и внутренняго объединенія стихій, которое дастъ опять ту одновидную природу, изъ раздѣленія которой возникъ этотъ міръ. Если движеніе вѣчно, долженъ существовать міръ или міры по разрушеніи міра нашего. Что̀ приложимо къ нашему міру, то уже по аналогіи можно приложить къ каждому другому. Не рожденных міровъ Анаксимандръ не зналъ: это слѣдуетъ уже изъ того, что Аристотель о всѣхъ своихъ предшественникахъ говоритъ, что они всѣ небо признаютъ происшедшимъ, всѣ занимаются космогоническимъ процессомъ, и вся теорія ихъ говоритъ о рожденіи и гибели [1]); и всѣ извѣстія объ Анаксимандрѣ говорятъ о рожденіи небесъ и міровъ и прямо указываютъ на вѣчное движеніе какъ на причину ихъ рожденія [2]). Но вѣчное движеніе есть процессъ, не рождающій только, но и разрушающій [3]); изъ единственнаго отрывка, который мы имѣемъ изъ сочиненія Анаксимандра, мы видимъ, что, по его мнѣнію, изъ чего существующее рождается, въ то оно должно и разрушиться, и это Симплицій передаетъ въ прямой связи съ упоминаніемъ объ ученіи его о рожденіи міровъ изъ безконечнаго [4]); ясно, такимъ образомъ, что и міровъ неразрушимыхъ Анаксимандръ не зналъ. Если же это такъ, то ученіе о вѣчномъ движеніи само собою превращается въ ученіе о безчисленныхъ мірахъ, смѣнная жизнь которыхъ должна наполнить вѣчность. И извѣстія дѣйствительно говорятъ намъ, что Анаксимандръ принималъ безчисленные міры, то возникающіе, то разрушающіеся [5]). И

---

[1]) Dox. *Diels*. 345. 9—10 (Plut. Plac. и Стобэй): Ἀναξίμανδρος .... ἀνωτάτω μὲν πάντων τὸν ἥλιον τετάχθαι, μετ' αὐτὸν δὲ τὴν σελήνην κτλ. Ibid. 560. 5—" (Hippol. объ Анаксимандрѣ): ἀνωτάτω μὲν εἶναι τὸν ἥλιον, κατωτάτω δὲ τοὺς τῶν ἀπλανῶν ἀστέρων κύκλους.

[2]) Ibid. 331. 12—15 (Stob.): Ἀναξίμανδρος... φθαρτὸν τὸν κόσμον.

[1]) De coelo I. 10. 279. b. 12—13: γενόμενον μὲν οὖν ἅπαντες εἶναί φασιν (τὸν οὐρανόν). Phys. VIII. 1. 250. b. 15—18: εἶναι μὲν οὖν κίνησιν πάντες φασὶν οἱ περὶ φύσεώς τι λέγοντες διὰ τὸ κοσμοποιεῖν καὶ περὶ γενέσεως καὶ φθορᾶς εἶναι τὴν θεωρίαν πᾶσαν αὐτοῖς. Спорный вопросъ о томъ, не описывалъ ли кто-нибудь изъ предшественниковъ Аристотеля происхожденія міра лишь для разъясненія элементовъ, изъ которыхъ состоитъ онъ, не предполагая рожденія міра въ собственномъ смыслѣ, Анаксимандра, конечно, касаться не можетъ.

[2]) Simpl. in Phys. 41. 18—19 (объ Анаксимандрѣ): ἧς (ἀρχῆς) τὴν ἀίδιον κίνησιν αἰτίαν εἶναι τῆς τῶν οὐρανῶν γενέσεως ἔλεγεν. Dox. *Diels*. 559. 21—22 (Гипполитъ объ Анаксимандрѣ): κίνησιν ἀίδιον εἶναι, ἐν ᾗ συμβαίνειν γίνεσθαι τοὺς οὐρανούς. Другія свидѣтельства см. ниже.

[3]) Ibid. 653. 24—25 (Германъ объ Анаксимандрѣ): ταύτῃ (то-есть, вѣчнымъ движеніемъ) τὰ μὲν γεννᾶσθαι τὰ δὲ φθείρεσθαι.

[4]) Simpl. in Phys. 24. 17—19: ἐξ ἧς (φύσεως ἀπείρου) ἅπαντας γίνεσθαι τοὺς οὐρανοὺς καὶ τοὺς ἐν αὐτοῖς κόσμους· ἐξ ὧν δὲ ἡ γένεσίς ἐστι τοῖς οὖσι, καὶ τὴν φθορὰν εἰς ταῦτα γίνεσθαι κατὰ τὸ χρεών.

[5]) Dox. *Diels*. 579. 8—11 (Plut. Strom. объ Анаксимандрѣ): ἐξ οὗ (τοῦ ἀπείρου) δή φησι τούς τε οὐρανοὺς ἀποκεκρίσθαι καὶ καθόλου τοὺς ἅπαντας ἀπείρους ὄντας κόσμους. ἀποφήνατο δὲ τὴν φθορὰν γίνεσθαι καὶ πολὺ πρότερον τὴν γένεσιν ἐξ ἀπείρου αἰῶνος ἀνακυκλουμένων πάντων αὐτῶν. Ibid. 531. 10—14 (Cicero de natur. Deor. 1—10): Anaximandri autem opinio est nativos esse deos longis intervallis orientis occidentisque, eosque innumerabilis esse mundos. Ibid. 173. August. de civit. Dei. VIII. 2: Anaximander... ex suis propriis principiis quasque res nasci putavit. quae rerum principia singularum esse credidit infinita et innumerabiles

Аристотель, не упоминая, правда, имени Анаксимандра, ставитъ въ связь у своихъ предшественниковъ вообще ученіе о вѣчномъ движеніи съ ученіемъ о безчисленныхъ мірахъ [1]).

Съ ученіемъ о вѣчномъ движеніи, такимъ образомъ, неразрывно соединено ученіе о послѣдовательномъ возникновеніи другъ за другомъ безчисленныхъ міровъ. Но съ нимъ же соединено было у Анаксимандра и ученіе о пространственной безпредѣльности безконечнаго. Мы уже имѣли случай упоминать, что безконечное постулировалось Анаксимандромъ ради неизсякаемости рожденія; но рожденіе есть результатъ вѣчнаго движенія; слѣдовательно, по мнѣнію Анаксимандра, продуктивность вѣчнаго движенія считалась обусловленною пространственною безпредѣльностью начала. Какимъ же это образомъ? И если вѣчность движенія въ одно и то же время предполагаетъ и череду безчисленныхъ міровъ, и пространственную безпредѣльнось начала, то не должны ли оба послѣднія понятія стоять во внутренней связи одно съ другимъ? Что такая связь предполагалась, на это, по видимому, указываетъ извѣстіе Plut. Plac. и Стобэя, гдѣ ученіе о безчисленныхъ мірахъ и именно мірахъ рождающихся и разрушающихся, связанное съ ученіемъ о безконечности начала, ставилось вмѣстѣ въ какую-то связь съ доказательствомъ безконечности [2]). Въ новой ученой литературѣ, однако, этому, очевидно, очень важному вопросу о связи пространственной безпредѣльности съ вѣчнымъ рожденіемъ по ученію Анаксимандра не посчастливилось [3]). Целлеръ, упоминая объ Анаксимандровомъ доказательствѣ

---

mundos gignere et quaecumque in eis oriuntur; eosque mundos modo dissolvi modo iterum gigni existimavit quanta quisque aetate sua manere potuerit.

[1]) Phys. VIII. 1. 250. b. 18—21: ὅσοι μὲν ἀπείρους τε κόσμους εἶναί φασι, καὶ τοὺς μὲν γίγνεσθαι τοὺς δὲ φθείρεσθαι τῶν κόσμων, ἀεί φασιν εἶναι κίνησιν (ἀναγκαῖον γὰρ τὰς γενέσεις καὶ τὰς φθορὰς εἶναι μετὰ κινήσεως αὐτῶν).

[2]) Dox. *Diels*. 277. 7—14: 'Αναξίμανδρός... φησι τῶν ὄντων τὴν ἀρχὴν εἶναι τὸ ἄπειρον... διὸ καὶ γεννᾶσθαι ἀπείρους κόσμους καὶ πάλιν φθείρεσθαι εἰς τὸ ἐξ οὗ γίνεται. λέγει γοῦν (по нѣкоторымъ кодексамъ οὖν) διότι ἀπέραντόν ἐστιν, ἵνα κτλ.

[3]) Въ одномъ изъ историко-философскихъ произведеній самаго послѣдняго времени (*Baeumker*. D. Probl. d. Mater. in d. Griech. Phil. 1890. 13—14) даже заподозривается достовѣрность извѣстій объ Анаксимандровомъ доказательствѣ безконечности начала на томъ основаніи, что оно слишкомъ совпадаетъ съ однимъ изъ доказательствъ безконечности, которыя, по Аристотелю, приводились древними, и этимъ будто бы возбуждаетъ подозрѣніе, что оно на основаніи простой догадки позднѣйшими писателями отнесено къ Анаксимандру. Такимъ образомъ фактъ совпаденія позднѣйшихъ извѣстій объ Анаксимандрѣ съ неопредѣленнымъ указаніемъ Аристотеля на мнѣнія древнихъ,—фактъ, который, казалось бы, долженъ давать болѣе вѣры этимъ извѣстіямъ, превращается въ доказательство ихъ ненадежности. Однако извѣстіе о мотивѣ, на который ссылался Анаксимандръ, доказывая безконечность начала, встрѣчается не у писателей одной только группы: упоминаемое въ Plac. Plut., у Stob. и у Евсевія оно встрѣчается у комментаторовъ Филопона и Симплиція Philop. in Phys. 432 15—16: ὁ 'Αναξίμανδρος δεῖν μὲν οἰόμενος ἄπειρον εἶναι τὴν ἀρχὴν διὰ τὴν ἀειγενεσίαν, ἵνα μὴ ἐπιλείπῃ. Simpl. in Arist. Coel. 273. b. 38. ed. Carst. (*Neuh*. An. M. 328. 2): 'Αναξίμανδρος... ἄπειρον πρῶτος ὑπέθετο, ἵνα ἔχῃ χρῆσθαι πρὸς τὰς γενέσεις ἀφθόνως. Притомъ Аристотель приводитъ нѣсколько доказательствъ безконечности начала у древнихъ и между ними одно такое, о которомъ даже онъ самъ говоритъ (Phys. III. 4. 203. b. 22—23): μάλιστα δὲ καὶ κυριώτατον, ὃ τὴν κοινὴν ποιεῖ ἀπορίαν πᾶσιν, а между тѣмъ извѣстія относятъ къ Анаксимандру только одно изъ этихъ доказательствъ и не это послѣднее. Наконецъ, изъ древнѣйшихъ физиковъ не одинъ только Анаксимандръ училъ безконечности начала, о ней же говорили и нѣкоторые изъ его преемниковъ, между тѣмъ извѣстія мотивируютъ безконечность начала неоскудѣваемостью рожденія только въ отношеніи къ его ученію. Все это доказываетъ, что въ основаніи ихъ лежитъ преданіе независимое отъ не пріуроченнаго къ опредѣленнымъ именамъ перечня доказательствъ безконечности у Аристотеля.

безконечности начала, ограничивается заявленіемъ лишь о его несостоятельности, ссылаясь на критическое замѣчаніе о немъ Аристотеля, и совсѣмъ не пытается разъяснить ту связь понятій и тотъ взглядъ на міровую жизнь, которые имъ должны предполагаться [1]). Само собою понятно, что всего менѣе могли благопріятствовать правильному разъясненію связи между безконечностью и вѣчнымъ продуктивнымъ процессомъ у Анаксимандра взгляды тѣхъ ученыхъ, которые погружали это безконечное во всей его цѣлости въ одинъ круговращательный процессъ, такъ какъ по этимъ взглядамъ безконечность начала прямо оказывалась рѣшительно противорѣчащею тому продуктивному движенію, во имя котораго она постулировалась Анаксимандромъ. Съ наибольшимъ вниманіемъ останавливается на разъясненіи Анаксимандрова доказательства безконечности Нейгэузеръ. Но онъ разъясняетъ его такъ, что вывесть изъ него безконечность начала на самомъ дѣлѣ оказывается невозможнымъ. Онъ думаетъ, что въ этомъ доказательствѣ рѣчь идетъ исключительно о восполненіи разрушающихся частей въ каждомъ отдѣльномъ мірѣ, то-есть, что вещество каждаго изъ частныхъ предметовъ, подвергающихся разрушенію въ томъ или другомъ частномъ мірѣ, никогда

---

[1]) *Zell*. Phil. d. Griech. 1. 217. Поэтому Целлеръ не хочетъ даже придавать Анаксимандрову понятію о безконечномъ особаго значенія въ развитіи философской мысли.

не принимаетъ, по мнѣнію Анаксимандра, въ дальнѣйшее время
прежнихъ формъ, а возвращается въ первичное состояніе или тот-
часъ же при разрушеніи этого предмета, или черезъ посредство дру-
гихъ формъ, такъ что погибшіе предметы должны замѣняться по-
стоянно новыми и новыми выдѣленіями изъ безконечнаго [1]). Послѣд-
няя мысль, хотя и нѣтъ извѣстій, которыя прямо ее бы подтвер-
ждали [2]), сама по себѣ не представляетъ ничего невѣроятнаго. Если

---

[1]) *Neuh.* An. M. 315—319. Основаніе толковать ἡ γένεσις, на неоскудѣвае-
мость котораго ссылался Анаксимандръ, въ смыслѣ замѣны только погибшихъ
вещей въ томъ или другомъ опредѣленномъ мірѣ совсѣмъ новыми Нейгэузеръ
видитъ въ словѣ ἡ ὑφισταμένη, которое въ извѣстіяхъ Plut. Plac., Стобэя и
Евсевія прибавляется къ ἡ γένεσις (соотвѣтствующаго этому слову выраженія
нѣтъ ни у Аристотеля, ни у комментаторовъ) и которое даетъ ему право утвер-
ждать de ortu et interitu rerum, quae *in mundo nunc consistenti* cernantur
(Ibid. 317). Но если ἡ ὑφισταμένη должно показывать, что дѣло идетъ въ стро-
гомъ смыслѣ de ortu et interitu rerum, quae *in mundo nunc consistenti* cernantur,
то какое же основаніе будетъ имѣть самъ Нейгэузеръ говорить, что ipsius *cuius-*
que mundi partes... constanter novis secretionibus suppleri (ibid. 316—317)? Если же
мысль Анаксимандра не ограничивается mundo nunc consistenti (въ подлинныхъ
словахъ извѣстій ни о какомъ мірѣ не упоминается), то необходимо будетъ
признать, что при словѣ ἡ ὑφισταμένη та черта существующаго рожденія, по
которой оно относится къ опредѣленному, именно данному теперь физическому
міру, не берется во вниманіе, а существующее рожденіе разсматривается просто
въ качествѣ существующаго, такъ что продолженіемъ его должно считаться не
рожденіе только въ предѣлахъ одного опредѣленнаго міра, а вообще дальнѣйшій
процессъ рожденія, все равно относится ли онъ къ тому же міру или къ цѣ-
лому ряду міровъ, смѣняющихъ другъ друга.

[2]) Нейгэузеръ въ доказательство ея ссылается на Аристотелево опровер-
женіе въ Meteor. II. 2. изложеннаго тамъ взгляда на космогоническій процессъ.
Но этотъ взглядъ, какъ выше было показано, къ Анаксимандру не относится.
Притомъ же Аристотелево опроверженіе лишь въ томъ случаѣ могло бы слу-
жить подтвержденіемъ мнѣнія Нейгэузера, еслибы Аристотелемъ предполага-
лось, что философы, учившіе возникновенію воздуха изъ испареній воды, рѣ-
шительно отрицали возвращеніе какой-либо части испареній обратно въ воду;
но этого изъ словъ Аристотеля не видно; напротивъ того, онъ ясно допускаетъ
возможность для держащихся этого мнѣнія предполагать, что часть превратив-
шейся въ воздухъ воды вновь переходитъ въ воду; опровергая ихъ онъ настаи-
ваетъ на томъ, что на самомъ дѣлѣ не часть испарившейся воды, а вся она
вновь дѣлается водою (Meteor. II. 2. 355. a. 25—32: φανερῶς γὰρ ἀεὶ τὸ ἀναχθὲν
ὁρῶμεν καταβαῖνον πάλιν ὕδωρ.... ἔν γέ τισι τεταγμένοις χρόνοις ἀποδίδωσι πᾶν το
ληφθέν, ὡς οὔτε τρεφομένων τῶν ἄνωθεν, οὔτε τοῦ μὲν μένοντος ἀέρος ἤδη μετα
τὴν γένεσιν, τοῦ δὲ γιγνομένου καὶ φθειρομένου πάλιν εἰς ὕδωρ, ἀλλ' ὁμοίως
ἅπαντος διαλυομένου καὶ συνισταμένου πάλιν εἰς ὕδωρ). Если понимать космогони-
ческій процессъ у Анаксимандра такъ, какъ понимаетъ его Нейгэузеръ, то

Анаксимандръ, какъ это прямо слѣдуетъ изъ его доказательства безконечности начала, былъ убѣжденъ, что процессъ рожденія долженъ исчерпывать содержаніе начала, то, конечно, это убѣжденіе должно было такъ или иначе (хотя, вѣроятно, и не совсѣмъ въ томъ видѣ, какъ предполагаетъ это Нейгэузеръ) отразиться и на ученіи его о замѣнѣ однихъ вещей другими въ каждомъ частномъ мірѣ. Но жизнь каждаго міра, по Анаксимандру, ограничена по времени, слѣдовательно, безконечной продуктивности начала изъ нея выводить нельзя, и нельзя ссылаться на неоскудѣваемость рожденія, когда рѣчь идетъ о жизни опредѣленнаго міра, въ которомъ продукція должна нѣкогда изсякнуть. Жизнь каждаго міра ограничена по протяженію, тѣмъ менѣе изъ нея можно было выводить пространственную безпредѣльность начала, которая прежде всего должна была подразумѣваться Анаксимандромъ въ его безконечномъ.

Въ Аристотелевомъ изложеніи и критикѣ [1]) того доказательства безконечности, которое позднѣйшими писателями относится къ Анаксимандру, слишкомъ ясно подъ безконечностію разумѣется не потенціальная, а актуальная (именно по протяженію) безконечность и также ясно постулируется она въ интересахъ обезпеченія рожденія отъ перерыва. Такъ какъ каждый міровой процессъ, по Анаксимандру, долженъ окончиться, слѣдовательно прерваться, то о гарантіяхъ его непрерывности Анаксимандръ, конечно, говорить не могъ. Вѣчно, по его ученію, лишь вообще продуктивное движеніе, порождающее безконечный рядъ міровъ; слѣдовательно, подъ непрерывностію рожденія, которую должна была гарантировать безконечность начала, можетъ разумѣться только это продуктивное движеніе, обнимающее собою не частную только продукцію въ опредѣленныхъ мірахъ, но вмѣстѣ и рядъ послѣдовательныхъ продукцій самыхъ міровъ. Чтобы отъ непрерывности этого продуктивнаго движенія заключать къ пространственной безпредѣльности начала, философъ долженъ былъ предполагать, что

самое предположеніе, будто бы, по его ученію, часть міра, перешедшая изъ одной формы въ другую, не могла возвратиться въ прежнее состояніе, будетъ противорѣчить прямымъ извѣстіямъ объ его ученіи. По извѣстію Гипполита, Dox. *Diels*. 560. 9—10, Анаксимандръ принималъ, что ὑετὸν δὲ ἐκ τῆς ἀτμίδος τῆς ἐκ τῶν ὑφ' ἥλιον ἀναδιδομένης; и еслибы справедливо было, что по его ученію, какъ думаетъ Нейгэузеръ, все, кромѣ огня, происходило изъ воды, то происхожденіе дождя изъ ἀτμίδος, очевидно, было бы возвращеніемъ въ воду части воды, перешедшей уже въ другое состояніе.

[1]) Arist. Phys. III. 4. 203. b. 15—20. Ibid. 8. 208. a. 8—11. Самый текстъ приведенъ былъ выше.

эта непрерывная продукція не можетъ совершаться на ограниченномъ протяженіи. Но такъ какъ каждый отдѣльный міровой процессъ несомнѣнно совершается на одномъ ограниченномъ протяженіи, то признать, что непрерывная продукція не можетъ совершаться на ограниченномъ протяженіи, очевидно, нельзя было, не предполагая, что замѣна одного процесса другимъ всегда требуетъ новаго протяженія. При этомъ же послѣднемъ предположеніи постулатъ пространственной безпредѣльности начала ради неизсякаемости рожденія дѣлается совершенно понятнымъ; если каждый новый міровой процессъ требуетъ новой части начала для своей реализаціи, то совершенно понятно, что вѣчность продуктивнаго процесса, который можетъ осуществляться лишь въ мірахъ, подлежащихъ разрушенію, слѣдовательно лишь въ безчисленныхъ смѣняющихъ другъ друга мірахъ, непремѣнно должна предполагать начало, имѣющее безчисленныя части, способныя начать міровой процессъ, то-есть, должна предполагать пространственно безпредѣльное начало. Только при такомъ пониманіи смѣны міровъ заключеніе отъ непрерывности рожденія къ пространственной безпредѣльности начала не есть пустой софизмъ, который могъ бы быть понятенъ или въ устахъ діалектика, или въ разгаръ борьбы философскихъ направленій, но рѣшительно не понятенъ въ устахъ мыслителя, начинавшаго собою философское развитіе и стоявшаго на почвѣ возможныхъ для его времени физическихъ и астрономическихъ наблюденій и математическихъ знаній. Если Аристотель противъ Анаксимандрова доказательства безконечности возражаетъ, что новое рожденіе можетъ происходить на счетъ происшедшаго разрушенія, то этимъ предполагается, что Анаксимандръ не принималъ этого круговорота въ бытіи, и разрушившееся (то-есть, возвратившееся въ начало) оставалось у него на вѣки безъ возврата къ жизни; и если къ разрушаемому (то-есть, къ возвращавшемуся въ начало) относились у него не частные только предметы, но и міры, то отсюда слѣдуетъ заключать, что и закончившая міровой процессъ часть безконечнаго должна была, по его ученію, быть уже лишена производительности, оставаться на вѣки въ покоѣ [1]). Нѣкоторое косвенное, но не лишенное значенія под-

[1]) Очень темный слѣдъ пониманія связи между безконечностію и неизсякаемостію биванія можно находить въ различеніи у комментаторовъ двоякаго способа рожденія ἐπ' εὐθείας и κύκλῳ и отнесеніи перваго къ признающимъ безконечное по величинѣ начало, послѣдняго къ признающимъ начало ограниченное; Симплицій, in Phys. 42. 3—6, указавъ на отсутствіе въ Arist. Phys. I. 2. 184 b

твержденіе сдѣланнаго вывода мы можемъ, какъ мнѣ кажется, найдти и въ другомъ мѣстѣ Аристотеля. Сказавъ, что всѣ его предшественники признавали небо (τὸν οὐρανόν) происшедшимъ, Аристотель [1]) дѣлитъ ихъ затѣмъ на три группы: одни признавали его послѣ происхожденія продолжающимъ существовать вѣчно, другіе разрушимымъ, третьи существующимъ посмѣнно то такъ, то иначе, на сколько онъ переживаетъ періодически состоянія разрушенія. Различіе между двумя послѣдними группами, очевидно, полагается имъ въ томъ, что одна изъ нихъ принимала разрушеніе неба безъ возврата его къ новой жизни [2]), другая же принимала образованіе вновь того же неба изъ состоянія разрушенія. Понятно само собою, что изъ этихъ трехъ группъ Анаксимандръ не можетъ относиться къ первой, такъ какъ онъ признавалъ разрушеніе міра. Но мнѣ кажется также несомнѣннымъ, что онъ долженъ быть отнесенъ ко второй, а не къ третьей группѣ, и именно на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) при третьей группѣ Аристотель самъ указываетъ на философовъ, которыхъ имѣетъ въ виду, прямо называя Эмпедокла и Гераклита и только ихъ однихъ [3]); 2) при критикѣ этого воззрѣнія онъ говоритъ о погруженіи въ міровой процессъ τοῦ ὅλου σώματος [4]), что, какъ мы видѣли, не приложимо къ Анаксимандрову безконечному; 3) лишь при критикѣ втораго воззрѣнія Аристотель упоминаетъ о безчисленныхъ мірахъ, считая принятіе ихъ необходимымъ для послѣдовательнаго развитія этого ученія [5]). Если же признать это, то едва ли можно сомнѣ-

16—18 упоминанія о безконечности началъ Анаксимандра и Анаксимена, въ виду толкованія этого факта Александромъ замѣчаетъ: ἀπείρου μὲν γὰρ οὔσης τῆς ἀρχῆς κατὰ μέγεθος ἢ οὐ γίνεται ἢ δυνατὸν ἐπ' ἄπειρον ἐπ' εὐθείας 'απ' αὐτῆς γίνεσθαι τὰ γινόμενα, πεπερασμένης δὲ ἀνακυκλεῖσθαι τὴν γένεσιν ἀνάγκη ἢ ἐκλείπειν ποτέ. Другое же подобное мѣсто изъ Simpl. Coel. 91. b. 41 приводитъ *Neuh*. An. M. 319. № 1.

[1]) Arist. De coel. I. 10. 279. b. 13—15: ἀλλὰ γενόμενον οἱ μὲν ἀίδιον, οἱ δὲ φθαρτὸν . . . οἱ δ' ἐναλλὰξ ὁτὲ μὲν οὕτως ὁτὲ δὲ ἄλλως ἔχειν φθειρόμενον, καὶ τοῦτο ἀεὶ διατελεῖν οὕτως.

[2]) Ibid. 280. a. 23—24: τὸ δ' ὅλως γενόμενον φθαρῆναι καὶ μὴ ἀνακάμπτειν, такъ характеризуетъ Аристотель это воззрѣніе при его критикѣ.

[3]) Ibid. 279. b. 15—16.

[4]) Ibid. 280. a. 19—21: εἰ τὸ ὅλον σῶμα συνεχὲς ὂν ὁτὲ μὲν οὕτως ὁτὲ δ' ἐκείνως διατίθεται καὶ διακεκόσμηται κτλ.

[5]) Ibid. 23—27: τὸ ὅλως γενόμενον φθαρῆναι καὶ μὴ ἀνακάμπτειν ὄντος μὲν ἑνὸς ἀδύνατόν ἐστιν· πρὶν γὰρ γενέσθαι ἀεὶ ὑπῆρχεν ἡ πρὸ αὐτοῦ σύστασις, ἣν μὴ γενομένην οὐχ οἷόν τ' εἶναί φαμεν μεταβάλλειν· ἀπείρων δ' ὄντων ἐνδέχεται μᾶλλον. Слѣдуетъ замѣтить, что Стобэй, Dox. *Diels*. 331. 12—15, называетъ міръ у Анаксимандра, Анаксимена, Анаксагора (?), Архелая и Діогена φθαρτόν, то-есть, употребляетъ о

ваться, что Аристотель смотрѣлъ на смѣняющіе другъ друга міры у Анаксимандра какъ на развивающіеся изъ различныхъ частей безконечнаго. Эмпедоклъ и, нужно думать, Гераклитъ признавали полное разрушеніе смѣняющихъ другъ друга міровъ въ первичную стихію (Гераклитъ) или стихіи (Эмпедоклъ), такъ что тожественнымъ въ послѣдовательно созидаемыхъ мірахъ оставалось у нихъ лишь вещество; однако Аристотель, ссылаясь на тожество мірообразовательнаго порядка и состава этихъ міровъ, считаетъ возможнымъ утверждать, что разрушающимся по ихъ взгляду слѣдуетъ считать не міръ, а лишь состоянія имъ переживаемыя; а міръ у нихъ въ дѣйствительности вѣченъ [1]); поэтому, если онъ у философовъ второй группы никакъ не отрицаетъ полнаго разрушенія міра безъ возврата, и если, съ другой стороны, единство и тожество природы Анаксимандрова безконечнаго несомнѣнно обезпечивало у него единство мірообразовательнаго порядка при послѣдовательныхъ космогоніяхъ, то отнесеніе его ко второй группѣ въ отличіе отъ Эмпедокла и Гераклита было бы совершенно не понятно, еслибы не предполагалось у него различія въ самомъ веществѣ смѣняющихъ другъ друга міровъ; а это различіе міровъ по веществу у философа, говорившаго объ единомъ началѣ, конечно, могло состоять только въ томъ, что различные міры созидались у него не изъ однихъ и тѣхъ же частей безконечнаго. Не случаенъ, конечно, уже и тотъ фактъ, что въ группѣ философовъ, признающихъ міръ посмѣнно существующимъ то такъ, то иначе, оказались поименованными исключительно такіе мыслители древности (Гераклитъ и Эмпедоклъ), которые призна-

---

немъ тотъ самый терминъ, которымъ у Аристотеля характеризуется міръ у философовъ второй группы, а объ Эмпедокловомъ мірѣ говоритъ ibid. 19 — 20, φθείρεσθαι κατὰ τὴν ἀντεπικράτειαν τοῦ νείκους καὶ τῆς φιλίας, что опять составляетъ, очевидно, только примѣненіе къ особенностямъ Эмпедокловой системы общаго выраженія Аристотеля, употребленнаго имъ совокупно объ Эмпедоклѣ и Гераклитѣ (см. выше); только о способѣ примѣненія понятія разрушенія къ міру Гераклита у Стобэя нѣтъ упоминанія и вмѣсто того стоитъ очевидно перепутанное извѣстіе, ibid. 5 — 7: Ἡράκλειτος οὐ κατὰ χρόνον εἶναι γενητὸν τὸν κόσμον, ἀλλὰ κατ' ἐπίνοιαν.

[1]) De coel. I. 10. 280. a. 11 — 23. τὸ δ' ἐναλλὰξ συνιστάναι καὶ διαλύειν οὐθὲν ἀλλοιότερον ποιεῖν ἐστὶν ἢ τὸ κατασκευάζειν αὐτὸν ἀίδιον μὲν ἀλλὰ μεταβάλλοντα τὴν μορφήν . . . δῆλον γὰρ ὅτι καὶ εἰς ἄλληλα τῶν στοιχείων συνιόντων οὐχ ἡ τυχοῦσα τάξις γίγνεται καὶ σύστασις, ἀλλ' ἡ αὐτή. . . ὥστ' . . . οὐκ ἂν ὁ κόσμος γίγνοιτο καὶ φθείροιτο, ἀλλ' αἱ διαθέσεις αὐτοῦ.

вали вещество ограниченнымъ, а для группы философовъ, учившихъ о безвозвратной погибели міра, остается во всякомъ случаѣ выборъ только между такими мыслителями, которые принимали или одно безконечное начало, или безчисленное множество началъ (атомисты): одинъ этотъ фактъ уже доказываетъ, что убѣжденіе въ полной разрушимости міра стояло въ неразрывной связи съ убѣжденіемъ въ безпредѣльности вещества, которая давала возможность созидать новые міры или изъ совсѣмъ новаго вещества (при единомъ безконечномъ), или по крайней мѣрѣ изъ различныхъ комбинацій новаго съ прежнимъ (при безчисленности атомовъ, несущихся въ единомъ пространствѣ). Всматриваясь ближе въ систему Анаксимандра, мы найдемъ, что мысль производить новые міры изъ все новаго и новаго вещества такъ естественна для нея, что было бы даже удивительно, еслибъ Анаксимандръ не пришелъ къ этой мысли. Въ виду того, что субстратъ міра опредѣляется какъ τὸ ἐκ τοῦ ἀιδίου γόνιμον θερμοῦ τε καὶ ψυχροῦ, то-есть, какъ такая часть въ вѣчномъ, которая отличается въ немъ отъ остальныхъ его частей признакомъ γόνιμον, едва ли можно понимать τὸ γόνιμον въ смыслѣ плодовитаго, плодоносящаго или сѣмени; это значило бы признать, что вѣчное не однородно въ частяхъ своихъ: одно въ немъ плодовито или сѣмя, другое же не имѣетъ такого свойства; но этимъ нарушилась бы та однородность безконечнаго, которая одинаково предполагается въ немъ какъ Аристотелемъ, такъ и Θеофрастомъ. Мнѣ кажется, τὸ γόνιμον означаетъ здѣсь готовность къ рожденію, зрѣлость для него. Если извѣстная часть безконечнаго въ опредѣленный моментъ времени погружается въ міровой процессъ; если самая сущность времени полагается въ томъ, что опредѣлены границы рожденія и гибели [1]), то, конечно, готовность этой части къ выдѣлительному процессу, къ міровой продукціи должна опредѣляться временемъ, и міръ долженъ былъ возникать изъ того, въ чемъ въ опредѣленный моментъ (κατὰ τάξιν χρόνου) возникаетъ эта готовность. Если, затѣмъ, Анаксимандръ очерчивалъ самый космогоническій процессъ такъ, что за періодомъ полнаго міроваго развитія должно было въ естественномъ порядкѣ слѣдовать постепенное погруженіе развившагося разнороднаго бытія въ однородное начало, то все это въ совокупности, очевидно, даетъ представленіе цикла

---

[1]) Dox. *Diels*. 559. 18 — 19 (Hippol. объ Анаксимандрѣ): λέγει δὲ χρόνον ὡς ὡρισμένης τῆς γενέσεως καὶ τῆς οὐσίας καὶ τῆς φθορᾶς.

органическаго развитія жизни порождающейся, разцвѣтающей и затѣмъ дряхлѣющей и разлагающейся. Подобно созрѣвшему для развитія въ организмъ зачатку, часть безконечнаго, вступающая въ міровой процессъ, должна была, конечно, быть исполнена жизненной энергіи, быть готова къ выдѣленію разнообразныхъ частей и органовъ цѣлаго; но точно также подобно одряхлѣвшему организму, она должна была возвращаться въ свое первооснованіе, истощивши свою энергію. Какъ же было предполагать въ той же части, въ томъ же субстратѣ силу для новаго цикла развитія? Не старѣющимся, вѣчно юнымъ (ἀγήρω) Анаксимандръ называлъ самое безконечное и называлъ его такъ именно въ противоположность времени, ограничивающему все рождающееся и погибающее [1]); ясно поэтому, что лишь этому безконечному, которое въ силу самой своей безконечности обезпечивало неизсякаемость продуктивнаго процесса, а не той или другой его части, вступающей въ процессъ рожденія, должна была принадлежать вмѣстѣ съ этою вѣчною юностью и вѣчная продуктивность. Для тѣхъ философскихъ системъ древности, которыя знали не начало только, но и конецъ міра и за нимъ новые мірообразовательные процессы, представленіе космогоническаго процесса какъ законченнаго въ себѣ цикла развитія, какъ процесса развитія, истощанія и смерти должно было съ такою роковою необходимостью вызывать мысль о все новомъ и новомъ субстратѣ для новыхъ міровъ, что тѣ философы, которые признаютъ ограниченное начало и въ то же время не хотятъ отказаться отъ идеи цѣлаго ряда послѣдовательныхъ космогоній (Гераклитъ и Эмпедоклъ), достигаютъ этого лишь тѣмъ, что отказываются смотрѣть на рожденіе и разрушеніе міра какъ на естественное проявленіе соотвѣтствующаго состоянія его жизненной энергіи. Для талантливаго Гераклита смѣна міровыхъ состояній превращается въ простую игру съ самимъ собою міроваго принципа, въ простую забаву Божественнаго Дитяти, находящаго усладу въ этомъ вѣчномъ движеніи смѣны [2]); а играющій въ глубокомысліе Эмпедоклъ не можетъ объяснить этихъ состояній иначе,

[1]) Dox. *Diels*. 559. 17—19 (Hippol. объ Анаксимандрѣ): ταύτην δ' (φύσιν τινὰ τοῦ ἀπείρου) ἀίδιον εἶναι καὶ ἀγήρω... λέγει δὲ χρόνον κτλ., см. выше.

[2]) *Mullach*. Fragm. philos. graec. I. Heracl. fragm. 44: αἰὼν παῖς ἐστι παίζων, πεττεύων· παιδὸς ἡ βασιληίη. И это относится именно къ космогонической дѣятельности; Procl. Comment. in Tim. p. 101 (см. тамъ же) говорится: ἄλλοι δὲ καὶ τὸν δημιουργὸν ἐν τῷ κοσμουργεῖν παίζειν εἰρήκασι, καθάπερ Ἡράκλειτος, впрочемъ тоже ясно уже изъ того, что съ παῖς отожествляется αἰών.

какъ ссылкой на вѣчную клятву [1]), значеніе которой остается у него безъ всякаго объясненія; сказать проще, онъ не умѣетъ объяснить череды мірообразованій и міроразрушеній на основаніи физическихъ аналогій подобно Анаксимандру и не умѣетъ оправдать ее съ эстетической точки зрѣнія подобно Гераклиту, и поэтому ищетъ убѣжища въ терминѣ, правда почтенномъ, такъ какъ онъ взятъ изъ религіозныхъ представленій, но для котораго онъ не можетъ указать никакого смысла въ примѣненіи къ тому случаю, на который онъ его переноситъ. Но какъ бы Гераклитъ и Эмпедоклъ ни объясняли возможность міросозидательныхъ процессомъ послѣ міроразрушеній, во всякомъ случаѣ характернымъ представляется уже тотъ фактъ, что именно эти оба философа, къ которымъ Аристотель относитъ ученіе о мірѣ, переживающемъ состояніе разрушенія и вновь возникающемъ, и которыхъ отличаетъ отъ признававшихъ безвозвратную погибель міра, — именно эти два философа ясно и рѣшительно учатъ круговороту бытія, возвращенію прежняго состоянія на мѣсто смѣнившаго его. Хорошо извѣстно, что Эмпедоклъ не только признаетъ, но и особенно рельефно ставитъ на видъ ученіе о періодической смѣнѣ многаго единымъ и единаго многимъ. Не менѣе рельефно и въ отрывкахъ Гераклита выступаетъ ученіе объ относительности жизни и смерти [2]), о тожествѣ пути вверхъ и внизъ [3]); и если ближайшій смыслъ этихъ положеній Гераклита касается смѣны жизни въ опредѣленномъ наличномъ мірѣ, то не слѣдуетъ забывать, что и ученіе о безвозвратной погибели міра, конечно, опиралось, все равно сознательно или безсознательно, на циклъ органической жизни, то-есть, на факты разрушенія частныхъ предметовъ; съ другой стороны, энергическія заявленія объ относительности рожденія и смерти, объ измѣненіяхъ вещества въ обѣ противоположныя стороны во всякомъ случаѣ служатъ свидѣтельствомъ яснаго и рѣшительнаго признанія вообще возможности круговоротнаго движенія въ бытіи; и когда Гераклитъ, признававшій смѣну мірообразовательныхъ и міроразрушительныхъ процессовъ, тѣмъ не менѣе въ извѣстномъ, подвергав-

[1]) *Mull*. I. Fr. Emp. v. 177—180:
Αὐτὰρ ἐπεὶ μέγα νεῖκος ἐνὶ μελέεσσιν ἐθρέφθη
ἐς τιμάς τ' ἀνόρουσε, τελειομένοιο χρόνοιο,
ὅς σφιν ἀμοιβαῖος πλατέος παρελήλαται ὅρκου,
πάντα κτλ.

[2]) Ibid. Heracl. Fragm. 46, 59, 60, 62, 67.

[3]) Ibid. 32, 91, слич. *Zell*. I. 614—615.

шемся разнообразнымъ толкованіямъ, отрывкѣ (Fragm. 27) восклицаетъ: „міръ одинъ и тотъ же для всѣхъ сполна вещей не сдѣлалъ ктолибо ни изъ боговъ ни изъ людей, но онъ всегда былъ, есть и будетъ вѣчно-живой огонь въ соотвѣтствующей мѣрѣ воспламеняющійся и потухающій“, то развѣ эти слова не представляютъ самаго энергическаго выраженія для мысли о совершенномъ единствѣ, полнѣйшемъ тожествѣ сущности, переживающей процессы міробразованія в міроразрушенія? И чѣмъ рельефнѣе выступаютъ такого рода мысли у Эмпедокла и Гераклита, тѣмъ болѣе права видѣть въ нихъ особенность ихъ системъ или по крайней мѣрѣ взглядъ, ясно не выраженный въ системахъ болѣе древнихъ. Но еслибы уже у Анаксимандра и Анаксимена міры ясно слѣдовали другъ за другомъ, развиваясь изъ одного и того же субстрата, то мысль о круговоротѣ бытія выражалась бы въ самомъ этомъ ученіи такъ рѣшительно и опредѣленно, какъ можно только того желать, и къ энергическому заявленію ея позднѣйшими мыслителями едвали бы существовалъ достаточный поводъ.

Такимъ образомъ и та связь, въ которую самъ Анаксимандръ ставитъ понятіе о не изсякающемъ продуктивномъ процессѣ съ безпредѣльностію начала и его взглядъ на самый міровой процессъ и позднѣйшія ученія объ одномъ субстратѣ, посмѣнно переживающемъ многочисленные процессы, — все это заставляетъ насъ думать, что вѣчное движеніе, представляемое во всей его цѣлости, было въ глазахъ Анаксимандра послѣдовательнымъ движеніемъ міробразовательныхъ процессовъ все далѣе и далѣе въ глубь его безконечнаго. Съ этой стороны опять выступаетъ аналогія между его системой и системой Анаксагора, который также училъ непрерывному расширенію міроваго процесса въ глубину безпредѣльнаго, но съ тѣмъ существеннымъ различіемъ отъ Анаксимандра, что тогда какъ для Анаксимандра это движеніе въ глубь безконечнаго было порожденіемъ все новыхъ и новыхъ міровъ, для Анаксагора оно представляетъ все большее и большее расширеніе единаго міра, захватъ все большихъ и большихъ частей безпредѣльнаго тѣмъ единымъ вращательнымъ движеніемъ, которое нѣкогда дано было веществу умомъ [1]).

---

[1]) Simpl. in Phys. 156, 21—24 (слова Анаксагора): καὶ τῆς περιχωρήσιος τῆς συλπάσης νοῦς ἐκράτησεν, ὥστε περιχωρῆσαι τὴν ἀρχήν. καὶ πρῶτον ἀπὸ τοῦ σμικροῦ ἤρξατο περιχωρεῖν, ἐπεὶ δε πλεῖον περιχωρεῖ, καὶ περιχωρήσει ἐπὶ πλέον. Мы не касаемся вопроса о томъ, принималъ ли Анаксимандръ, кромѣ ряда міровъ, послѣдовательно существующихъ другъ за другомъ, безчисленные міры, одновременно существующіе, такъ какъ при разъясненномъ выше взглядѣ на смѣну міровъ, рѣшеніе этого вопроса ничего не можетъ прибавить къ ученію о безконечномъ.

Значеніе Анаксимандрова ученія о безконечномъ.

Греческая философія съ самаго начала выступила съ тою же вѣрой въ возникновеніе нѣкогда и постепенное образованіе вселенной, которая жила въ преданіяхъ миѳологіи, и ея вниманіе, подобно какъ и Гезіодовой теогоніи сосредоточено было на міробразовательномъ процессѣ; лишь на разъясненіи его постепенно уяснялись для философскаго сознанія другія проблеммы философскаго знанія и въ связи съ его разъясненіемъ получали онѣ свое разрѣшеніе, такъ что Аристотель считалъ себя въ правѣ сказать о своихъ древнихъ предшественникахъ физикахъ, что они κοσμοποιεῖν καὶ περὶ γενέσεως καὶ φθορᾶς εἶναι τὴν θεωρίαν πᾶσαν αὐτοῖς. Phys. VIII, 1. 250, b. 15 — 18. Но самая постановка въ философіи ученія о космогоническомъ процессѣ, равно какъ и постепенное усложненіе этого ученія возникавшими новыми проблеммами такъ существенно отличали философскія ученія отъ миѳологическихъ взглядовъ, что, не смотря на сходство ихъ по предмету, мы, переходя отъ космогоній поэтовъ къ космогоніямъ философовъ, живо чувствуемъ, что вступаемъ въ совершенно новую умственную атмосферу. Новое направленіе умозрѣнія довольно опредѣленно обозначается уже у Ѳалеса; но его черты во всей своей полнотѣ и рельефности выступаютъ лишь въ системѣ Анаксимандра, назвавшаго безконечное началомъ вселенной.

Философское космогоническое ученіе отличалось отъ древней Гезіодовой космогоніи уже тѣмъ, что въ немъ отчетливо поставлены были тѣ вопросы, которые для сознательнаго и послѣдовательнаго мышленія неминуемо должны были возникать изъ самаго предположенія о происхожденіи вселенной. Убѣжденіе въ томъ, что міръ не вѣченъ, что онъ нѣкогда произошелъ, естественно вело прежде всего къ вопросу о его будущей судьбѣ. Извѣстія усвояютъ Ѳалесу ученіе не только о томъ, что все возникло изъ воды, но и о томъ, что все разрѣшается въ воду. На выраженія, въ которыхъ передается это ученіе, конечно, едва ли можно смотрѣть какъ на совершенно точную формулу Ѳалесова взгляда: не изъ сочиненій Ѳалеса, а изъ истори-

ческаго преданія почерпались свѣдѣнія о немъ, по видимому, уже самимъ Аристотелемъ. Но такъ какъ нельзя сомнѣваться, что Ѳалесъ вмѣстѣ со всею древностію былъ убѣжденъ въ происхожденіи вселенной, то намъ достаточно принять, что имъ устанавливалась связь, въ какой бы то ни было формѣ, между происхожденіемъ вещей изъ воды и разрѣшеніемъ ихъ въ воду, чтобы придти къ убѣжденію, что въ его сознаніи не могъ не быть ясно поставленъ вопросъ о судьбѣ не частныхъ только вещей, относящихся ко вселенной, но и самой вселенной. Другое дѣло дальнѣйшая проблемма, которая возникала изъ того же предположенія объ ограниченности нашей вселенной по времени ея существованія. Начались ли только съ возникновеніемъ нашего міра всѣ космическіе процессы и кончатся ли они съ нимъ? Должны ли мы предположить ничѣмъ невозмутимый покой первичнаго вещества до возникновенія нашего міра и послѣ его разрушенія? Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что эти вопросы возбуждались уже въ мысли Ѳалеса. Во всякомъ случаѣ первымъ мыслителемъ, ясно поставившимъ ихъ въ своемъ сознаніи, былъ Анаксимандръ. Ему первому усвояется извѣстіями ученіе о вѣчномъ движеніи, то-есть, отрицаніе покоя первоначальнаго вещества за предѣлами періода жизни нашего міра; ему первому усвояется ученіе о безчисленныхъ мірахъ, смѣняющихъ другъ друга, то-есть, ясное и отчетливое представленіе о судьбѣ бытія до возникновенія и послѣ разрушенія нашей вселенной. Какое огромное значеніе имѣли эти вопросы для его мышленія, объ этомъ достаточно свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что самое крупное понятіе въ его системѣ, его понятіе о безконечности начала, мотивировалось неизсякаемостью рожденія, то-есть, убѣжденіемъ въ вѣчности мірозиждительной дѣятельности начала. И разъ ясно поставленная Анаксимандромъ проблемма уже не исчезаетъ изъ философскаго сознанія, хотя рѣшеніе ея получаетъ различныя формы: то является оно въ формѣ Анаксимандрова же ученія о безчисленныхъ мірахъ, то принимаетъ форму ученія объ единомъ мірѣ періодически возникающемъ и разрушающемся, то наконецъ, прошедши подготовительныя ступени, развивается въ ученіе объ единомъ вѣчномъ мірѣ, то-есть, беретъ назадъ самое то предположеніе о происхожденіи міра, изъ котораго оно впервые возникло.

Ученіе о вѣчномъ движеніи и о смѣнѣ міровъ въ системѣ Анаксимандра, какъ мы видѣли, даетъ логическое оправданіе для признанія безконечности начала въ смыслѣ его пространственной без-

предѣльности. Такъ получаетъ ясную и отчетливую постановку дру-
гая проблемма—о конечности или безконечности бытія. Противорѣчи-
выя извѣстія о водѣ Ѳалеса, называющія ее то конечною, то безко-
нечною (Simpl. in Phys. 23. 22 сл. 458. 24 — 25), тѣмъ самымъ
показываютъ, что они въ системѣ Ѳалеса ищутъ отвѣта на во-
просъ, который въ опредѣленной формѣ имъ еще и не ставился;
и сомнительно, чтобъ Анаксимандръ могъ называть начало однимъ
терминомъ τὸ ἄπειρον, еслибы уже до него этотъ терминъ при-
мѣнялся къ другому веществу, отличному отъ его вещества и
также принимаемому за начало. Этотъ новый вопросъ о конеч-
ности или безконечности бытія вызвалъ въ вѣка классической фи-
лософіи едва ли не болѣе споровъ, чѣмъ какой-либо другой философ-
скій вопросъ. Правда, не самое Анаксимандрово доказательство без-
конечности бытія наиболѣе сосредоточивало на себѣ философское
вниманіе (хотя, конечно, и съ этимъ доказательствомъ приходилось
имѣть дѣло); приковывали вниманіе къ вопросу о конечности или без-
конечности бытія тѣ трудности, которыя находилъ анализъ въ поня-
тіи безконечнаго, все равно ставилось ли оно въ мысли какъ веще-
ственное бытіе или какъ пустота, окружающая міръ. Но этотъ ана-
лизъ, это сознаніе трудностей впервые сдѣлались возможными, лишь
когда ясно былъ поставленъ вопросъ о безконечномъ продолжаю-
щемся за предѣлами міра бытіи, а это именно и сдѣлано было си-
стемой Анаксимандра [1]).

[1]) Понятно, что это не значитъ, чтобы идея безконечнаго по протяженію
бытія не имѣла своего историческаго генесиса въ смыслѣ постепеннаго проясне-
нія ея въ сознаніи. Важнѣйшимъ переходнымъ моментомъ въ этой исторіи, мнѣ
кажется, было представленіе о трансцендентномъ въ отношеніи къ міру протя-
женномъ бытіи, простирающемся въ неопредѣленную даль. Едва ли можно отри-
цать даже у древнѣйшихъ поэтовъ способность хотя смутно представлять протя-
женіе за границами вселенной: оно предполагается извѣстнымъ Гезіодовымъ описа-
ніемъ границы вселенной, куда свержены были Титаны. Сомнительно, чтобъ и
Ѳалесъ протяженіе подземной воды представлялъ себѣ такимъ незначительнымъ,
чтобы вращающіяся свѣтила не встрѣчали его на своемъ подземномъ пути: та-
кое представленіе едва ли не равнялось бы признанію, что вода вмѣстѣ съ пла-
вающею на ней землею есть метеоръ, а между тѣмъ о Ѳалесѣ ничего подобнаго
извѣстія не говорятъ, и выпуклая постановка подобнаго извѣстія о положеніи
земли по ученію Анаксимандра (у Гипполита), по видимому, доказываетъ, что
Анаксимандръ первый открывалъ подъ землею свободное мѣсто круговращенію
неба; вѣрнѣе предположить, что вода Ѳалеса простиралась внизъ (и, конечно,
въ боковыя стороны, но едвали вверхъ) въ неопредѣленную даль и что въ ней
онъ искалъ такой опоры для земли, которая не представляла бы со стороны

Философія не только расширяла представленіе о космическомъ процессѣ за тѣ предѣлы времени, далѣе которыхъ оказывалось без-

своей плотности такихъ же препятствій для круговращенія неба, которыя должна была бы представлять земля; въ такомъ случаѣ дѣлается болѣе понятнымъ приписываемое ему Гипполитомъ (Dox. *Diels*. 555. 4—5) ученіе, что водою ἄστρων κινήσεις γίνεσθαι; и если въ своей водѣ онъ искалъ болѣе удобопроходимой среды для вращающагося неба, то его взглядъ окажется естественною переходною ступенью къ геніальной мысли Анаксимандра, что земля есть метеоръ. Но если принять это предположеніе, то въ массѣ воды, лежащей глубже того разстоянія, на которомъ вращается небо, мы будемъ, очевидно, имѣть бытіе трансцендентное въ отношеніи къ нашей вселенной, и въ такомъ случаѣ и другое ученіе Анаксимандра о томъ, что начало обнимаетъ вселенную или небеса, сдѣлается для насъ совершенно понятнымъ; дѣло въ томъ, что какъ Гезіодъ, такъ и древнѣйшіе философы іонійской школы ищутъ опоры для вселенной и естественно ставятъ первымъ реальнымъ звеномъ бытія то, что̀ можетъ служить такой опорой: у Гезіода происхожденіе земли, которую онъ называетъ εὐρύστερνος πάντων ἕδος ἀσφαλὲς αἰεὶ ἀθανάτων и къ которой прикрѣплено все бытіе, предшествуетъ происхожденію другихъ частей универсума, у Θалеса начало отожествляется съ водою, которая служитъ опорой самой землѣ, у Анаксимена оно отожествляется съ воздухомъ, которымъ, по его ученію, поддерживается земля и даже важнѣйшія свѣтила (Arist. De coel. II. 13. 294. b. 13—16. Hippol. Dox. *Diels*. 561. 2—4, сл. *Teichm*. Stud. z. Gesch. d. Begr. 84—91); естественно, что и Анаксимандръ смотрѣлъ на начало какъ на опору вселенной; и какъ скоро онъ перенесъ понятіе о низѣ, то-есть, о направленіи паденія тѣлъ, оставленныхъ безъ поддержки, на всю небесную периферію (какъ это видно изъ его доказательства неподвижности земли), неизбѣжно, начало и опора вселенной должна была у него не продолжаться только неопредѣленно внизъ, а охватить (περιέχειν) вселенную со всѣхъ сторонъ. Если тотъ же терминъ περιέχειν употребляетъ и Анаксименъ (Plut. Plac. и Stob. Dox. *Diels*. 278. 12—15), воротившійся, очевидно, къ Θалесову понятію о низѣ, то это, конечно, уже результатъ установившагося понятія о безконечности начала, слѣдовательно, о безпредѣльномъ распространеніи его во всѣ стороны; но при этомъ все же заслуживаетъ вниманія, что Анаксименъ сравниваетъ значеніе охватывающаго міръ воздуха съ значеніемъ души, которая, будучи воздухомъ, συγκρατεῖ ἡμᾶς; ясно, что съ представленіемъ охвата міра началомъ продолжаетъ соединяться представленіе о началѣ какъ не допускающемъ распаденія частей міра, условливающемъ соединенія ихъ въ одно цѣлое,—мысль, которая всего удобнѣе могла явиться при Анаксимандровомъ представленіи объ одинаковой возможности для всѣхъ центральныхъ частей вселенной разлетѣться во всѣ стороны. Когда Анаксимандръ вслѣдствіе сдѣланнаго имъ открытія, что земля метеоръ, пришелъ къ своему особому представленію о низѣ и поэтому призналъ начало облегающимъ міръ со всѣхъ сторонъ, то оставался одинъ шагъ для того, чтобы отъ этого представленія неопредѣленнаго продолженія бытія во всѣ стороны за границами міра перейдти къ ясной концепціи бытія безпредѣльнаго. Мысль о вѣчномъ движеніи и смѣнѣ міровъ въ выше разъясненномъ смыслѣ побудила сдѣлать этотъ шагъ, а вмѣстѣ дала логическое оправда-

сильно заглянуть воображеніе древнѣйшихъ поэтовъ, она не только требовала сознательной постановки конечности или безконечности бытія, она существенно измѣняла самое представленіе о космогоническомъ процессѣ. Характерную черту философскихъ космогоній даетъ намъ ясно видѣть Аристотель, когда онъ не одинъ разъ и очень опредѣленно говоритъ объ общемъ убѣжденіи физиковъ, что ничто не возникаетъ вновь и не превращается въ ничто [1]). Открытаго ученія о возникновеніи изъ ничего старается по возможности избѣгать уже древняя космогоническая поэзія. По установленіи первыхъ звеньевъ бытія, Гезіодъ говорилъ о рожденіи одного бытія изъ другаго, рисуя, очевидно, процессъ постепеннаго усложненія бытія аналогично съ процессомъ размноженія индивидуумовъ въ мірѣ человѣческомъ. Потребность въ такого рода образахъ, конечно, возникала изъ того же инстинкта мысли, который вызвалъ позднѣе сознательную вѣру въ невозможность чистаго возникновенія изъ ничего; но эти образы давали только мнимое удовлетвореніе вызвавшему ихъ инстинкту: въ космогонической поэзіи порождающее не убывало вслѣдствіе выдѣленія изъ него порождаемаго, а сохранялось во всей своей цѣлости, и такъ какъ эта поэзія не имѣла никакого представленія объ актѣ творческой воли, то порожденія на дѣлѣ были по своей субстанціи непонятною прибавкою къ существующему, то-есть, возникали изъ чистаго ничто. Убѣжденіе въ невозможности возникновенія изъ ничего и полнаго исчезновенія, съ которымъ выступила философія, въ существѣ дѣла равнялось убѣжденію, что кажущееся возникновеніе и исчезновеніе суть лишь замѣна одного бытія другимъ, что, напримѣръ (если взять эту мысль въ примѣненіи къ предметамъ, о которыхъ нерѣдко упоминается въ извѣстіяхъ о космогоническихъ взглядахъ философовъ) пары суть только испарившіяся или утончившіяся части воды, дождь—осѣдающіе или уплотнившіеся пары и пр. п. Это проясненіе инстинкта мысли, совершившееся, конечно, частію подъ вліяніемъ на-

ніе представленію о безконечномъ бытіи. Совершенно понятно, что представленіе о περιέχειν, на которомъ уяснялось понятіе τὸ ἄπειρον, тотчасъ же (вѣроятно, уже у Анаксимандра) само искало себѣ логическаго оправданія въ послѣднемъ понятіи, которое такъ счастливо, какъ казалось, нашло для себя твердую опору въ ученіи о вѣчномъ движеніи.

[1]) Phys. I. 4. 187. a. 27—29: διὰ τὸ ὑπολαμβάνειν τὴν κοινὴν δόξαν τῶν φυσικῶν εἶναι ἀληθῆ, ὡς οὐ γινομένου οὐδενὸς ἐκ τοῦ μὴ ὄντος. Gen. et corr. I. 3. 317. b. 28—31: ὃ μάλιστα φοβούμενοι διετέλεσαν οἱ πρῶτοι φιλοσοφήσαντες, τὸ ἐκ μηδενὸς γίνεσθαι προϋπάρχοντος. То же Metaph. I. 3. 984. a. кон. и др.

копленія фактовъ, свидѣтельствовавшихъ о такой замѣнѣ одного бытія другимъ, частію вслѣдствіе болѣе сознательнаго и внимательнаго отношенія къ фактамъ извѣстнымъ издавна, должно было произвести настоящій переворотъ въ космогоническихъ взглядахъ. Живая фантазія народа и его древнихъ поэтовъ не только олицетворяла разнообразныя части вселенной, небо, землю, море, рѣки и пр., она рисовала общія представленія, отвлеченныя отъ частныхъ сходныхъ другъ съ другомъ явленій (дня, ночи, зари, молніи, грома и пр. п.), въ качествѣ особыхъ конкретныхъ предметовъ и смотрѣла на послѣдніе какъ на непосредственную причину частныхъ явленій, которыхъ они дѣлались олицетворенными представителями; вслѣдствіе этого какъ наблюдаемая послѣдовательность частныхъ явленій одного за другимъ, такъ и разнообразныя другія случайно образовавшіяся ассоціаціи между ними вели къ установленію въ космогоническомъ процессѣ генетической связи не между самыми этими явленіями, а между олицетворенными ихъ отвлеченіями, тогда какъ самыя явленія уже непосредственно сводились къ этимъ отвлеченіямъ какъ своимъ причинамъ. Теперь идея замѣны одного бытія другимъ при возникновеніи и исчезновеніи бытія невольно заставляла генетически связывать другъ съ другомъ самыя явленія и реальные предметы; такимъ образомъ олицетворенныя отвлеченія оказывались излишними для ихъ объясненія и должны были скромно и безъ шума сойдти со сцены. Та же идея должна была при самомъ установленіи генетической связи между предметами и явленіями ограничивать значеніе случайныхъ ассоціацій, такъ какъ невольно заставляла обращаться къ такого рода фактамъ послѣдовательности, гдѣ можно было или прямо подмѣтить замѣну одного реальнаго бытія другимъ, или косвенно убѣдиться въ подобной замѣнѣ. Съ другой стороны, та же идея замѣны одного бытія другимъ при кажущемся возникновеніи и исчезновеніи должна была повести къ постановкѣ въ философскомъ сознаніи новаго философскаго вопроса. Вѣра въ невозможность безусловнаго возникновенія и безусловнаго уничтоженія есть вѣра въ непрерывное продолженіе реальности и должна вызывать стремленіе точнѣе опредѣлить то, что̀ именно продолжаетъ существовать въ процессѣ смѣны, не смотря на пестроту смѣннаго разнообразія. Первыя философскія системы, выходившія изъ предположенія о состоявшемся нѣкогда возникновеніи міра и, слѣдовательно, предполагавшія начало, первичное вещество, части котораго въ мірообразовательномъ процессѣ переходятъ въ новое состояніе, не могли не

слить представленіе объ этой продолжающейся реальности (какъ скоро явилась опредѣленная идея о ней) съ представленіемъ о своемъ первичномъ веществѣ, или лучше сказать, фактически идея непрерывно продолжающагося среди смѣны бытія изъ неопредѣленнаго смутнаго представленія впервые сама превращается въ опредѣленное представленіе, какъ скоро начало (ἀρχή) сознательно ставится не какъ только простой первый членъ цѣпи развитія, но и какъ реальность, продолжающая существовать въ другихъ предметахъ, которые изъ нея возникаютъ и которые разсматриваются какъ различные только способы ея существованія. Аристотель видитъ въ Ѳалесѣ родоначальника философіи; преданіе не приписываетъ Ѳалесу ни одного мнѣнія, которое напоминало бы особенности миѳологическихъ представленій, поэтому, хотя у насъ и нѣтъ извѣстій о подробностяхъ космогоническаго процесса по его взгляду, однако мы не имѣемъ ни малѣйшаго повода сомнѣваться въ томъ, что при его космогоническихъ объясненіяхъ вообще предполагалась замѣна одного бытія другимъ во всѣхъ процессахъ кажущагося возникновенія и уничтоженія. Но мы едва ли имѣемъ право думать, что уже у него неопредѣленная идея о непрерывномъ существованіи реальности при смѣнѣ перешла въ отожествленіе этой реальности съ началомъ, то-есть, что онъ уже утверждалъ не только, что изъ воды все возникаетъ и въ воду все возвращается, но что изъ воды все и состоитъ. Правда, Аристотель въ Metaph. I. 3 подобнымъ образомъ характеризуетъ начало древнѣйшихъ философовъ вообще и тотчасъ за этимъ начинаетъ перечень ихъ съ Ѳалеса, слѣдовательно, и его причисляетъ къ отожествлявшимъ начало съ субстратомъ. Но нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ предположеніи, что въ этихъ словахъ Аристотеля всему историческому ряду мыслителей приписанъ взглядъ, который не былъ высказанъ и твердо установленъ первымъ изъ нихъ, а существовалъ у него лишь въ зачаткѣ, но который развился тотчасъ же послѣ него и долженъ былъ развиться въ силу общаго убѣжденія этихъ мыслителей въ невозможности безусловнаго возникновенія и совершеннаго уничтоженія. Если справедливо, что теорія сжатія и расширенія формулирована была лишь Анаксименомъ, то этотъ фактъ долженъ подтверждать высказанное предположеніе, такъ какъ для мыслителей, признававшихъ за начало стихію, то-есть, вещество простое, лишь въ этой теоріи нашло для себя отчетливое выраженіе убѣжденіе въ непрерывномъ продолженіи существованія начала при самой смѣнѣ состояній. Заслуживаетъ, при разрѣшеніи этого вопроса, вниманія и показаніе позднѣй-

шихъ извѣстій, стоящихъ ближе къ первоисточнику, изъ котораго они черпали. Въ Plut. Strom., когда говорится о Θалесѣ, упоминается лишь объ ἀρχὴν τῶν ὅλων; но объ τὸ ἄπειρον Анаксимандра говорится здѣсь, что оно τὴν πᾶσαν αἰτίαν ἔχειν τοῦ παντὸς γενέσεώς τε καὶ φθορᾶς [1]), то-есть, здѣсь, очевидно, предполагается, что безконечное Анаксимандра было уже не только началомъ какъ вода Θалеса, но представляло собою и другія формы αἰτίας. Подъ этими другими причинами, вѣроятно, нужно разумѣть между прочимъ и то, что̀ впослѣдствіи называлось ὑποκείμενον или также στοιχεῖον (конечно, въ такомъ менѣе точномъ употребленіи этого слова, при которомъ не считали необходимымъ дѣлать исключеніе изъ него для Анаксимандрова бечконечнаго, единственнаго во всемъ древнемъ мірѣ начала, къ которому понятіе стихіи могло прилагаться лишь въ смыслѣ не совсѣмъ точномъ). Гипполитъ въ своемъ извѣстіи объ Анаксимандрѣ, по видимому, прямо даетъ разъясненіе этой πᾶσα αἰτία Strom. Plut. Онъ сначала называетъ безконечное ἀρχὴν τῶν ὄντων; затѣмъ назвавъ его ἀίδιον (καὶ ἀγήρω въ противоположность понятію о времени), то-есть, приписывавъ ему то свойство, съ которымъ соединено непрерывное продолженіе существованія, сводитъ результатъ въ положеніе: οὗτος μὲν οὖν ἀρχὴν καὶ στοιχεῖον εἴρηκε τῶν ὄντων τὸ ἄπειρον; послѣ этого онъ заключаетъ извѣстіе о безконечномъ Анаксимандра прибавкой: πρὸς δὲ τούτῳ κίνησιν ἀίδιον εἶναι, ἐν ᾗ συμβαίνει γίνεσθαι τοὺς οὐρανούς [2]). Такимъ образомъ, мы здѣсь имѣемъ три черты безконечнаго: оно, вопервыхъ, есть начало; вовторыхъ, вѣчно, что̀, нужно думать, древнему извѣстію давало поводъ называть его στοιχεῖον или, какъ у Симплиція, ὑποκείμενον [3]); и втретьихъ, ему присуще вѣчное движеніе. Очень вѣроятнымъ представляется, что эти черты безконечнаго сократились въ Plut. Strom. въ πᾶσαν αἰτίαν въ очевидное отличіе отъ воды Θалеса, названной только ἀρχήν [4]). Но какъ бы Θалесъ ни

---

[1]) Dox. *Diels*. 579. 5—8.

[2]) Ibid. 559, 15—22.

[3]) Simpl. in Phys. 150. 12—13; однако въ другомъ мѣстѣ 24. 13—15 στοιχεῖον, какъ и у Гипполита.

[4]) Видѣть въ фразѣ Гипполита объ Анаксимандрѣ πρῶτος τοὔνομα καλέσας τῆς ἀρχῆς (Dox. *Diels*. 559. 20—21) и въ подобныхъ фразахъ Симплиція (см. цитату предшествующую) прямое свидѣтельство о томъ, что Анаксимандръ первый *назвалъ* начало стихіей или субстратомъ, какъ хотятъ Тейхмюллеръ и Нейгэузеръ, мнѣ кажется, нельзя: ни самый текстъ извѣстій, ни общія историческія соображенія не оправдываютъ этого взгляда.

училъ, нельзя сомнѣваться по крайней мѣрѣ въ томъ, что у Анаксимандра уже совершилось отожествленіе начала съ продолжающею непрерывно существовать при смѣнѣ реальностью: на это указываютъ не только приведенныя извѣстія, но уже и тотъ фактъ, что онъ хочетъ получить разнородное чрезъ выдѣленіе изъ безконечнаго, оберегая такимъ образомъ содержаніе безконечнаго отъ прямаго перехода въ иное бытіе и какъ бы увѣковѣчивая въ немъ самомъ это иное содержаніе, которое должно заступить его мѣсто. И та неисчерпаемая сила рожденія, которая приписывалась теперь началу и которая рельефно выражалась въ его пространственной безпредѣльности, сама собою способна была вызывать убѣжденіе, что его природа сохраняется, а не разрушается, переходитъ лишь въ иное состояніе, а не замѣняется совсѣмъ иною природою при своихъ мірообразовательныхъ процессахъ. Такимъ образомъ, эта послѣдняя мысль, проходящая различныя стадіи своего развитія въ исторіи системъ древнихъ физиковъ, но всегда въ той или другой формѣ имъ присущая, должна была явиться уже у Анаксимандра, и можетъ быть, у него перваго.

Сочиненіе Анаксимандра не давало не только точнаго описанія природы безконечнаго, но и достаточныхъ данныхъ, изъ которыхъ можно было бы вывести его взглядъ на эту природу. Самъ Аристотель необыкновенно искусный въ толкованіи мнѣній своихъ предшественниковъ, очевидно, не рѣшается высказать опредѣленнаго сужденія о видовыхъ свойствахъ этой природы. И неопредѣленность въ этомъ пунктѣ Анаксимандровой системы не представляетъ ничего удивительнаго. Выраженія извѣстій: „природа безконечнаго“, „безконечное“,— выраженія, которыми ограничивался, конечно, и самъ Анаксимандръ, достаточно ясно говорятъ намъ, что мы присутствуемъ на торжествѣ открытія безконечности бытія и что свѣтъ великаго открытія въ ἀρχή этого свойства безконечности, неожиданное расширеніе доселѣ неопредѣленно очерчивавшагося передъ сознаніемъ кругозора такъ овладѣваетъ сознаніемъ, даетъ ему такое полное удовлетвореніе, что указаніе на эту безконечность кажется ему достаточнымъ разъясненіемъ всѣхъ вопросовъ относительно его природы. Однако эта неопредѣленность, въ какой по необходимости является передъ нами понятіе Анаксимандра о природѣ его безконечнаго, никакъ не безусловная. Разнообразныя отношенія, въ которыя ставились другъ къ другу безконечное и конечное бытіе при мірообразовательномъ процессѣ, все же давали возможность Аристотелю установить выше разъясненныя черты перваго, и онѣ во всякомъ случаѣ достаточны для

нас, чтобы понять по крайней мѣрѣ тѣ общія задачи космогоніи, которыя вызывали представленіе природы безконечнаго съ этими именно чертами. Признавая единство природы безконечнаго, Анаксимандръ, конечно, хотѣлъ придать ей свойства исходнаго пункта космогоническаго движенія, то-есть, возможную простоту, нерасчлененность содержанія для того, чтобъ имѣть возможность уже космогоническому процессу предоставить постепенное усложненіе и расчлененіе бытія, которыя характеризуютъ вселенную. Это стремленіе обще всѣмъ взглядамъ, признающимъ происхожденіе вселенной: оно вызываетъ мысль о первоначальности хаоса у Гезіода, воды у Θалеса, воздуха у Анаксимена, смѣшенія, въ которомъ ничто не выдѣлялось, у Анаксагора и пр. Но ставя въ безконечномъ на ряду съ единствомъ и все содержаніе остальнаго бытія какъ бы въ зачаточномъ состояніи, онъ хотѣлъ, очевидно, имѣть въ немъ такое свойство, которое объясняло бы, дѣлало бы понятнымъ для мысли происхожденіе изъ него будущаго разнообразія. Если въ хаосѣ Гезіода видѣть прежде всего зіяющую бездну съ самымъ неопредѣленнымъ представленіемъ о какомъ-либо содержаніи, ее наполняющимъ; если принять во вниманіе, что это содержаніе, какъ бы оно ни представлялось, очевидно, не играетъ никакой роли въ происхожденіи разнообразія, далѣе постепенно развивающагося, то послѣдняя черта Анаксимандрова начала окажется новою въ философіи сравнительно съ древнею поэзіей. Поэзія Гезіода, правда, тотчасъ же за хаосомъ вводитъ Эрота; но Эротъ имѣетъ цѣлію объяснять только вводимые далѣе акты рожденія, но не свойства рождаемаго, онъ не разъясняетъ, почему рождаемое имѣетъ такую, а не иную природу, почему вообще представляетъ оно бытіе разнообразное. Потребность, которая вызываетъ у Гезіода представленіе Эрота, скорѣе тожественна съ тою, которая заставляла философовъ прилагать началу вообще движеніе. Лишь теорія сжатія и расширенія представляла другую попытку объяснить изъ начала разнообразіе дальнѣйшаго бытія. Вмѣсто того, чтобы предполагать это разнообразіе какъ-то предсуществующимъ въ первоначальномъ бытіи и потому изъ него выдѣляющимся, она награждала начало способностью сжиматься и расширяться, то-есть, уплотняться и разрѣжаться и тѣмъ старалась сдѣлать прозрачнымъ для мысли появленіе новыхъ формъ. Если эта теорія Θалесу не принадлежала, то все, что могъ давать Θалесъ для объясненія изъ своего простаго начала будущей расчлененности и разнообразія вселенной,—все это только ограничивалось приписываемою ему Аристотелемъ ссылкой на факты опыта, доказывающіе значеніе жидкости при процессѣ рожденія. Но Аристо-

тель ясно даетъ понять, что руководится въ этомъ извѣстіи не какимъ-либо преданіемъ объ ученіи Θалеса, а простою догадкою; да и эти факты могли только свидѣтельствовать о томъ, что изъ единства жидкаго фактически возникаетъ разнообразное бытіе, но не разъясняли, какимъ образомъ это могло происходить, не дѣлали это происхожденіе понятнымъ для мысли; ссылка на факты опыта неоспоримо ставила космогонію на болѣе реальную почву, но она не давала какого-либо опредѣленнаго отвѣта на запросъ мысли, требовавшей объясненія этихъ фактовъ. Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи взглядъ Θалеса оказывается, по видимому, лишь переходною ступенью къ установкѣ проблеммы и къ попыткамъ ея рѣшенія, первый примѣръ котораго даетъ лишь система Анаксимандра. Мы уже знаемъ, какія противорѣчія должны были обнаружиться въ Анаксимандровомъ рѣшеніи этой проблеммы, въ постановкѣ природы единой и въ то же время какимъ-то образомъ содержащей въ себѣ многое. Нисколько не удивительно поэтому, что тотчасъ же у его преемника Анаксимена является совершенно иное направленіе въ разрѣшеніи проблеммы. Вмѣсто того, чтобы въ началѣ видѣть заключеннымъ уже все будущее разнообразіе, онъ награжаетъ его лишь такими способами движенія, которые сами собою должны давать это разнообразіе. Однако и направленіе, въ которомъ искалъ разрѣшенія проблеммы Анаксимандръ, вслѣдствіе возникновенія новаго направленія въ ея рѣшеніи, никакъ не сходитъ съ исторической сцены. Въ то время какъ къ Анаксимену примыкаетъ Діогенъ Аполлонійскій, мысль Анаксимандра оказывается имѣющею въ себѣ столько привлекательнаго, что въ преобразованномъ, правда, видѣ вновь она является у Анаксагора. Вслѣдствіе открытыхъ у Анаксагора противорѣчій Архелай опять принужденъ въ этомъ пунктѣ сблизиться съ Анаксименомъ; съ нимъ замираетъ школа древнихъ физиковъ. Наклонъ къ отрицанію происхожденія міра, продолженіе анализа понятія о бытіи неизмѣнномъ среди измѣненія, закончившееся ученіемъ о совершенно безкачественномъ субстратѣ, по видимому, совсѣмъ снимаютъ со сцены двѣ враждовавшія одна съ другою теоріи древняго міра; но на самомъ дѣлѣ ихъ отличіе другъ отъ друга, утонченное до чрезвычайности, еще продолжаетъ чувствоваться въ различіи Аристотелева понятія объ ὕλη какъ δύναμις, какъ потенціи всякой дѣйствительности, отъ Платонова понятія о матеріи какъ μὴ ὄν, какъ простой воспріемницѣ отражающагося на ней блеска міра идеальнаго.

У древнѣйшихъ греческихъ поэтовъ—миѳологовъ, Гомера и Ге-

зіода не было,—нужно сказать это прямо,—глубины религіознаго созерцанія. Ихъ дѣйствительные боги, награжденные высшимъ разумомъ и вѣдѣніемъ, могущественные хозяева вселенной, высшій предметъ почтенія, поклоненія и страха, лишены истинно божественнаго свойства—вѣчности, независимости по своему бытію отъ какого бы то ни было другаго бытія, а вмѣстѣ съ тѣмъ они лишены истинно божественной дѣятельности—мірозиждительной; отсюда самая глубина бытія, его первичныя творческія силы не озарены у нихъ свѣтомъ истинно божественнаго разумѣнія и мудрости. Переворотъ въ этомъ отношеніи ясно обозначается космогоніей Ферекида и философскимъ міровоззрѣніемъ Ксенофана. Ферекидъ относилъ Зевса къ первой тріадѣ, ясно признавая его вѣчность и приписывая ему міробразовательную дѣятельность. Вѣчность Ксенофанова Бога, полнота зависимости отъ него міра не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію [1]). Что же подготовляло возможность этой перемѣны во взглядахъ? Ростъ нравственной жизни постепенно очищалъ понятіе о богахъ, которымъ древняя миѳологія не затруднялась приписывать много недостойнаго. Но для того, чтобы живо почувствовать противорѣчіе, которое заключалось въ миѳологическихъ представленіяхъ объ отношеніи боговъ къ космосу, мнѣ кажется, было недостаточно одного развитія нравственныхъ представленій. Какъ извѣстно, преданіе, идущее отъ Ѳеофраста, ставитъ Ксенофана въ историческую связь съ Анаксимандромъ. Историческія работы послѣдняго времени указываютъ на зависимость Ферекида отъ взглядовъ того же Анаксимандра [2]). Поэтому едва ли можетъ показаться слишкомъ смѣлою мысль, что ученіе Анаксимандра о безконечномъ подготовляло къ этому перевороту въ религіозныхъ представленіяхъ. Извѣстія, которыя говорятъ, что Ѳалесъ называлъ воду Богомъ, справедливо считаются недостовѣрными. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и Анаксимандръ не давалъ такого имени своему безконечному: названіе боговъ онъ предоставлялъ высшему изъ производнаго бытія, самимъ мірамъ, возникающимъ въ безконечномъ [1]) Но вѣчность и пространственная безпредѣльность начала (хотя послѣдняя скоро же подвергнута была критическому анализу), а особенно полнота, всеобъемлемость его содержанія, обнимающаго въ себѣ все содержаніе міра въ объединенной формѣ, а не въ той односторонности, съ которою является оно въ частныхъ предметахъ; наконецъ, взглядъ на него не только какъ на опору міра, но и какъ на бытіе, дающее направленіе міровому движенію, все это возвышало его надъ богами миѳологіи, дѣлало его болѣе божественнымъ, чѣмъ были эти боги, которые могли сохранять свое божественное величіе лишь до тѣхъ поръ, пока философскій взглядъ, ища въ предыдущемъ основанія для разъясненія послѣдующаго, не озарилъ свѣтомъ величія самый исходный пунктъ бытія. Аристотель по существу совершенно справедливо говоритъ, что для учившихъ безконечному оно было θεῖον, и на этомъ θεῖον религіозное сознаніе должно было всего скорѣе почувствовать недостатокъ истинной божественности въ своихъ собственныхъ богахъ.

---

[1]) Разрѣшеніе въ ту или другую сторону поднятаго въ позднѣйшее время Фрейденталемъ (Ueb. d. Theolog. d. Xenoph. 1886) вопроса о правѣ приписывать монотеизмъ Ксенофану, для взгляда, нами развиваемаго, существеннаго значенія не имѣетъ.

[2]) См: *Diels*. Zu Pherekydes von Syros. *Archiv f. Gesch. d. Phil.* I. 1. Если справедливо, какъ доказываетъ O. Kern. (De Orph. Epim. Pherec. theog. 1888, p. 97—98), что по Ферекиду Хроносъ ἐκ τοῦ γόνου *Зевса* сдѣлалъ огонь, воду и воздухъ, то это образованіе Хроносомъ (временемъ) изъ γόνου Зевса-эѳира (ibid., p. 94) огня, воздуха и воды хорошо сличить со взглядомъ Анаксимандра, котораго безконечное, среднее по плотности между огнемъ и воздухомъ, вещество выдѣляетъ τὸ γόνιμον, причемъ также χρόνος становится въ неразрывную связь съ рожденіемъ и гибелью.

[1]) См. вышеприведенную цит. Цицерона. Plut. Plac. и Stob. (Dox. *Diels*. 302. 2—3): 'Αναξίμανδρος τοὺς ἀπείρους οὐρανοὺς θεούς. Подобныя же извѣстія повторяются и въ сочиненіяхъ церковныхъ писателей.